

~~R71404~~
10a

СБОРНИКЪ

ГРУЗИНСКИХЪ ЛЕГЕНДЪ.

71104
R 19

МОСКВА.

Университетская типогр., Страстн. бульв.

1899.

Предисловіе.

Замѣтивъ съ сожалѣніемъ, что наши старинныя легенды и преданія утрачиваются изъ памяти народной, я рѣшился собрать ихъ и напечатать, хотя вполнѣ сознаю несовершенство моего изложенія. Мною руководить единственно желаніе спасти ихъ отъ окончательнаго забвенія и я льщу себя надеждой, что, быть можетъ, они привлекутъ къ себѣ вниманіе кого-либо изъ моихъ талантливыхъ соотечественниковъ, которые не полѣнятся возстановить ихъ, въ ихъ первоначальной красотѣ. Несомнѣваюсь, что юный писатель сумѣетъ возвратить имъ ту прелесть и грацію, которыхъ лишаетъ ихъ мой

старческій лепеть и если они снова займутъ свое прежнее мѣсто въ памяти народной, трудъ мой будетъ вполнѣ вознагражденъ, а переложившаго ихъ писателя да вознаградитъ благодарность нашихъ соотечественниковъ.

Гульбитъ.

I.

Я С Ж А Ы

ЛЕГЕНДА XI ВѢКА.

II.

Р И Т И И .

Л Е Г Е Н Д А .

Во время Царя Георгія I, въ XI вѣкѣ, жилъ знаменитый воевода Кэурсъ, изъ славной фамиліи князей Орбеліани. Извѣстно, что эти князья ведутъ родъ свой отъ императоровъ китайскихъ и не разъ вступали въ родство съ царями нашими, почему и положеніе ихъ, при грузинскомъ дворѣ, было исключительно пріятное.

Надо прибавить къ этому, что преданность и усердіе князей Орбеліани вполнѣ оправдывали эти отличія. Они, изъ рода въ родъ, занимали должность спарапета т. е. генералиссимуса или начальника всѣхъ войскъ грузинскихъ и удивляли міръ своею храбростію.

Когда Георгій воевалъ съ греками, Кэурсъ попалъ въ плѣнъ, а такъ какъ это случилось во время битвы у деревни Ширимни, гдѣ погибло множество грузинскихъ военачальниковъ, въ томъ числѣ спарапетъ Рать и Зовать, братья Кэурса, то царь долгое время думалъ, что Кэурсъ убитъ вмѣстѣ съ ними. Только когда начались пере-

говору о мирѣ, императоръ Василій II предложилъ царю, вымѣнять Кѳурса на четырнадцать крѣпостей, а именно: по одной въ Тао, въ Базіанѣ, въ Артанѣ, въ Кола, въ Джавахетѣ, въ Шавхетѣ и такъ далѣе, и, сверхъ того, просилъ въ заложники сына Георгіева трехлѣтняго царевича-наслѣдника Баграта.

„Я такъ много обязанъ роду князей Орбеліани, что не пожалѣю за нихъ и полцарства“ — отвѣтилъ царь.

При окончаніи переговоровъ рѣшено было, что пребываніе царевича-наслѣдника, какъ заложника, въ Константинополѣ, продолжится лишь столько, сколько потребно будетъ времени для водворенія греческаго управленія въ вышепоименованныхъ крѣпостяхъ и никакъ не долѣе трехъ лѣтъ.

Нашлись люди, которые осуждали царя за отдачу четырнадцати лучшихъ крѣпостей впромѣнъ за одного человѣка, но народъ чуть не разорвалъ ихъ. Общая увѣренность въ воинскихъ способностяхъ князей Орбеліани была такъ неограничена, что многіе открыто говорили: „только-бы вернулся Кѳурсъ, а съ нимъ мы не только вернемъ свои крѣпости, но, съ Божіею помощію, приобрѣтемъ еще четырнадцать чужихъ!“
Ликованію, по случаю его возвращенія, не

было конца. Болѣе-же всёхъ радовалась двѣнадцатилѣтняя дочь его, Тамара.

Тяжелымъ горемъ лёгъ на нее плѣнъ отца, въ отсутствіе котораго она лишилась матери и брата. Увидѣвъ, что Тамара выѣхала къ нему навстрѣчу одна, въ сопровожденіи старой гамдели (мамушка) и нѣсколькихъ бичо (молодые мальчики прислужники), богатырь Кэурсъ, отъ взора котораго бѣжали цѣлыя полчища, заплакалъ, какъ дитя.

Отецъ и дочь бросились въ объятія другъ друга и долго не могли разстаться.

Клики радости въ народной толпѣ умолкли, всё вспомнили добрую, щедрую княгиню и красиваго мальчика, всюду ее сопровождавшаго, и невольно грусть омрачила общее ликованіе. Кэурсъ опомнился первый. Онъ обратился къ встрѣтившимъ его и пригласилъ ихъ на свой дворъ раздѣлить съ нимъ трапезу.

„Тамара постарается своею привѣтливостью замѣнить вамъ мою княгиню“, — сказалъ онъ, — „Господь не безъ милости; въ моей неволѣ, Онъ даровалъ мнѣ сына, взамѣнъ того, котораго взялъ. Плиній“, — обратился онъ къ красивому юношѣ, стоявшему сзади его, — „помоги сестрѣ и мнѣ угощать гостей“.

Всѣ взоры обратились на Плинія: высокій, стройный, съ тонкими, правильными чертами,

онъ носилъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ аристократическаго происхожденія. Чувствуя себя предметомъ общаго любопытства, онъ покраснѣлъ и невольно опустилъ взоры, какъ стыдливыя дѣвы наши, и скромность эта сразу расположила всѣхъ въ его пользу. Во время пиршества, и Кэурсъ и молодые люди обворожили всѣхъ своею любезностью.

Старый и всѣми уважаемый вельможа Александръ, котораго за храбрость и воинскіе успѣхи прозвали Македонскимъ, подсѣлъ къ Кэурсу и началъ такъ:

— Ты справедливо сказалъ, другъ, что Господь воздалъ тебѣ за потерю сына этимъ прекраснымъ юношей, привязанность и сыновняя почтительность котораго къ тебѣ всѣмъ намъ видимы и располагаютъ въ его пользу, но мы бы желали знать, кто онъ и почему ты усыновилъ его?

„Въ моей неволѣ“, — отвѣтилъ Кэурсъ, „Господь послалъ мнѣ друга. Онъ былъ знатный сановникъ, любимецъ императора и не нуждался въ дружбѣ плѣнника, тѣмъ не мѣше не проходило дня, чтобъ онъ не посѣщалъ меня. Мы рассказывали одинъ другому свои боевыя воспоминанія, и скоро полюбили другъ друга, какъ два брата. Когда пришло ко мнѣ извѣстіе о смерти жены и сына,

его дружественное сочувствіе было единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь и чрезъ него узналъ я, что онъ лишился любимой подруги въ день рожденія Плинія, за жизнь котораго, первые годы, тренеталъ ежечасно. Мальчику теперь восемнадцать лѣтъ, и онъ здоровъ, но слабосиленъ и требуетъ заботливаго ухода. Передъ отъѣздомъ моимъ сюда, другъ мой заболѣлъ и призвалъ меня къ себѣ:

— Я умираю, — сказалъ онъ, — и благодарю Бога, что это случилось до твоего отъѣзда, ибо тебѣ безбоязненно я поручу лучшее мое сокровище. Возьми Плинія вмѣсто того сына, котораго у тебя взялъ Богъ. Врачи находятъ, что для его здоровья необходимо болѣе жаркій климатъ, чѣмъ нашъ. Возьми его съ собою и замѣни ему меня!

Я поклялся любить и беречь его какъ сына и надѣюсь, что Господь поможетъ мнѣ исполнить мою клятву!“ — заключилъ Кэурсъ.

— Ты удовлетворишь моему любопытству на одинъ вопросъ, — сказалъ Александръ, — теперь я предложу тебѣ другой, но для этого намъ необходимо удалиться. Сердце мое такъ же тоскуетъ по сынѣ, который, по волѣ государя, попалъ въ число молодыхъ людей, сопровождающихъ царевича-наслѣдника въ Грецію. Хотя разлука наша не про-

должится болѣе трехъ лѣтъ, но мнѣ это время кажется вѣчностью.

Съ этими словами, старики удалились, а когда вернулись, то въ рукахъ ихъ были турьи рога, наполненные виномъ. Съ веселымъ видомъ, обратились они къ пирующимъ.

— Друзья, — сказалъ Александръ, — поздравьте меня и помогите мнѣ благодарить Кэурса, который отдаетъ мнѣ то, что имѣеть лучшаго: я помолвилъ сына моего на его дочери!

Посыпались поздравленія и пожеланія, и ликованіе продолжалось до глубокой ночи.

Кэурсъ и Александръ видались часто, послѣдній всегда спѣшилъ сообщить всякое извѣстіе о сынѣ, между прочимъ узналось, что молодыхъ людей, сопровождающихъ Батрата, учатъ всѣмъ европейскимъ языкамъ и наукамъ.

Кэурсъ задумался:

„Я далъ своей дочери воспитаніе вполнѣ грузинское, она не знаетъ ни европейскихъ языковъ, ни тѣхъ искусствъ, которыми тамошнія женщины привлекаютъ молодыхъ людей; не показалась бы она странна твоему сыну?“

— Позвольте мнѣ сказать слово! — неожиданно раздался свѣтлый, нѣжный голосъ Плинія.

Старики оглянулись на него, онъ стоялъ передъ ними, красный отъ волненія.

„Говори!“ — сказали они, въ одинъ голосъ.

— Покойный отецъ мой не жалѣлъ ничего для моего ученья, меня учили всему, чему у насъ учать. Наука давалась мнѣ легко, и, если вы позволите, я съ радостью передамъ свои познанія сестрѣ, которая и сама имѣетъ страстную охоту учиться.

Разрѣшеніе было дано, и съ тѣхъ поръ молодые люди были неразлучны. Подъ руководствомъ Плинія, Тамара скоро усвоила себѣ греческій языкъ въ совершенствѣ. Они вмѣстѣ изучали поэтовъ, затверживая лучшія мѣста наизусть. Чудный голосъ Тамары, казалось, еще улучшился, когда она научилась отъ Плинія подчинять его правиламъ музыки. Достали лиру, и по цѣлымъ часамъ распѣвали звучные стихи. Для молодыхъ людей дни, недѣли, мѣсяцы летѣли съ необычайною быстротой, они были счастливы вполнѣ и долго не понимали какъ они дороги стали другъ другу. Наконецъ это сознаніе пришло. Увѣренные въ любви къ нимъ Кэурса, они безбоязненно сообщили ему о своемъ открытіи.

Но Кэурсъ, разъ давъ слово Александру, не считалъ себя въ правѣ измѣнять его. Уроки были прекращены, Плинію воспре-

щено видѣться съ Тамарой иначе какъ въ присутствіи отца. Счастье молодыхъ людей внезапно превратилось въ жгучее горе, которое въ тайнѣ раздѣлялъ и Кэурсъ, искренно ихъ любившій.

Черезъ нѣсколько дней такого мученія, Плиній не выдержалъ и нашелъ случай тайно увидеть Тамару. Слезно умолялъ онъ ее, бѣжать съ нимъ въ Грецію и тамъ жениться, но никакія мольбы и слезы не могли убѣдить ее выйти изъ повиновенія отца.

— Твоя жена настолько должна быть лучше другихъ, насколько и ты самъ прекраснѣе всѣхъ людей въ мірѣ, — говорила Тамара, — какъ же можно тебѣ жениться на бѣглянкѣ. Нѣтъ, Плиній, подождемъ! Богу все возможно! Онъ все видитъ, все знаетъ, все цѣнитъ въ настоящую мѣру! Онъ знаетъ, легко ли намъ не видѣться, и я увѣрена, что если мы ничего не сдѣлаемъ такого, чтобы Его прогнѣвить, Онъ Самъ найдетъ способъ прекратить нашу разлуку, только ты не забывай меня и... не ищи случая видѣть меня... тайно.

И утро и вечеръ, и день и ночь молила Тамара Бога прекратить ихъ разлуку, и Господь услышалъ ея молитву.

Разъ, въ сопровожденіи старой гамдели и бичо, отправилась она на богомолье, въ

какой-то отдаленный монастырь, гдѣ жилъ старецъ строгой жизни, великій постникъ, молитвенникъ и подвижникъ.

Ему открыла Тамара свое горе, и старецъ повелъ ее въ свой садикъ. Тамъ, въ присутвіи всѣхъ, сталъ онъ надъ нею молиться. И вдругъ нашла страшная туча, засверкала молнія, послышались раскаты грома, одинъ другого продолжительнѣе и сильнѣе. Присутствующіе, въ страхъ, пали на землю. Наконецъ гроза стихла.

— Вставайте! — послышался голосъ старца, — Господь услышалъ насъ грѣшныхъ и утѣшилъ Тамару!

„Гдѣ же она?“ спросили окружающіе.

— Вотъ! — отвѣтилъ старецъ, и указалъ на прелестную, благоухающую лилію, внезапно явившуюся среди его сада. — Господь преобразилъ ее въ цвѣтокъ! — пояснилъ онъ.

Окружающіе не вѣрили.

Гамдели подняла вой, что Тамару спрятали коварный старецъ. Забывъ страхъ Божій и боясь гнѣва Кэурса, она осыпала его проклятіями и ругательствами. Бичо, изъ которыхъ многіе были мусульмане, обшарили весь монастырь, всѣ окружающіе лѣса и кустарники и, не найдя нигдѣ Тамары, убили святого старца и подожгли монастырь.

Сгорѣло вѣковое зданіе, сгорѣла каменная

ограда, сгорѣли столѣтнія деревья, сгорѣла огромная библіотека, сгорѣло все скудное добро иноковъ. Не сгорѣла одна церковь и бѣлая лилія, въ которую обратилась Тамара. Услыхавъ объ этомъ, и Кэурсъ и Плиній поспѣшили на пепелище монастырское. Въ церкви не было никого, остальное же все представляло открытое поле угля и пепла.

Искать Тамару было негдѣ. Только среди всего этого пепла росла бѣлая лилія, свѣжая, прекрасная, благоухающая. Плиній первый къ ней приблизился и заплакалъ. За нимъ послѣдовалъ Кэурсъ и обмеръ отъ удивленія. Онъ замѣтилъ, что когда слёзы Плинія попадали на окружающіе лилію угли и камни, нѣжные лепестки ея желтѣли отъ ревности, когда-же онѣ капали на лилію, то ова краснѣла отъ счастья.

„Тамара, ты-ли это?“ — спросилъ отецъ.

Пронесся тихій вѣтерокъ, и Плиній, и Кэурсъ ясно слышали, какъ, подъ дуновениемъ его, листья лиліи издали звукъ:

— Я!

Безутѣшный Кэурсъ, не могъ перенести потери дочери, тутъ же умеръ отъ горя, а бѣдный Плиній такъ долго и много плакалъ, такъ пламенно молилъ Бога, чтобы Онъ соединилъ его съ Тамарой, что Господь, наконецъ, обратилъ его въ дождь.

Я слышалъ, что въ прежнее время, какъ только случится засуха, жители окрестныхъ деревень спѣшили къ оставленной церкви, кругомъ которой всегда во множествѣ росли лиліи и набирали ихъ цѣлыя корзины. Благоухающую добычу раскладывали они по полямъ и садамъ, и молодыя дѣвицы наши пѣли пѣснь Тамары. Прелестное, звучное стихотвореніе, столь-же благоухающее и чистое, какъ и милый цвѣтокъ имъ воспѣваемый. Это, собственно, молитва Тамары со всей ея дѣтской вѣрой въ могущество Божіе. Она кончается призываніемъ Плінія, который, говорятъ, всегда является въ видѣ благотворнаго теплаго дождя.

Я слышалъ, даже, будто лиліи эти сохранили рѣдкую способность то краснѣть, то желтѣть, а молодыя дѣвицы наши устроили изъ этого что-то въ родѣ гаданія. Каждая замѣчаетъ себѣ одинъ цвѣтокъ и, послѣ дождя, идетъ его отыскивать.

Если онъ пожелтѣлъ то чувства суженаго ей подлежатъ большому сомнѣнію, если же покраснѣлъ, то нельзя сомнѣваться въ его привязанности.

Не знаю сохранился ли этотъ обычай? Миѣ всегда жаль, когда какое-нибудь подобное преданіе забывается! Въ нашихъ старинныхъ легендахъ было столько чистаго,

честнаго, возвышеннаго, что онѣ, этимъ нимъ были поучительны.

Обычай европейскихъ народовъ, быть можетъ, болѣе привлекательны, но въ нихъ нѣтъ вовсе такого простого дѣтскаго поклоненія всему благородному, какъ въ нашихъ старинныхъ обычаяхъ, которые, по справедливости, можно назвать „гимномъ добродѣтели“. Каждая изъ нашихъ легендъ въ рукахъ юнаго писателя есть неисчерпаемое сокровище граціи. Не мнѣ старому, хворому, удрученному горемъ и нуждою, браться ихъ описывать! У меня нѣтъ больше тѣхъ юныхъ, пылкихъ словъ, тѣхъ нѣжныхъ красокъ, которыми слѣдуетъ писать подобныя свѣтлыя картинки!

Я ихъ пишу только потому, что ихъ здѣсь никто не знаетъ и жаль будетъ, если, съ моею смертію, они пропадутъ вовсе! А, можетъ быть, кто-нибудь моложе и искуснѣе меня, возмется изложить ихъ языкомъ болѣе увлекательнымъ, болѣе поэтичнымъ, болѣе достойнымъ ихъ природной, самобытной прелести.

Когда Персіей управлялъ престарѣлый Шахъ Джемшидъ, не имѣвшій сына, всѣ молодые люди, знатныхъ фамилій, старались выказать себя передъ своимъ государемъ, въ надеждѣ быть имъ усыновленнымъ: кто занимался своею паружностію, одѣвался щеголевато, непомѣрно стягивалъ талию и ноги, выписывалъ ароматы изъ Аравіи и надѣялся ослѣпить старика красотою. Кто упражнялся въ скачкѣ, стрѣльбѣ и прочихъ воинскихъ искусствахъ и хотѣлъ очаровать его своею ловкостію въ джигитовкѣ. Кто посвящалъ все свое время изученію всякихъ искусствъ: лѣпилъ, рисовалъ, слагалъ стихи, игралъ на различныхъ инструментахъ, пѣлъ, плясалъ и мечталъ обворожить Джемшида своими талантами. Кто предавался изученію серьезныхъ наукъ, писалъ серьезныя сочиненія, проводилъ вечера въ разговорахъ съ учеными мужами и думалъ оболъстить его своими познаніями. Кто разсыпалъ предъ нимъ деньги, угощалъ нищихъ, одѣвалъ вдовъ, окружалъ себя старцами и убогими

и хотѣлъ своею щедростію привлечь на себя вниманіе добраго шаха. Нашелся и такой, который за наставленіями обратился прямо къ Иблису, то есть—демону.

Преданіе не сохранило намъ совѣтовъ этого наставника, но повѣствуетъ только, что ученикъ діавола Аждехакъ успѣлъ по нравиться Джемшиду и былъ имъ усыновленъ и объявленъ наслѣдникомъ престола.

Извѣстно, что діаволь никогда не благодѣтельствуетъ даромъ и, въ видѣ платы за труды, потребовалъ, чтобы Аждехакъ убилъ Джемшида.

Долго сопротивлялся молодой человѣкъ. Ему жаль было добраго старика, искренно къ нему привязавшагося и осыпавшаго его милостями, однако діавольское краснорѣчіе превозмогло и совѣсть и благодарность, и бѣдный Джемшидъ погибъ отъ руки усыновленнаго имъ Аждехака.

Едва совершилось преступленіе, какъ явилось и наказаніе, ужасное, невиданное и неслыханное! Изъ каждаго плеча преступника вышло по огромному змѣю, которые, хвостами продолжали держаться въ его тѣлѣ. Питались они исключительно человѣческими мозгами.

Пришлось установить жребій и, ежедневно, нѣсколько персидскихъ семействъ оглашали

воздухъ своими воплями, провожая своихъ родственниковъ на ужасную смерть.

Послѣ кроткаго царствованія Джемшида такіе порядки казались еще ужаснѣе.

Въ то время жилъ знатный и богатый старецъ Моисей: онъ былъ щедръ и гостепріименъ и бѣдные, безпріютные, странные, убогіе толпились кругомъ его хоромъ и никто не уходилъ безъ богатаго подаянія. Онъ былъ мудръ и ученъ, и знатные и бѣдные сѣвши кѣ нему за совѣтомъ. Всякаго находилъ онъ время выслушать, всякому сказать слово на пользу, такъ что уста его уподоблялись переполненной сокровищницѣ, изъ которой, если чуть открыть дверь, непременно выпадетъ жемчужина, или алмазь, или яхонтъ, или еще какой-нибудь драгоценный камень. Онъ былъ могущественъ и любимъ при дворѣ, и всѣ обиженные, оклеветанные бѣжали кѣ нему и находили въ немъ защиту и оправданіе. Онъ такъ любилъ своихъ соотчичей, что не щадилъ для нихъ ничего, не дорожилъ ни временемъ, ни трудомъ, ни состояніемъ; часто, раздавъ все, онъ снималъ съ себя верхнюю одежду, чтобы прикрыть ею какого-нибудь обнаженнаго старца. Джемшидъ весьма высоко цѣнилъ его и часто шутя говаривалъ:

„Моисей, ты, кажется, ничего на свѣтѣ не любишь и ничѣмъ не дорожишь?“

— Извините, государь, — отвѣтилъ онъ однажды, — я только всю свою способность любить сосредоточилъ на одномъ предметѣ, и для всего остального у меня уже не осталось чувства.

„Что-же, или кто-же это?“ — спросилъ Джемшидъ.

— Это — единственное мое дѣтище, дочь моя Нана!

Въ одинъ прекрасный день, когда, казалось, солнце свѣтило лучше обыкновеннаго и придавало всему праздничный видъ, съ утренней зари, разсыпались по всему городу глашатаи и звали всѣхъ знатныхъ и убогихъ къ Моисею, на великую радость и пирь.

Стеклось такое множество людей, что не только обширныя его хоромы и просторный дворъ, но и вся окружающая городская площадь, были переполнены гостями. Угощеніе было самое роскошное, самое обильное и одинаковое, какъ для знатнѣйшихъ сановниковъ, наполнявшихъ домъ, такъ и для самыхъ убогихъ нищихъ, пріютившихся на краяхъ площади. Моисей давалъ пирь, по случаю помолвки своей дочери съ персидскимъ принцемъ, изъ древней царственной

династіи Пишъ-Дадіани, по имени Тритино. Онъ былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому своею воинскою доблестью, отличался гигантскимъ ростомъ, сверхъестественною силой, необычайною ловкостью и замѣчательною красотой.

Самыя искреннія поздравленія и пожеланія слышались изъ тысячи устъ на жениха, не вѣсту и Моисея.

Самъ Аждехакъ (имя это значитъ „драконъ“) пожелалъ принять участіе въ общемъ торжествѣ и неожиданно явился среди пирующихъ. Вниманіе Моисея и обрученныхъ сосредоточилось на государѣ, который былъ необычайно любезенъ. Слѣдуя старинному обычаю, Тритино, выслушавъ поздравленіе Аждехака, подвелъ къ нему свою не вѣсту и собственноручно приподнялъ чадру, скрывавшую предестныя черты ея отъ любопытныхъ взоровъ присутствующихъ.

Всѣ были ослѣплены ея необычайною красотой. Даже злые змѣи, покойно дремавшіе на плечахъ государя, подняли головы и не сводили глазъ съ Наны.

Черезъ нѣсколько минутъ Аждехакъ покинулъ пиръ, который продолжался далеко за полночь. Возвратясь домой, счастливый и усталый Тритино легъ спать и сны его были продолженіемъ счастливаго дня, какъ вдругъ

его пробудили печальные вопли. Ему пришли сказать, что жребій палъ на Нану и что, съ восходомъ солнца, Моисей обязанъ вести ее въ жертву змѣямъ и Аждехаку.

„Я самъ поведу Нану!“ — покойно и рѣшительно отвѣтилъ Тритино и опрометью бросился въ домъ Моисея.

Во всемъ окружающемъ воздухѣ стоялъ гулъ отъ плача и рыданій тысячъ плакавшихъ и причитавшихъ; Моисея нашелъ онъ полумертвымъ отъ горя, возлѣ него стояла Нана предестная, блѣдная, но покойная.

„Нана, я самъ поведу тебя и не дамъ ни змѣямъ, ни Аждехаку!“ — вырвалось изъ устъ Тритино.

— Намъ еще болѣе получаса до назначеннаго времени, — отвѣтила Нана, — и я хочу сказать тебѣ, господинъ мой, что я не боюсь ни змѣй, ни Аждехака, у меня есть заступникъ сильный, могущественный, непобѣдимый. Гамдели моя была еврейка, она тихонько научила меня любить и поклоняться истинному Богу, Который всегда защищаетъ вѣрующихъ въ Его могущество: мы возьмемъ ее съ собою и, я увѣрена, что ея святая молитвы обезоружатъ змѣй; съ Аждехакомъ же, конечно, сладить мой Тритино, поэтому-то я покойна, но я не умѣю передать мое спокойствіе, мою увѣренность отцу!

Въ это время, вошли посланные шаха. Крикъ ужаса вырвался изъ устъ несчастнаго старца, и слуги замертво вынесли его изъ покоя.

„Одна женщина и одинъ безоружный мужчина могутъ проводить Нану!“ — провозгласили придворные, и Нана, и Тритино, и гамдели отправились съ ними. У дверей опочивальни шаха ихъ всѣхъ тщательно обыскали и потомъ впустили къ Аждехаку, заперевъ за ними тяжелыя бронзовыя двери.

Гамдели и Нана обѣ молились, первая громко, не стѣсняясь присутствіемъ шаха. Она бросилась на колѣна и, воздвигая руки къ небу, взывала къ могущественному Богу Израилеву о помощи! Нана стояла за нею, опустивъ взоры и внутренно молилась вмѣстѣ съ старухой. При видѣ ихъ, шахъ всталъ и, съ недоброю улыбкой, направился къ нимъ на встрѣчу. Змѣи проснулись, зашипѣли, радостно протянули головы и выставили свои зараженныя жала. Тритино стоялъ рядомъ съ Наной, блѣдный какъ смерть, съ пылающими взорами.

Обыкновенно, въ нѣкоторомъ разстояніи Аждехакъ останавливался, змѣи вытягивались, однимъ изгибомъ своего огромнаго тѣла опрокидывали сопровождавшихъ, потомъ вонзали свои жала въ голову жертвы и привле-

кали ее къ шаху. И теперь они съ радостнымъ свистомъ вытянулись и окаменѣли. Видя ихъ неподвижность, Аждехакъ хотѣлъ приблизиться, но Тритино бросился на него, какъ ураганъ, длинными тѣлами змѣй связалъ онъ его и повергъ на землю.

Одного удара богатырской ноги было достаточно, чтобы выломать тяжелыя бронзовыя двери, и чрезъ нѣсколько мгновений Тритино уже тащилъ своего плѣнника, черезъ площадь, вонъ изъ города, мимо оторопѣвшихъ тѣлохранителей, на высокую и неприступную гору Демавендъ, гдѣ онъ и приковалъ его къ скалѣ.

О смерти Аждехака есть два сказанія: одно говоритъ, что и онъ, и змѣи умерли съ голоду, другое — что змѣи сначала умертвили его, выпивъ его мозгъ, а потомъ сами погибли голодною смертію. Тритино же былъ провозглашенъ царемъ персидскимъ, женился на Нанѣ, взялъ во дворецъ гамдели, которую щедро наградилъ, а также и Моисея, мудрыми совѣтами котораго руководствовался при управленіи царствомъ, и былъ общимъ любимцемъ.

По совѣту Моисея, отправилъ онъ воеводу Ардама въ Картли на завоеваніе этой благословенной страны. Ардамъ перебилъ неистовавшихъ тамъ хазаръ, овладѣлъ всеми горо-

дами и крѣпостями и выстроилъ на берегу Каспійскаго моря городъ Дарубандъ, что значить „закрытая дверь“.

Онъ же обнесъ стѣной Мцхеть: это было первое зданіе изъ камня и извести, до него карталинцы воздвигали дома или деревянныя, или высѣченныя въ скалахъ, или изъ камня съ глиной. Былъ и еще одинъ способъ, но имъ пользовались только развѣ цари или самые богатые люди: это были цѣлыя зданія, въ которыхъ огромные камни стесывались съ одной стороны и держались безъ помощи какого бы то ни было цемента, плотно задвигаясь одинъ на другой. Такимъ же новымъ способомъ, то-есть камнями на извести, была воздвигнута крѣпостная стѣна въ Армази и окончена таковая же, по всей горѣ Армази до рѣки Мткуаръ.

Грузины съ благодарностью вспоминаютъ правленіе Тритино, котораго на грузинскомъ языкѣ зовутъ Апридунъ. Что затѣвалъ Апридунъ, ему всегда удавалось, потому что онъ умѣлъ предложить это народу въ пріятной формѣ.

Такъ, когда, по совѣту Моисея, онъ послалъ Ардама, чтобы овладѣть Грузіею, воеводѣ строго - на - строго было запрещено являться въ видѣ завоевателя.

Ардамъ объявилъ грузинамъ, что присланъ

Апридуномъ помочь имъ избавиться отъ хазаръ. Грузины немедленно присоединились къ его войску и, подъ его предводительствомъ, освободились отъ хазаръ. Въ пылу восторженной признательности, освобожденные успѣшили провозгласить Апридуна царемъ. Онъ пользовался искреннею, безпредѣльною преданностью къ нему своихъ подданныхъ, замѣтимъ при томъ, что Апридунъ вполне заслуживалъ подобныя чувства, ибо онъ соединялъ въ себѣ всѣ тѣлесныя и душевныя качества, привлекающіе сердца подданныхъ къ государямъ.

Извѣстно, что онъ былъ великанъ, силачъ и красавецъ, обладалъ необычайнымъ умомъ, нѣжнымъ и сострадательнымъ сердцемъ и рѣдкимъ, по тогдашнему, образованіемъ, ибо о немъ повѣствуютъ, что онъ, не только умѣлъ извлекать пользу изъ каждаго дерева и камня, но могъ даже объяснить зачѣмъ Господь сотворилъ и послѣднюю былинку, уныло растущую на стѣнахъ старыхъ зданій. Онъ столько же прославился своею строгою справедливостію и безпредѣльною храбростію, сколько и неподражаемымъ милосердіемъ, царственною щедростію и замѣчательною проницательностію.

Личная его храбрость и ловкость во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ привлекала и располагала къ нему воинственныхъ грузинъ.

Плиній говоритъ, что, во время царствованія этого государя, на югъ отъ Дарьяльской тѣснины, на горѣ поставлено было укрѣпленіе, названное „Пуманія“. Теперь грузины зовутъ это мѣсто, обратившееся въ деревню „Кумписъ-Цихе“, а русскіе — „Полмучиха“. Тамошніе поселяне и до сихъ поръ продолжаютъ выдѣлывать оружіе, славящееся на всемъ Востокѣ. Особенною извѣстностью и высокою цѣною отличаются отравленные клинки, называемые „бебути“.

III.

ფ ა რ ი ა ო ვ ლ .

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ ГРУЗИИ.

Когда Персія должна была смириться передъ Александромъ Македонскимъ, той же участи подверглась и Грузія. Онъ пришелъ къ намъ изъ Тессалии и нашелъ на рѣкѣ Куръ народы дикіе, которые называли себя бунтурками и кипчаками.

Эти народы явились къ намъ за 1424 года до Р. Х. Объ ихъ появленіи старинные наши лѣтописцы повѣствуютъ такъ. Двадцать восемь знатнѣйшихъ турецкихъ фамилій, спасаясь отъ ярости персидскаго шаха, покинули отечество и, переплывъ Каспійское море, поднялись по Куръ, до Мцхета.

На востокъ отъ Мцхета нашли эти турки пещеру, высѣченную въ скалѣ, и стали просить у мамасаэлиса (родоначальникъ) позволенія поселиться въ ней, обѣщая за то отражать всѣ нападенія персовъ на Грузію. Мамасаэлисъ извѣстилъ объ этомъ всѣхъ таргамсіанъ (потомки Таргамоса, родоначальника грузинъ и остальныхъ семи племенъ, населяющихъ Кавказъ и Грузію) и, съ согласія ихъ, выстроилъ для пришельцевъ,

нѣкоторыя необходимыя зданія вокругъ пещеры.

Однако не всѣ остались близъ Мцхета, многіе Турки послѣдовали за жителями, приходившими на совѣтъ и такимъ образомъ разсѣялись по всей Грузіи. Оставшіеся же близъ Мцхета, воздвигли вокругъ отведеннаго имъ мѣста сильное укрѣпленіе. Благодарные за радушный пріемъ, они жили съ грузинами очень дружно и ревностно помогали имъ возстановлять крѣпости и укрѣплять города. Услышавъ о томъ, какъ счастливо живутъ бунтурки въ Грузіи, многіе изъ Греціи, Сиріи и Хазаріи послѣдовали ихъ примѣру, и такъ же радушно были принимаемы. За 586 лѣтъ до Р. Х., когда Іерусалимъ былъ во власти Навуходоносора, многіе евреи явились къ мамасаэлису съ просьбой, чтобъ онъ и имъ отвелъ гдѣ-нибудь землю, для жительства и обѣщали платить за то дань; вслѣдствіе чего и отведена имъ была долина Занаву, заимствующая свое названіе отъ ручья этого имени.

Но возвратимся къ бунтуркамъ. Эти дикари ѣли всѣхъ животныхъ безъ различія, вступали въ бракъ безъ малѣйшаго вниманія къ родству и мертвыхъ не хоронили, а съѣдали. Это было за 335 лѣтъ до Р. Х.

Пораженный такимъ варварствомъ, Алек-

сандръ хотѣлъ было истребить всѣхъ бунтурковъ и кипчаковъ, но передумалъ, когда узналъ, что остальные обитатели страны вовсе не походятъ на этихъ пришельцевъ. Онъ встрѣтилъ по всей Грузіи много искусно укрѣпленныхъ городовъ. Всѣ эти крѣпости и города были населены народомъ воинственнымъ и храбрымъ, который не легко было бы покорить, а Александръ берегъ своихъ воиновъ, для прежде намѣченныхъ походовъ. Сверхъ того, тамъ были люди, съ замѣчательнымъ знаніемъ военнаго дѣла, ибо многіе халдеи переселились въ Грузію и образовывали туземцевъ. Сообразивъ, что для борьбы съ ними понадобится сосредоточенное вниманіе, Александръ рѣшился оставить покореніе Грузіи до болѣе свободнаго времени и продолжалъ путь. Когда же покорилъ всю землю, пришелькъ къ Мцхету и, раздѣливъ армію свою на множество частей, послалъ осаждать всѣ города Грузіи вдругъ, а самъ остался въ Настакши. Въ теченіе шести мѣсяцевъ всѣ города были взяты, кромѣ укрѣпленій Хунани и Тухариси, которыя были такъ хорошо защищены бунтурками, что даже Александръ счелъ невозможнымъ ихъ осаждать.

Бунтурки между тѣмъ своимъ варварствомъ не мало раздражили Александра, и

тотъ, отвергнувъ всѣ ихъ переговоры, сказалъ:

„Вы оскорбили и раздражили меня, а потому и должны всѣ до одного быть истреблены мною“.

Тогда онъ окружилъ городъ такъ, чтобы никто не могъ выйти, а бунтурки начали пробивать скалу, такъ что къ концу года, когда уже невозможно имъ было держаться, они всѣ спаслись чрезъ это отверстіе и большая часть удалилась на Эльбрусъ. Александръ же овладѣлъ всею остальною Грузіею и рѣшился истребить всѣ народности, кромѣ потомковъ Картлоса, то-есть грузинъ, а потому женщинъ и дѣтей моложе шестнадцати лѣтъ отвелъ въ плѣнъ, а мужчинъ убилъ. Правителемъ Грузіи онъ назначилъ родственника своего Азона, который хотя и родился въ Македоніи, но родъ свой велъ отъ Іареда, сына Апридунова, о которомъ мы говорили подъ его зендскимъ именемъ Тритино.

Для удержанія грузинъ въ покорности, Александръ оставилъ Азону значительное войско, въ томъ числѣ сто тысячъ протатосовъ (воинъ перваго ряда); это были люди храбрые, рѣшительные, которые причиняли не мало безпокойства въ Римѣ, и Александръ воспользовался случаемъ избавиться отъ нихъ.

Александръ приказаль Азону ввести въ Грузіи поклоненіе солнцу, лунѣ и пяти звѣздамъ и вѣрованіе Богу невидимому, творцу вселенной. Происхожденіе Азона отъ Гаредда, память котораго была непавидима, и безъ того уже нерасполагало къ нему сердца грузинъ, а онъ еще болѣе усилилъ общую къ себѣ непріязнь раззореніемъ Мцхэ-та. Александръ оставилъ только четыре крѣпости, защищавшія входъ въ древнее населѣдіе Картлоса.

Взамѣнъ всѣхъ уничтоженныхъ укрѣпленій, Азонъ, по приказанію Александра, заложилъ огромную стѣну, которая начиналась отъ самаго Дарубанда (Дербентъ) и простиралась на триста шестьдесятъ верстъ. Слѣды ея еще, до сихъ поръ, видны подъ водой въ Каспійскомъ морѣ, на востокъ отъ Дарубанда; а на западъ стѣна идетъ по горамъ, до древней Албаніи, противъ Мухахскаго ущелья и по деревнѣ Катехи, гдѣ, впрочемъ, она сложена изъ булыжника съ известкой, тогда какъ, въ другихъ мѣстахъ она изъ камней въ 40 футовъ вышины и семь футовъ ширины.

Александръ овладѣль Эжисомъ (нынѣшняя Мингрелія) и заставилъ осетинъ, лезгинъ и хазаръ платить себѣ дань. Устроивъ, такимъ образомъ, управленіе Грузіей, Алек-

сандръ пошелъ въ Египеть и основалъ тамъ городъ Александрію, послѣ чего обошелъ весь свѣтъ и все покорилъ своему владычеству, хотя царствовалъ всего двѣнадцать лѣтъ и восемь мѣсяцевъ и жилъ только тридцать три года *). Едва умеръ Александръ, какъ Азонъ оставилъ поклоненіе солнцу и, сдѣлавъ двухъ идоловъ: золотого и серебрянаго, сталъ принуждать грузинъ приносить имъ въ жертву сыновей своихъ. Азонъ такъ же предписалъ своимъ воинамъ убивать каждаго выдающагося грузина.

На смерть обрекался всякій хорошо владѣющій оружіемъ или ловкій наѣздникъ, или статный, или красивый собой. А такъ какъ всѣ вышепоименованныя качества суть природныя черты грузинскаго народа, то подобное рѣшеніе, было равносильно истребленію всей націи. Впрочемъ, не одни грузины страдали отъ его жестокости, многіе римля-

*) Некоторые утверждаютъ будто Александръ не былъ въ Грузіи, пусть же они прочтутъ въ извѣстномъ сочиненіи изданномъ въ Венеціи въ 1848 году: „Vie d'Alexandre d'après des sources latines et grecques perdues“ письмо Александра, къ его матери Олимпиадѣ, въ которомъ онъ говоритъ слѣдующее: „De là nous nous nîmes en marche et arrivâmes à des cavernes, où j'ai fait retracer, en souvenir de mon nom, ceux de Vapus, des rois Arivasdon et Mazac, soumis par moi, ceux des Mars, des Arméniens et des Ibériens et de tout le pays de Perse, ni regnait le Grand Darius. (Codoma)“.

не были такъ же умерщвлены. Наконецъ Грузія избавилась отъ этого притѣснителя предприимчивостію Фарнаоза.

Въ сраженіи при Граникѣ, отецъ Фарнаоза Митридатъ и братъ его Самаръ напали на Александра, потому что высокія перья на шлемѣ отличали его отъ прочихъ грековъ. Александръ защищался искусно и мужественно, но Митридатъ нанесъ ему ударъ въ голову, которымъ пробилъ крѣпкій шлемъ, и когда Александръ обратился на него, Самаръ занесъ руку, чтобы нанести ему ударъ смертельный. Въ эту минуту подоспѣлъ Клить, храбрый македонянинъ, и сильнымъ ударомъ сзади, отсѣкъ у Самара руку съ мечомъ; Александръ, между тѣмъ, поразилъ Митридата.

Битва кончилась совершенно въ пользу македонянъ. Самаръ погибъ, а вдова Митридата, съ трехлѣтнимъ сыномъ Фарнаозомъ, оставила Испагань, всегдашнее мѣсто своего пребыванія, и укрывалась въ Кавказскихъ горахъ, пока малютка не возмужалъ. Фарнаозъ былъ столь же прекрасенъ наружностью какъ и отецъ его, наследовалъ его умъ, храбрость и ловкость. Придя въ возрастъ, онъ убѣдилъ мать свою переселиться въ Мцхетъ, законное наслѣдіе свое, а она, хотя и исполнила желаніе его, но

не переставала умолять его возвратиться въ Персію, опасаясь, чтобы знатность его рода и рѣшительность характера не навлекли на него злобы Азона. Нечаянный случай открылъ Азону ловкость Фарнаоза въ охотѣ и необычайную неустрашимость его; тогда опасенія матери удвоились, она безпрестанно повторяла: „Сынъ мой, остерегись этого чело-вѣка и скрывай свои достоинства, ибо онъ убьетъ тебя!“

Видя же, что Фарнаозъ не боится смерти, она стала говорить иначе: „Сынъ мой, оставь наслѣдіе отцовъ твоихъ и проводи меня къ братьямъ моимъ въ Испагань, если не хочешь и меня сдѣлать жертвой Азона!“

Тяжело было Фарнаозу оставить любимую имъ Грузію, но просьбы матери всегда были для него священны, и онъ рѣшился уступить ей. А Богъ, всегда награждающій покорныхъ дѣтей, въ ту же ночь послалъ ему знаменательный сонъ.

Ему казалось, что онъ запертъ въ оставленномъ, необитаемомъ домѣ, что онъ ищетъ выхода и не находитъ, наконецъ, лучъ солнца проникаетъ въ окно, обвивается во-кругъ его стана и выводитъ изъ душной темницы. Какъ только Фарнаозъ увидѣлъ себя на свободѣ, солнце пало къ ногамъ его

и онъ рукой собиралъ испаренія съ великолѣпнаго свѣтила и отиралъ ими лицо.

— Проснувшись, Фарнаозъ подумалъ, что сонъ предвѣщаетъ ему что-нибудь счастливое въ Испагани, и, занятый этими размышленіями, отиравился на охоту одинъ.

Въ долину Дигома увидѣлъ онъ оленей, за которыми онъ и погнался. Испуганныя животныя бросились къ Тифлисскимъ горамъ, но мѣткая стрѣла Фарнаоза догнала одного изъ нихъ. Раненый олень сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и уналъ у подошвы утеса. Но когда Фарнаозъ доскакалъ до своей добычи, стало уже темнѣть; онъ слѣзъ съ лошади и, сѣвъ возлѣ оленя, провелъ ночь въ открытомъ полѣ. На зарѣ, когда Фарнаозъ собирался уже домой, вдругъ пошелъ сильный дождь и заставилъ его поспѣшить къ пещерѣ, находившейся въ томъ же утесѣ, и входъ въ которую былъ заложень камнемъ. Къ счастью, у Фарнаоза былъ съ собою большой молотъ, да притомъ многіе камни уже обсыпались отъ времени; со свойственною ему настойчивостью, онъ принялся за работу и вскорѣ выломалъ себѣ достаточное отверстіе, чтобы пролѣзть внутрь. Какое же было его удивленіе, когда, войдя въ довольно обширную пещеру, онъ нашелъ

ее почти наполненною золотомъ, серебромъ и различными сосудами изъ того и другого металла, рѣдкой работы; одинъ изъ такихъ сосудовъ былъ наполненъ драгоценными камнями, другой жемчугомъ, третій бирюзой.

Едва кончился дождь, какъ Фарнаозъ тщательно заложилъ пещеру и поспѣшилъ сообщить матери своей и двумъ сестрамъ о счастливой находкѣ. Мать рѣшила никому объ этомъ не говорить, а всякую ночь Фарнаозу съ сестрами ѣздить въ пещеру, съ вьючнымъ скотомъ и сосудами, и перевозить елико возможно больше сокровищъ въ избранное ею сокровенное мѣсто. Каждое утро они тщательно закрывали входъ въ пещеру и на слѣдующую ночь снова возвращались; такимъ образомъ, въ пять ночей, они перевезли всѣ сокровища, и тогда Фарнаозъ рѣшился остаться въ своемъ миломъ отечествѣ и освободить его. Онъ послалъ раба къ Куджи, потомку Картлэсову, владѣвшему наслѣдіемъ Ежисовымъ, съ такими словами:

„Я потомокъ Уилоса, сына Мцхетосова и сынъ Митридата, брата мамасаэлиса Самара; у меня много богатства; если ты хочешь, я приду къ тебѣ со всѣмъ, что у меня есть. Помня однокровное происхожденіе наше, какъ братья, мы будемъ пользоваться всѣмъ вмѣстѣ, объявимъ себя врагами Азона и, быть можетъ, счастье дастъ намъ побѣду!“

Воодушевленный Куджи отвѣчалъ:

— Встань и приди ко мнѣ, не жалѣй своихъ сокровищъ, я воспользуюсь ими, чтобы добыть тебѣ воиновъ, прежде чѣмъ мы объявимъ себя врагами Азона. Тогда всѣ грузины, мучимые и искорецаемые Азономъ будутъ въ радости; я думаю даже, что иѣкоторые римляне присоединятся къ намъ, ибо онъ погубилъ и изъ нихъ не мало.

Радостно поспѣшилъ Фарнаозъ къ Куджи, взявъ съ собою мать, сестеръ и столько сокровищъ, сколько позволяла ему скрытность, необходимая къ благополучному удаленію. Куджи встрѣтилъ его словами:

— Ты сынъ владѣтелей Картли и тебѣ принадлежитъ право управлять нами. Не жалѣй же своихъ денегъ на умноженіе нашего войска. Если мы побѣдимъ, ты будешь нашимъ царемъ, а я рабомъ твоимъ.

Тогда Фарнаозъ и Куджи вступили въ переговоры съ осетинами и дезгинами, которые отягощены были чрезмѣрною данью и охотно пристали къ союзу.

Мингрельцы послѣдовали за своимъ аристархомъ Куджи и союзники выступили противъ Азона. Немедленно тысяча отборныхъ воиновъ римскихъ перешла на сторону Фарнаоза. Всѣ грузины возстали. Азонъ поспѣшилъ уйти въ Кларджетъ, куда и собралъ

все свое войско, укрѣпившись въ надежной позиціи. Между тѣмъ Фарнаозъ овладѣлъ Мцхетомъ и четырьмя крѣпостями, его окружающими; успѣхи его шли быстро одинъ за другимъ, такъ что въ годъ онъ уже овладѣлъ всею Грузіею, кромѣ Кларджета. Видя, что собственныхъ силъ его недостаточно для истребленія Азона, Фарнаозъ отправилъ депутацію къ царю Сирійскому Селевкѣ Никанору, съ богатыми подарками и просьбой о помощи, обѣщая при томъ услужить ему, при случаѣ. Селевкъ принялъ подарки, назвалъ Фарнаоза своимъ сыномъ и, пославъ ему въ даръ вѣнецъ царскій, какъ счастливое предзнаменованіе, приказалъ христамъ армянскимъ помогать ему всеми силами.

Спустя два года, Азонъ, собравъ многочисленное греческое войско, выступилъ противъ Фарнаоза, который, кромѣ грузинъ, могъ располагать войскомъ Куджи, осетинами и армянскими христами, съ дозволенія Селевка.

Сраженіе при Артаниси рѣшило участь Азона. Онъ былъ убитъ, войско его частию взято въ плѣнъ, частию разсѣялось, преслѣдуемое Фарнаозомъ, который овладѣлъ пограничными землями Греціи и умножилъ достояніе свое богатствами Азоновыми. Фарнаозъ выдалъ одну изъ сестеръ своихъ за

царя Осетинскаго, а другую за Куджи, которому предоставилъ всё земли между рѣками Ежигомъ и Ріономъ, между моремъ и горой, то-есть всю Мингрелію и Суанетію и утвердилъ его въ званіи христава. Тогда освобожденное отечество провозгласило Фарнаоза царемъ всего Картли и Мингреліи; это было за 302 года до Р. X.

Здѣсь кстати означить какое пространство занимала тогда Грузія. Она заключала въ себѣ всю землю между Кавказскимъ хребтомъ, рѣкой Хизури, берегомъ Чернаго моря, до нынѣшняго Батума, озеромъ Панакцію, Кавказскими горами, рѣкой Дебеда, рѣкой Курой и рѣкой Алазанью, всего пространства тысячу пятьсотъ квадратныхъ географическихъ миль.

Фарнаозъ немедленно занялся преобразованіемъ Карталинскаго войска, раздѣлилъ его на кавалерію и пѣхоту, учредилъ грузинскую іерархію, ввелъ мундиры, одѣвъ всѣхъ воиновъ въ одинаковыя красныя „каба“ (кафтаны, съ висячими рукавами) и такъ увеличилъ свою армію, что Страбонъ, въ одной Суанетіи насчитывалъ до двухсотъ тысячъ воиновъ. Затѣмъ Фарнаозъ избралъ восемь христавовъ и одного спалпета, между которыми и раздѣлилъ управление своего государства. Спалпетъ всегда находился предъ

лицемъ царскимъ и управлялъ всѣми хри-
ставами, какъ подчиненными, они же, въ
свою очередь, распоряжались спасаларами и
тысячниками. Званіе христава соотвѣтству-
етъ теперешнему губернаторскому, а спаса-
ларь начальствовалъ войсками своего хри-
ставства. Высшіе чиновники получали плату
отъ царя, остальные отъ христава. Окон-
чивъ раздѣленіе земли, Фарнаозъ занялся
раздѣленіемъ сословій. Всѣхъ классовъ устро-
илъ онъ четыре:

Къ первому принадлежали *мтавары*, то-
есть всѣ дальніе и ближніе родственники
различныхъ владѣтелей, бывшихъ когда-ли-
бо въ Грузіи, потомки древнихъ тхавадовъ
(начальникъ отдѣльнаго племени) и ино-
странныя лица царской крови, водворившіеся
въ Грузіи.

Къ второму—*азнауры*, то-есть тѣ тысяча
Римлянъ, которые перешли на сторону Фар-
наоза, во время войны съ Азономъ и ихъ
потомство. Фарнаозъ поселилъ ихъ въ до-
линахъ и разсѣялъ по всѣмъ христавствамъ
Грузіи, обращаясь съ ними въ высшей сте-
пени милостиво. Армяне называютъ ихъ
„азонатси“, то-есть „люди Азона“. Грузины
подъ словомъ „азнаури“ разумѣютъ дворя-
нина. Каждый мтаваръ имѣлъ по нѣсколько
азнауровъ, которые обязаны были, по пер-

вому требованію своего патрона, являться къ нему и выставлять ему значительное число простыхъ воиновъ съ оружіемъ и лошадьми.

Къ третьему сословію принадлежали *мокалани*, то-есть почетные граждане, мѣщане и цѣховые, словомъ городскіе жители.

Къ четвертому — *глекхи*, то-есть крестьяне.

Царь не оставилъ безъ вниманія и умственнаго развитія своихъ подданныхъ. Онъ весьма занимался распространеніемъ образованія и даже самъ составилъ національную азбуку *). Въ то время употребленіе грузинскаго языка такъ распространилось во всемъ царствѣ, что затмило всѣ другіе, и даже греческій.

Онъ такъ же озаботился возстановленіемъ городовъ и крѣпостей, разрушенныхъ Александромъ; въ томъ числѣ не забыта была и крѣпость Шоропанъ, которая славилась, въ древности, какъ складочное мѣсто товаровъ, отправляемыхъ оттуда по Ріону до Чернаго моря.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что рѣка Ріонъ, въ древности, была судоходна на гораздо большее пространство нежели въ на-

*) Диреггон, знаменитый ученый, находитъ, что буквы эти весьма сходны съ Zendскими и санскритскими.

ше время. Это происходило частію отъ того, что грузины для перевозки товаровъ употребляли особеннаго рода плоскодонныя суда, у которыхъ ко дну были придѣланы надутые мѣха, а частію и отъ того, что русло Ріона было искусственнымъ образомъ очищено и углублено.

Всѣ жители береговъ Куры, Ріона, Хопи и Чорока были хорошими земледѣльцами, садоводами и скотоводами еще въ самыя отдаленныя времена, а берега Ріона, кромѣ того, считаются колыбелью винограда.

Возвратить Шоропани весь прежній ея блескъ и величіе не было никакой возможности, ибо, съ основаніемъ Александріи, она уже утратила свое всемірное торговое значеніе, притомъ и прежніе искусственные пути сообщенія уничтожились отъ частыхъ войнъ, а возстановить ихъ вдругъ у Фарнаоза не дѣстало бы ни времени, ни средствъ. Но, несмотря на всѣ эти безчисленныя препятствія, Фарнаозъ возстановилъ Шоропань въ такой степени, что она съ одного Рима получала ежегодно сто милліоновъ сестерцій пошлины за товары, шедшіе чрезъ этотъ городъ въ Римъ. Впоследствии Шоропань сдѣлалась столицею Царства Имеретинскаго. Фарнаозу такъ же обязанъ своимъ возстановленіемъ Сурамъ, бывшій, въ

древности, складочнымъ мѣстомъ индійскихъ товаровъ.

Фарнаозъ поставилъ на могилѣ Картлоса огромнѣйшаго истукана, котораго называлъ Армазомъ, ибо и его собственное имя произносилось такъ по-персидски.

Съ тѣхъ поръ городъ перемѣнилъ свое древнее названіе Картли на Армази. Идолъ Армазъ былъ золотой и огромныхъ размѣровъ, съ глазами изъ цѣльнаго яхонта; подобныхъ яхонтовъ не было во всей вселенной и весь тогдашній міръ дивился на нихъ, какъ на чудо; корона на Армазѣ была изъ драгоценныхъ камней. И яхонты, и камни въ коронѣ, всѣ были изъ найденныхъ въ пещерѣ. Въ честь этого истукана учреждено было празднество. Весь народъ собирался къ храму; вельможи, такъ же какъ и простолюдины, не могли быть освобождены отъ этой обязанности; самъ царь являлся туда и, при звукахъ трубъ и барабановъ, собственноручно закалывалъ въ честь божества быковъ, оленей, овецъ и дикихъ козъ. Каждый долженъ былъ непременно принести, что-нибудь въ жертву богу, и нѣкоторые доходили до такого изступленія, что зарѣзывали собственныхъ дѣтей.

Здѣсь кстати замѣтить, что, съ воцареніемъ Фарнаоза, человѣческое мясо уже запре-

щено было употреблять въ пищу. Послѣ жертвоприношеній плясали и пировали, въ продолженіе трехъ дней.

Фарнаозъ выбралъ себѣ жену изъ племени Кавказа, сына Таргамосова, она была дочь владѣтеля Дурдзукскаго и славилась красотою. Весну и октябрь проводилъ онъ въ Мцхетѣ, лѣто въ Цундѣ; сверхъ того, часто посѣщалъ онъ Мингрелію и Кларджетъ, чтобы пристальнѣе смотрѣть за Мингрельцами и Кларджетцами и предупредить беспорядки и ссоры, къ которымъ эти два племени имѣютъ природную склонность. Фарнаозъ воцарился двадцати семи лѣтъ отъ роду и, во все время своего шестидесятипятилѣтняго царствованія, не пропускалъ ни одного случая отблагодарить Селевка Никанора, за оказанное ему содѣйствіе. Царствованіе Фарнаоза было мирно и счастливо, государство его укрѣпилось и разбогатѣло, а подданные не переставали благословлять его, говоря: „Благословляемъ боговъ, даровавшихъ намъ царя изъ племени древнихъ владѣтелей нашихъ и избавившихъ насъ отъ служенія и дани чужестранцамъ!“

Онъ скончался за 237 лѣтъ до Р. Х., девяносто трехъ лѣтъ отъ роду, и былъ погребенъ у ногъ Армаза. Есть преданіе, что

въ то время, какъ опускали его въ могилу, великое свѣтило послало одинъ изъ своихъ лучей, который, обвинивъ станъ его, осторожно спустилъ его въ приготовленный гробъ и возвратился къ солнцу. Въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ его именуютъ „лучезарнымъ“ и царствованіе его уподобляютъ солнцу, по его благотворному влиянію. Объ немъ поется едва ли не столько баснословныхъ рассказовъ у насъ, какъ у русскихъ о Владимирѣ Красномъ-Солнышкѣ.

IV.

И С С Г О Р Я С Я М Ы Й
Т Ю А Ы Ш А Н Ъ .

Л Е Г Е Н Д А .

Во второмъ вѣкѣ до Р. Х. въ Арменіи царствовалъ Валарзасъ, братъ шаха Персидскаго Арзаса Великаго. Въ то время, земли на сѣверъ отъ Арабса назывались Халдея и Понтъ. Въ послѣднемъ жилъ молодой богатырь Морфилицій, который, во главѣ своихъ соотчичей, не только всегда умѣлъ отражать нападенія Валарзаса, но даже, въ одномъ рѣшительномъ сраженіи, совершенно разбилъ его, послѣ чего овладѣлъ и пограничными грузинскими христавствами, между прочимъ и Кэунаномъ, и былъ провозглашенъ царемъ благодарными своими соотчичами. Случилось, что въ Кэунапѣ, въ то время христавомъ былъ Іоаннъ, уроженецъ города Дамаска, котораго, по этому, звали Дамасскѣ. Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ одну только дочь, прелестную собою, по имени Нину.

Во время сраженія, своею личною храбростію. Дамасскѣ привлекъ на себя вниманіе Морфилиція, который и вызвалъ его на поединокъ. Долго опытность стараго

война сопротивлялась богатырской силѣ Пон-тійца, наконецъ старческія силы его нача-ли истощаться, движенія его утратили по-требную быстроту и онъ не успѣлъ увер-нуться отъ копья Морфилиціева, которое пронзило его насквозь. Обливаясь кровью, упалъ онъ съ вѣрнаго коня. Въ то же мгно-веніе Морфилицій спрыгнулъ съ своего и сталъ всѣми силами приводить его въ чув-ство. Умирающій открылъ глаза.

„Проси у меня чего хочешь, старецъ“, — воскликнулъ побѣдитель — „въ тебѣ я встрѣ-чаю перваго человѣка, военное искусство котораго превосходитъ мое!“

— Не оставь мою дочь! — прошепталъ Іоаннъ и скончался.

Вступивъ въ Кэунанъ, Морфилицій преж-де всего отправился въ домъ Іоанна и былъ пораженъ красотою Нины.

„Она будетъ моею женою!“ — рѣшилъ онъ громогласно и тотчасъ назначилъ день свадьбы.

Съ ужасомъ услышала объ этомъ несчаст-ная сирота. Какъ ей, такъ горячо любим-ней своего отца, сдѣлаться женою его убійцы.

— Ни за что! — повторяла она тысячу разъ въ одинъ часъ, и, при этомъ, прекрасныя глаза ея, въ которыхъ обыкновенно видѣл-ся цѣлый океанъ доброты и кротости, свер-кали какимъ-то страшнымъ огнемъ.

Надо сказать, что, въ то время, было въ обычаѣ между нашими вельможами выбирать изъ евреекъ гамдели, къ своимъ дочерямъ. Иоаннъ послѣдовалъ общему обычаю, и маленькая Нина, рано лишившаяся матери, любила свою гамдели со всею горячностью своей пылкой души.

Всѣ вкусы гамдели—были вкусами Нины. Ея вѣра, ея Богъ—были вѣрой и Богомъ ея воспитанницы. Ей первой сообщила она о своей рѣшимости и просила совѣта. Старуха выслушала ее молча и долго не говорила ни слова, только черты лица ея приняли грустное выраженіе.

„Что же ты молчишь?“ — нетерпѣливо приставала къ ней Нина.

— Я думаю открыть ли тебѣ еще другую причину твоего отказа Морфилицію, или смолчать? — наконецъ, съ грустною улыбкою, вымолвила она, и, при этомъ, проникательный взоръ ея устремился на Нину, которая вспыхнула и отвернулась.

— И такъ, предположеніе мое вѣрно, ты любишь азнаури Цицерона!

Нина бросилась на полъ и скрыла пылающее лице свое въ колѣняхъ гамдели. Старуха ласково перебирала длинные ея волосы своими морщинистыми руками и думала; наконецъ рѣшилась высказать плодъ своихъ размышленій.

— Ты такъ молода, что я боюсь придавать этому чувству безповоротное значеніе. Не пришла бы минута, когда ты пожалѣешь, что сдѣлала своимъ господиномъ того, кто могъ быть рабомъ твоимъ? Подумай, Морфилицій Царь, а Цицеронъ даже не вельможа. Простой, бѣдный дворянинъ, которыхъ такъ много было у отца твоего, если бы онъ былъ живъ, едва ли и ему такой бракъ понравился бы. Притомъ, ты привыкла къ роскоши, а у Цицерона ничего нѣтъ; то же, что есть у тебя, тебѣ невозможно будетъ взять съ собой. Единственный способъ васъ соединить, это бѣжать вамъ сейчасъ въ землю отцевъ его, и тамъ жениться. Скажу тебѣ прямо: то, что меня прельщаетъ въ Цицеронѣ, это его безпредѣльная, нескончаемая, безграничная преданность къ тебѣ. Я замѣтила это давно, и давно зорко слѣжу за нимъ и, не взирая на мою опытность и неусыпное вниманіе, ни разу не нашла случая пожурить его!“

Спрятанное лице молодой дѣвушки озарилось какою-то плутовскою улыбкой. Быть можетъ, ей подумалось, что мамушка слишкомъ высоко цѣнитъ свою прозорливость. Какъ бы то ни было, но она тогда только подняла голову съ колѣнъ старухи, когда всякіе слѣды улыбки исчезли. Она съѣла на

поль, у ногъ гамдели и долго онѣ смотрѣли другъ на друга молча: каждая думала свою думу. Вдругъ Нина неожиданно обвила шею старухи своими бѣлыми руками, спрятала лицо свое на ея плечѣ и громко зарыдала.

„Гамдели!“ — нервно говорила она, — „устрой такъ, какъ ты сейчасъ сказала, устрой, если ты меня любишь, если ты не хочешь, чтобы я умерла! Я не хочу, я не могу, я не буду жить безъ Цицерона! За него я отдамъ, съ радостью и знатность, и богатство, и вѣнецъ царскій! На что мнѣ это все, если его не будетъ? Пойми, гамдели, что я люблю его больше, чѣмъ я когда-либо любила тебя, или отца, люблю больше всѣхъ и больше всего, люблю такъ, какъ рыбы любятъ воду, а ты мнѣ говоришь, что онѣ могъ бы быть рабомъ моимъ, да развѣ я этого хочу? Я сама хочу быть его рабой и дѣлать все, что онѣ прикажетъ! За то-то я и люблю его, что онѣ бѣдный, что онѣ не знатный, что онѣ здѣсь всѣмъ чужой!“ — и Нина снова истерически зарыдала. Бѣдная гамдели старалась ласковыми движеніями своихъ старческихъ рукъ успокоить молодую дѣвушку, она сама дрожала отъ волненія и тихо плакала и внутренно молилась. Наконецъ, старухѣ удалось уложить

Нину въ постель, а сама она позвала Цицерона, и, съ перваго взгляда на молодаго человѣка, убѣдилась, что не ошиблась въ неограниченной преданности его къ Нинѣ. Вчера еще всѣ любовались на красиваго, цвѣтущаго здоровьемъ юношу, а нынче онъ стоялъ предъ ней, съ осунувшимся, блѣднымъ лицомъ и внадыми глазами, даже губы поблѣли и края ихъ нервно дергались. Старуха осторожно сообщила ему въ чемъ дѣло и тотчасъ употребила всѣ старанія, чтобы умѣрить его неограниченную радость.

Когда онъ нѣсколько опомнился, она приказала приготовить двухъ верховыхъ лошадей къ полночи и ждать у заднихъ воротъ, куда обѣщала вывести Нину, въ мужскомъ платьѣ. При этомъ данъ былъ и кожаный поясъ, туго набитый золотомъ. Сдѣлавъ здѣсь все, что было нужно, гамдели отправилась къ Нинѣ и приготовила ее къ скорому отъѣзду. Пришла полночь. Неслышными шагами прокрались двѣ тѣни, сквозь весь домъ и дворъ. У заднихъ воротъ уже ждалъ нетерпѣливый всадникъ, съ свободною лешадью. Быстро вскочила на нее Нина, съ счастливою улыбкой кивнула старухѣ, и они исчезли въ темнотѣ. Какъ ни хотѣлось гамдели постоять пока еще былъ слышенъ топоть удалявшихся коней, тѣхъ коней, ко-

торые уносили съ собой, быть можетъ, навсегда все, что было у нея дорогого въ мірѣ, но благоразуміе этого не дозволяло, и старуха вернулась домой и провела остатокъ ночи въ слезахъ и молитвѣ. На зарѣ, домъ огласился ея воплями. Испуганные слуги поспѣшили на крикъ и нашли ее въ саду, на берегу рѣки. Возлѣ нея лежало платье и бѣлье Нины.

Увидѣвъ бѣгущихъ людей, она кинулась къ нимъ навстрѣчу и, ломая себѣ руки, объяснила, что Нина утопилась, и, чтобы снѣшили ее искать. И старъ и малъ устремились въ рѣку, не только домашніе, но почти весь городъ присоединился къ ищущимъ; однако всѣ поиски оказались тщетными. Воины Морфилиція, узнавъ о случившемся, тотчасъ сообщили объ этомъ своему господину и получили приказаніе всеѣмъ поголовно отправляться на поиски. Самъ Морфилицій бросился въ садъ и началъ спрашивать обезумѣвшую отъ горя старуху. Изъ ея словъ, безпрестанно прерываемыхъ рыданіями, онъ понялъ, что Нина давно просилась купаться, что гамдели, боясь быстроты рѣки, не давала на это разрѣшенія и, что сегодня, на зарѣ, самовольная дѣвочка, во время сна своей мамки, тихонько прокралась въ садъ и поставила на своемъ.

Проснувшись, и, видя постель ея пустою, гамдели тотчасъ побѣжала къ берегу, но уже не нашла ничего, кромѣ ея платья.

Морфилицій самъ кинулся въ рѣку, перешарилъ всѣ кусты и камни, выплылъ за городъ, но нигдѣ ничего не было.

Повсюду встрѣчалъ онъ людей ее ищущихъ: искали его воины, искали люди Дамасска, искали граждане, искали всѣ, могущіе плавать, и ничего не находили. Огорченный повелитель вышелъ на берегъ, и объявилъ, что не пожалѣетъ никакой награды тому, кто найдетъ Нину живую или мертвую и доставитъ ее къ нему. Прошли сутки — никакого извѣстія. Прошелъ уже и другой день; многіе изъ искавшихъ возвратились съ грустнымъ извѣстіемъ, что не нашли ничего. Городъ погрузился въ свой обычный сонъ, только одинъ Морфилицій не спалъ и задумчиво сидѣлъ на крышѣ своего дома. Ночь была теплая, лунная и успокоительно дѣйствовала на раздраженнаго царя. Около полночи онъ увидѣлъ тѣнь, приближающуюся къ его дому и сталъ пристально въ нее всматриваться. Вскорѣ онъ узналъ своего любимца негра.

„Ной!“ — крикнулъ онъ.

— Я, государь, — отвѣтилъ негръ. — Прикажи сказать одно слово!

„Иди скорѣй!“ — и сердце Морфилиція вдругъ забилось и замерло, и сжалось до боли. Богатырь положилъ руку на грудь, въ надеждѣ усмирить его движенія, но оно продолжало болѣзненно пыть и мгновенная радость его перешла въ жгучее безпокойство. Чрезъ мгновеніе, передъ нимъ стоялъ Ной.

„Ты нашелъ ее живую или мертвую? быстро проговорилъ онъ.

— Живую! — началъ было Ной, — но

„Да гдѣ же она? . . . скорѣй кони!“ — крикнулъ было Морфилицій, но смущенный, почти испуганный видъ Ноя образумилъ его.

„Что же ты молчишь?“ — нетерпѣливо спросилъ онъ раба.

— Государь . . . она не . . . одна. Съ нею . . . молодой человѣкъ!

Морфилицій повернулся спиной къ негру, чтобы скрыть впечатлѣніе, произведенное на него этими словами. Сѣлъ на тахту и, указавъ на коверъ у своихъ ногъ, приказалъ Ною рассказать все подробно и не спѣша.

— Государь, — сказалъ негръ, — я хотѣлъ обмануть тебя. Мнѣ хотѣлось бѣжать отъ неволи и возвратиться въ землю отцевъ моихъ. Я думалъ воспользоваться общимъ смущеніемъ, пробрался въ конюшню, осѣдлалъ твоего коня, объяснивъ, что ѣду на поиски,

и пока всё искали по берегамъ рѣки, я отправился въ противоположную сторону, прямо къ морю, гдѣ мечталъ найти корабль и и уѣхать. Сначала я былъ въ какомъ-то непомѣрномъ восторгѣ, но мало-по-малу меня сталъ одолевать страхъ погони. Конь летѣлъ, какъ вѣтеръ, а я, все быстрее и быстрее гналъ его. Между тѣмъ, страхъ возрасталъ съ каждымъ шагомъ. Онъ обращался въ ужасъ, въ какое-то изступленіе, я не давалъ коню перевести духа и гналъ его, какъ безумный. Наконецъ, быстрый бѣгъ его сталъ ослабѣвать, я пришелъ въ отчаяніе, сломилъ сукъ и билъ его безпощадно. Онъ прошелъ еще нѣсколько, черезъ силу и рухнулся на землю.

Это было въ лѣсу.

Я разсѣдлалъ и разнуздалъ его, но онъ не поднимался; тогда, я бросилъ его безжалостно и продолжалъ путь нѣшкомъ. Вдругъ мнѣ послышались человѣческіе голоса; я остановился и сталъ прислушиваться. Очевидно, это были два влюбленные, бояться было нечего. Я осторожно приблизился, продолжая скрываться въ густыхъ кустарникахъ и стараясь разглядѣть говорящихъ. Къ удивленію моему, я увидѣлъ двухъ молодыхъ мальчиковъ: они сидѣли рядомъ и кушали.

„Далеко ли намъ еще ѣхать?“ — спросилъ младшій — „я очень устала!“

— Какъ не устать тебѣ, душа моя, — отвѣтилъ старшій, — когда, вотъ уже скоро сутки, мы не сходили съ коней; я думаю, даже благоразумнѣе намъ было бы ночевать здѣсь; я разложу огонь, въ ограду отъ дикихъ звѣрей, постелю тебѣ свою бурку и буду караулить тебя!

„А если бъ мы пробрались въ деревню, то вѣдь и ты могъ бы отдохнуть?“

— Нѣтъ, моя радость, я больше боюсь, за тебя, Морфилиція и его посланныхъ, чѣмъ всѣхъ дикихъ звѣрей этого дремучаго бора. Отъ послѣднихъ я всегда сумѣю спасти свою невѣсту, но отъ Морфилиція мы можемъ спасти только чудомъ!

Я понялъ все и бросился опрометью назадъ. Зачѣмъ мнѣ было спастись бѣгствомъ, когда я былъ увѣренъ, что ты и такъ даруешь мнѣ свободу? Пробираясь обратно на ту тропинку, съ которой я сошелъ, чтобы подслушать ихъ разговоръ, я нечаянно наткнулся на ручеекъ и сѣлъ на берегу его. Безумная скачка моя истощила мои силы. Я досталъ хлѣбъ изъ кармана, нарвалъ дикихъ фигъ и сталъ обѣдать, размышляя о томъ, какъ бы мнѣ вернуться домой поскорѣе. Въ настоящемъ истомлен-

номъ моемъ положеніи, мнѣ нечего было помышлять о возвращеніи пѣшкомъ, а гдѣ было взять лошадь? Окончивъ обѣдъ, я всталъ и пошелъ на то мѣсто, гдѣ за нѣсколько часовъ бросилъ твоего коня; къ величайшей моей радости, онъ щипалъ траву, я отвелъ его къ ручью, напоилъ, осѣдлалъ и повелъ въ поводу. Ъхать на немъ было немыслимо, послѣ часовой ходьбы, онъ сталъ бодрѣе, я началъ надѣяться, что онъ оправится, тѣмъ болѣе, что онъ вдругъ весело поднялъ голову и заржалъ, мнѣ почудилось, что издали какая-то лошадь отвѣтила тѣмъ же. Я поспѣшилъ въ ту сторону; чрезъ нѣсколько времени, лошади снова перекликнулись, и руководствуясь ихъ голосами, я скоро встрѣтился съ молодымъ всадникомъ на хорошемъ персидскомъ конѣ.

По его щегольской одеждѣ легко было догадаться, что это кто-нибудь изъ мѣстныхъ вельможъ. Я почтительно поклонился; онъ отвѣтилъ на поклонъ и глаза его устремились на твоего коня, которымъ онъ любовался, какъ знатокъ.

„Откуда ты, путникъ?“ — спросилъ онъ.

— Я издалека, господинъ, посланъ повелителемъ своимъ по спѣшному дѣлу и долженъ идти пѣшкомъ, ибо не умѣю справиться съ этимъ конемъ.

„Это самый лучший, чистокровный арабский конь, котораго я когда-либо видѣлъ, ты утомилъ его чрезъ мѣру, и окончательно испортишь это сокровище, если не дашь ему отдохнуть. Я не знаю твоего господина и не хочу знать его имени, но на своей землѣ не дамъ портить такую драгоценность. Садись на мою лошадь, скачи скорѣе къ своему господину и скажи, что его полуживаго коня ты оставилъ у товада Бидандари. Если онъ пожелаетъ продать его, я ничего не пожалѣю за него, если же онъ не захочетъ съ нимъ разстаться пусть возвратитъ мою лошадь и возьметъ свою; въ Бидандари никому не отказываютъ въ гостеприимствѣ, даже животнымъ“ — и онъ сошелъ съ лошади, взялъ мою за поводъ и повелъ съ собой, не слушая моихъ благодарственныхъ восклицаній.

Я далъ ему время удалиться и погналъ его коня еще безжалостнѣе. Я зналъ, что ты воздашь ему сторицею и потому думалъ только о томъ, чтобы доскакать до тебя скорѣе. Передъ въѣздомъ въ городъ, онъ упалъ и я добѣжалъ иѣшкомъ. Что прикажешь?

„Сейчасъ выбери двухъ лучшихъ коней и выводи сюда. Мы тотчасъ отправимся съ тобою въ погоню; мимоходомъ скажи моей

дружинѣ, чтобы она догоняла насъ. Чтобы не жалѣли коней, и везли вина и провіанта, тебѣ надо поѣсть дорогой!“

Черезъ нѣсколько мгновеній два всадника выѣзжали изъ города, а немного погодя, цѣлый отрядъ воиновъ летѣлъ маршъ-маршъ за ними въ догону. Морфилицій ѣхалъ не очень быстро и думалъ. Онъ вспомнилъ, какъ еще недавно, когда онъ былъ простымъ военачальникомъ, у него не было другихъ желаній кромѣ военной славы; всѣ его мечты, казались ему самому удовлетворенными сверхъ мѣры, когда онъ былъ провозглашенъ Царемъ, и имя его переходило изъ усть въ уста, окруженное всѣмъ блескомъ недавней побѣды.

Торжество надъ Дамасскомъ, славнѣйшимъ воиномъ своего вѣка, казалось ему верхомъ блаженства. Онъ вспомнилъ и то необыкновенное, невѣдомое до тѣхъ поръ для него, чувство, которое внезапно въ немъ явилось, при видѣ Нины. Взглядъ на эту молоденькую дѣвочку, едва вышедшую изъ дѣтства, вдругъ вытѣснилъ изъ его сердца и воображенія все то, чѣмъ онъ до этой минуты услаждался, и воинская слава, и побѣда надъ Валарзасомъ, и царство, и все, все ушло куда-то далеко, отодвинулось на какой-то задній планъ и не представляло

для него болѣе никакого интереса. А этотъ ребенокъ смѣялся надъ нимъ! Это дитя провело и мамку, и слугъ, и воиновъ, и его самого Морфилиця, страшнаго, непобѣдимаго, могучаго! Эта дѣвочка не боялась его страха, не страшилась его силы, не трепетала его могущества. Его воинскія доблести, его царство, его личныя прелести ея не прельщали. Она нисколько не была польщена и обрадована тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она произвела на богатыря и промѣняла его на мальчишку, котораго онъ могъ раздавить однимъ щелчкомъ, какъ какую-нибудь букашку! Онъ рѣшилъ, что Нина будетъ принадлежать ему, во что бы то ни стало. Она не хотѣла его любви, она не нуждалась въ его ласкѣ, такъ пусть узнаетъ его силу, его могущество, его власть, его гнѣвъ!

Размышленія эти были прерваны подѣхавшими воинами. Морфилицей обернулся; луна освѣщала его блѣдное лицо и сверкающія очи. Воины оторопѣли, никогда еще не видали они его такимъ.

„Дайте Ною вина и хлѣба, онъ поѣстъ на ходу, а вамъ, боевые мои товарищи, открою я теперь свою душу. Вы знаете всю мою жизнь, вы знаете, что нѣтъ еще тако-го человекѣ, который могъ бы похвалиться,

что побѣдилъ меня; вы знаете, что отъ моего взгляда бѣжали полчища, что отъ моего имени трепетали цари и народы, и теперь, когда я достигъ верха славы и могущества, я хотѣлъ раздѣлить ихъ съ сиротой, я хотѣлъ возвести ее на тотъ престолъ, которымъ обязанъ вашей любви и преданности ко мнѣ, я хотѣлъ назвать ее царицей и раздѣлить съ ней и мою славу, и мое счастье, и мое могущество! Но она пренебрегла всѣмъ этимъ и мною, и ушла съ мальчишкой. Теперь...

Рѣчь Морфилиція прервалась, онъ тяжело перевелъ духъ и снова продолжалъ:— „мы ѣдемъ за ними въ погоню. Придумайте наказаніе достойное ея вины. Что съ нею сдѣлать?“

— Убить ихъ обоихъ! — былъ единодушный отвѣтъ.

„Мало!“ отвѣтилъ царь.

— Утонить ихъ въ той рѣкѣ, которую они сдѣлали сообщницею своего обмана!

„Мало!“

— Сжечь живыхъ.

„Мало!“

— Отдать на растерзаніе звѣрямъ!

„Всего этого мало!“ — отвѣтилъ Морфилицій — „все это скоро кончится и не удовлетворить моего мщенія. Надо ихъ взять живь-

емъ и запереть другъ противъ друга такъ, чтобы въ открытыя окна своихъ темницъ, они могли видѣть другъ-друга; и тогда я доставлю своему сопернику такое зрѣлище, которое сожжетъ его хуже огня, а за симъ предоставлю Нину вамъ, послѣ чего уже можно будетъ отсѣчь ихъ гордыя головы и бросить ихъ на съѣденіе исамъ!“

Царь замолкъ, лицо его казалось еще блѣднѣе, глаза горѣли пуще прежняго; онъ былъ такъ страшенъ, что даже безстрашные воины не могли на него взглянуть и едва поспѣвали за его лошадыю и лошадыю Ноя, которыхъ они гнали во всю мочь. Взошло солнце, они продолжали ѣхать, прошелъ весь день, ѣзда продолжалась, настала снова ночь, когда они вѣхали въ лѣсъ.

Ной объявилъ, что это тотъ самый, въ которомъ онъ оставилъ бѣглецовъ. Луна свѣтила плохо изъ-за вѣковыхъ деревьевъ, пришлось сойти съ коней, которыхъ оставили на попеченіи нѣсколькихъ воиновъ, а съ остальными пошли дальше и нашли ту поляну дикаго кустарника, на которой отдыхали Цицеронъ и Нина, нашли и мѣсто, гдѣ они сидѣли. Трава была примята, на ней виднѣлись слѣды пролитого вина и объѣдки хлѣба, одинъ большой кустъ былъ срѣзанъ, но вѣтвей не оказалось.

— Они вѣрно сожгли ихъ въ кострѣ! — замѣтилъ Ной.

„Да гдѣ же слѣды костра? Тутъ нигдѣ огня не было“ — отвѣтилъ Морфилицій.

Замѣтивъ, что отъ мѣста стоянки, трава была примята и составляла, какъ бы дорожку, всѣ пошли по этому слѣду.

Къ свѣту, вышли изъ лѣса и очутились на роскошномъ лугу, который оканчивался полемъ. Слѣдъ продолжался чрезъ лугъ, до самаго поля, на которое стали выходить работники. Морфилицій послалъ одного изъ воиновъ спросить, чье это поле, и не видали ли вчера здѣсь двухъ мальчиковъ верхомъ? Воинокъ вернулся съ поселяниномъ.

— Это поле товада Бидандари, мы его люди и вчера не работали тутъ, но слышали, что господинъ привезъ на барскій дворъ какихъ-то двухъ юношей, изъ коихъ одинъ боленъ, и сегодня по приказанію господина братъ мой поѣхалъ за знахаремъ на берегъ моря.

„А далеко ли до моря?“ спросилъ Морфилицій.

— „Агачей“ шесть или семь („агачь“ не много болѣе шести верстъ и менѣе семи).

„А развѣ нѣтъ врача поближе?“ снова спросилъ Морфилицій.

— Какъ не быть! у насъ въ селѣ есть

знахарь, который сейчасъ при больномъ, но тотъ искуснѣе, притомъ онъ пользуется отливомъ моря, чтобы собирать растенія, раковины, насѣкомыхъ и рыбокъ, которыхъ нашимъ здѣшнимъ врачамъ негдѣ взять для своихъ лѣкарствъ.

„Скажи своему господину, что хозяинъ арабскаго коня пріѣхалъ благодарить его за одолженіе, заплатитъ долгъ и проситъ позволенія войти“.

Поселянинъ удалился, а Морфилицій приказалъ воинамъ возвратиться въ лѣсъ и, взявъ съ собой Ною, послѣдовалъ издали за бѣгущимъ крестьяниномъ. Дорогой онъ объяснилъ Ною, что не желаетъ, до времени, говорить своего имени. Бидандари вышелъ навстрѣчу къ своему гостю и ввелъ его въ роскошныя хоромы, гдѣ множество щегольски одѣтыхъ слугъ окружило пришедшаго, предлагая роскошныя платья, ароматическія умыванья и всѣ предметы тогдашней роскоши. Умывшись и одѣвшись, Морфилицій вышелъ въ сосѣдніе покои, гдѣ накрытъ былъ обѣденный столъ. Хозяинъ встрѣтилъ его у дверей, съ двумя турьими рогами, наполненными старымъ виномъ, которое они и выпили одновременно, рука съ рукой, въ знакъ дружбы. Не взирая на то, что Морфилицій почти ничего не ѣлъ болѣе

сутокъ, изысканныя и обильныя яства не прельщали его. Онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы хоть показать видъ, что ѣсть.

По окончаніи обѣда, хозяинъ предложилъ было ему отдохнуть, но Морфилицій сказалъ, что прежде хотѣлъ бы поговорить съ нимъ наединѣ.

Всѣ вышли: тогда Бидандари, не показавшій и виду, что узналъ своего гостя, почтительно сталъ на одно колѣно и поцѣловалъ край царской одежды.

„Вы узнали меня, товадъ?“ удивленно спросилъ царь.

— Да, государь, но я не смѣлъ этого высказать при другихъ, не зная причины, по которой вамъ не угодно было явиться открыто.

„Я пріѣхалъ удовлетворить свое мщеніе и не могу этого сдѣлать безъ вашей помощи“.

— Прикажите.

„Но это противно законамъ гостепріимства, которымъ издревле славится вашъ домъ“.

— Если невозможно удовлетворить ваше оскорбленіе иначе, то прикажите убить меня, такимъ образомъ я исполню свой долгъ въ отношеніи къ вамъ, какъ вѣрный подданный, обязанный защищать честь сво-

его государя даже до крови, и не буду отвѣтственъ за то, что произойдетъ въ моемъ домѣ, послѣ моей смерти.

„Но вы забываете, товадъ, что въ такомъ случаѣ я не исполню своей обязанности, ни какъ царь, ни какъ гость, но объ этомъ поговоримъ послѣ. Дѣло въ томъ, что у васъ, подъ видомъ мальчика, скрывается моя невѣста и я желаю сейчасъ же взять ее съ собою. Отдавая ее мнѣ, вы, мнѣ кажется, ни чѣмъ не погрѣшите противъ гостеприимства, что же касается до ея спутника, то онъ есть оскорбитель царской чести, котораго каждый вѣрный подданный, конечно, самъ выгонитъ изъ своего дома, какъ только узнаетъ его проступокъ“.

Бидандари вспыхнулъ и лице его приняло грустное выраженіе.

— Прошу у васъ одной милости, Государь; прикажите умертвить меня прежде чѣмъ нанесется заслуженное наказаніе моему гостю и позвольте сказать вамъ все, что у меня на дуцѣ. Предъ смертью разрѣшается отложить всякій этикетъ и говорить съ государемъ безъ обычныхъ придворныхъ формальностей, почему я беру смѣлость отнестись къ вамъ, какъ къ доблестному воину.

„Вы забываете, товадъ, что я у васъ въ

долгу, и потому вы имѣете полное право требовать отъ меня всего, что вамъ угодно, кромѣ помилованія моего соперника. Вы сами молодой и неженатый человекъ, неужели вы не можете понять моихъ чувствъ?“

— Простите, Государь, но я долженъ опять сказать голую правду. Встрѣча съ вашимъ негромъ, конечно, уже вамъ известна. Желая пройти возможно кратчайшимъ путемъ къ себѣ, я пошелъ по тропинкѣ, которая натолкнула меня на двухъ мальчиковъ. Младшаго изъ нихъ трясла лихорадка, онъ лежалъ блѣдный на буркѣ, а старшій сидѣлъ надъ нимъ въ отчаяніи, и ломалъ себѣ руки. На этой же лужайкѣ паслись двѣ осѣдланныя и спутанныя лошади; по ихъ утомленному виду не мудро было догадаться, что путники ѣдутъ издалека. Я подошелъ сзади и когда поздоровался съ ними, то старшій быстро вскочилъ на ноги и схватился за кинжалъ, а младшій только вспыхнулъ и испуганно посмотрѣлъ на меня. онъ видимо былъ или слишкомъ боленъ или слишкомъ утомленъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь движеніе.

„Не бойтесь“ — сказалъ я, — „я пришелъ предложить вамъ гостепріимство, въ которомъ вы даже не имѣете права мнѣ отка-

затъ, такъ какъ расположились на моей землѣ“.

— Извините, — недовѣрчиво отвѣтилъ старшій — прежде чѣмъ принять ваше предложеніе, я спрошу у васъ, гдѣ вы взяли эту лошадь, которая вчера еще принадлежала государю?

Я объяснилъ. Мальчикъ задумался.

„О чемъ же ты думаешь, молодой человекъ, принимай скорѣе мое предложеніе и вмѣстѣ понесемъ больного брата въ теплый покой, гдѣ болѣзнь его пройдетъ къ утру, а здѣсь онъ можетъ умереть отъ простуды“.

Мальчикъ испугался.

— Обѣщайте мнѣ не выдавать насъ ни живыхъ, ни мертвыхъ Морфилицію и я приму ваше приглашеніе съ благодарностію; въ противномъ случаѣ, мы оба предпочитаемъ умереть.

Я взглянулъ на больного, онъ сдѣлалъ видимое усиліе, чтобы улыбнуться и тѣмъ подтвердить слова брата, но улыбка эта озарила лице его такою невыразимою предестью, что у меня мелькнуло въ головѣ, — не женщина ли это?

Я далъ желаемое обѣщаніе. Мы сплели носилки изъ вѣтвей мягкаго кустарника. Я сказалъ, что пришло за ихъ лошадьми, а твоего коня привязалъ себѣ за поясъ, и

мы благополучно донесли пошу нашу до дому. Ночью больной сталъ бредить и безпрестанно повторялъ:

„Милый Цицеронъ, если насъ догонять, убей меня, я не хочу быть ни царицей и ни чѣмъ другимъ, кромѣ какъ твоею женою!“

Сомнѣнію не оставалось мѣста: это была женщина, бѣжавшая отъ нелюбимаго чело-вѣка со своимъ возлюбленнымъ. Видя, что скрываться больше невозможно, Цицеронъ рассказалъ мнѣ все. Они уже любили другъ друга, государь, когда ты впервые ее уви-дѣлъ. Быть можетъ, ты скажешь, что Цице-ронъ могъ побѣдить свою привязанность; принимая въ разсужденіе, что предметъ этой привязанности Нина, едва ли это было бы возможно. Скажу болѣе, меня самого охва-тило чувство такого непомѣрнаго восхище-нія передъ этимъ совершенствомъ красоты, что мнѣ показалось будто уже не стоитъ жить на свѣтѣ, при невозможности обладать Ниной, и потому ты, государь, отчасти, удовлетворишь собственному моему желанію, если прикажешь казнить меня, какъ ослуш-ника твоей воли. Выдать же ихъ тебѣ, послѣ моего обѣщанія, я не могу.

Морфилицій ходилъ по комнатѣ крупными шагами и нервно щипалъ свои усы.

„Я хочу ее видѣть!“ — сказалъ онъ.

— Государь, будь великодушенъ! Предъ твоимъ прїездомъ сюда вышелъ отъ нея привозный знахарь. У нея горячка отъ страха, она часто плачетъ, приговаривая:

„Я такъ устала, что не могу ѣхать дальше? Насъ догонять! Насъ догонять!“

— Если она увидитъ тебя теперь, смерть ея несомнѣнна. Въ удовлетвореніе твоего оскорбленнаго самолюбія, возьми мою жизнь, которая мнѣ стала въ тягость. Я болѣе виновенъ передъ тобою, чѣмъ Цицеронъ, ибо осмѣлился полюбить твою невѣсту, тогда какъ онъ любилъ свободную дѣвицу и былъ обоюднo любимъ ею прежде, чѣмъ ты вступилъ въ городъ и сдѣлался нашимъ государемъ. Ты разрѣшилъ мнѣ просить награды за пустую услугу: не губи Нины! Не лишай ее того счастья, котораго она одинаково лишила и тебя, и меня!

Бидандари хотѣлъ преклонить одно колено, но царь не допустилъ его до этого.

„Мы разговариваемъ, какъ равные молодые люди“, — сказалъ онъ. — „Оставь меня одного, чрезъ нѣсколько минутъ, я тебя позову“.

Бидандари вышелъ, а Морфилицій снова заходилъ по комнатѣ. Внутри его происходила страшная борьба. Съ одной стороны, обманутая любовь и оскорбленное самолюбіе

требовали жестокаго мщенія, съ другой — возвышенныя чувства его души, его извѣстное великодушіе и рыцарское благородство склоняли въ сторону доводовъ Бидандари. Послѣ часовой ходьбы, онъ поборолъ свои дурныя намѣренія и изнеможенный одинаково и отъ физической усталости, и отъ душевнаго волненія, бросился на тахту и заснулъ, съ твердымъ намѣреніемъ простить Нину.

Но увы, Иблись одинаково возмущается всякимъ благороднымъ намѣреніемъ — какъ въ христіанахъ, такъ и въ язычникахъ и всегда старается не допустить ихъ до исполненія. Такъ случилось и тутъ. Онъ явился Морфилицію во снѣ принявъ образъ Нины, она сидѣла у ногъ Бидандари и они весело шутили и смѣялись. Морфилицій старается вслушаться въ ихъ разговоръ и понимаетъ, что они смѣются надъ его довѣрчивостью. Бидандари хвалится своею ловкостью, а Нина громко хохочетъ. — „Я увѣрилъ его, что ты любишь Цицерона, что ко мнѣ вы попали случайно, и онъ всему повѣрилъ, какъ глупое дитя. Онъ разрѣшитъ Цицерону жениться и отпустить васъ въ Римъ, куда я скоро за вами послѣдую, и тогда только онъ узнаетъ правду. Сознайся Нина, что я хитро все обдумалъ и достоинъ награды!“

Вмѣсто отвѣта, Нина бросилась къ нему

на шею и Морфилицій видѣль и слышалъ, какъ уста ихъ слились въ поцѣлуѣ. Онъ проснулся, дрожа отъ бѣшенства.

„Ной!“ — крикнулъ онъ.

Негръ явился.

„Скажи воинамъ, чтобы доставили ко мнѣ сейчасъ въ цѣняхъ Бидандари, Цицерона и ее! Я сейчасъ ѣду домой одинъ! Если я здѣсь останусь хоть минуту, то удушю ихъ всѣхъ, а этого мало! Коня!“

Черезъ мгновеніе онъ уже скакалъ обратно, а къ разсвѣту другаго дня къ дому его подвозили трехъ узниковъ. Онъ вышелъ на крышу грозный, мрачный, ужасный! Всѣ прежнія благородныя чувства навсегда въ немъ угасли, онъ весь отдался мести. Молча указалъ онъ на Нину и на свой домъ. Воины поняли и повели ее туда. Цицеронъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы броситься за нею, но тяжелыя цѣпи и могучія руки воиновъ удержали его на мѣстѣ. Тогда царь указалъ на Цицерона и на домъ, стоящій напротивъ его. Цицерона увели туда. Передъ нимъ остался Бидандари.

„Отрубить его хитрую голову!“ — крикнулъ Морфилицій съ такимъ гнѣвомъ, что пламя вышло изъ устъ его съ этими словами.

Воины бросились на Бидандари, но едва голова его отдѣлилась отъ тѣла, какъ совершилось чудо.

День былъ свѣтлый и ясный, ни одного облачка не было на небѣ, а въ эту минуту, огромная черная туча спустилась на трупъ и скрыла его отъ глазъ окружающихъ. Всѣ смотрѣли съ недоумѣніемъ. Мало-по-малу, туча разсѣялась, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Бидандари, выросъ великолѣпный, бѣлый тюльпанъ.

„Онъ чародѣй!“ — закричалъ Морфилицій и пламя снова показалось изъ усть и изъ ноздрей его.

„Приведите сообщницу его чаръ, старую гамдели и умертвите надъ этимъ проклятымъ цвѣткомъ!“

Когда стали отсѣкать ей голову, кровь брызнула на тюльпанъ, середина его сдѣлалась ярко красною, съ блѣднорозовыми разводами по лепесткамъ, отчего онъ сталъ еще прекраснѣе.

„Теперь“ — злобно сказалъ Морфилицій, — „прикуйте къ окну Цицерона, станьте возлѣ него и не давайте ему отвернуть головы, я желаю, чтобы онъ видѣлъ все, что будетъ происходить напротивъ!“

И онъ захохоталъ, какъ бѣсъ, и пламя опять показалось изъ усть, ноздрей и ушей.

„А остальной весь народъ, вонъ отсюда!“ — крикнулъ онъ въ заключеніе.

Площадь моментально опустѣла.

„Давайте сюда Нину!“ — было послѣднимъ повелѣніемъ Морфилиція, который вошелъ въ домъ и помѣстился въ окнѣ, напротивъ того, гдѣ прикованъ былъ Цицеронъ. Нину ввели полумертвую отъ страха.

— Боже Израилевъ! спаси меня! — воскликнула она.

„Никто не спасетъ тебя отъ меня!“ — злобно отвѣтилъ Морфилицій, и, схвативъ Нину въ свои объятія повлекъ ее къ открытому окну.

Напротивъ Цицеронъ дѣлалъ немовѣрные усилія, чтобы освободиться отъ цѣпей.

— Зови къ Богу моему, Цицеронъ! Онъ сильнѣе его! — закричала Нина.

Въ это мгновеніе, она взглянула на свои ноги и обмерла отъ ужаса. Морфилицій тоже смотрѣлъ въ удивленіи. Онъ видѣлъ, что обѣ ноги срослись вмѣстѣ и образовали одну черную массу. Быстро сорвалъ онъ съ нея одежду, но превращеніе совершилось еще быстрѣе: все тѣло ея сжалось и почернѣло, и чрезъ нѣсколько минутъ, изъ рукъ его выпорхнула прелестная бабочка и весело полетѣла черезъ площадь на встрѣчу другой такой же бабочкѣ, вылетѣвшей изъ темницы Цицерона.

Обѣ онѣ устремились къ тѣлу гамдели и къ бѣлому тюльпану и кружились надъ ними. Какъ описать ярость Морфилиція? Отъ из-

бытка гнѣва, онъ уже не находилъ словъ человѣческихъ. Какіе-то ужасные, страшные звуки вылетали изъ устъ его, вмѣстѣ съ пламенемъ. Съ ужасомъ смотрѣли воины, какъ онъ катался по полу и глаза его сверкали. Мало-по-малу, онъ весь обратился въ пламень. Огненные языки выползли изъ окна, спустились на площадь и стали неистово подниматься въ воздухъ, въ надеждѣ опалить бѣдныхъ бабочекъ. Напрасно летали онѣ по всей площади, пламя всюду за ними гонялось, наконецъ онѣ спрятались въ тюльпанъ, который успѣшилъ сокрыть ихъ своими лепестками. Вся ярость огня обратилась на несчастный цвѣтокъ.

Тогда тѣло гамдели стало превращаться въ росу. По мѣрѣ того, какъ Морфилиція сналяла своего врага, вѣрная гамдели прохладяла его, такъ, что несмотря на всю злость Морфилиція, ему не удалось сжечь тюльпанъ, а только бѣлые лепестки его окрасились всѣми цвѣтами пламени. Наконецъ гамдели окончательно побѣдила своего врага. Онъ ушелъ подъ землю и показывается только, когда Господь желаетъ покарать грѣшныхъ. О, тогда онъ бываетъ ужасенъ! Онъ потрясаетъ всю землю, раздираетъ нѣдра ея и образуетъ глубокія пропасти тамъ, гдѣ прежде были цвѣтущіе города, засыпаетъ цѣлыя

селенія, разрушаютъ столѣтнія зданія, по-
 ляетъ сады, поля, луга, лѣса. Словомъ Мор-
 филицій обратился въ подземный огонь и
 ежечасно проклиняется всѣми поколѣніями,
 а добрая, преданная гамдели ежедневно
 благословляется, потому что превращена въ
 благотворную росу, безъ которой погибли бы
 и люди, и звѣри, и растенія, и все прекрас-
 ное на землѣ.

Когда миновала опасность, лепестки тюль-
 пана открылись, бабочки выпорхнули изъ
 него и помчались къ дому Дамассека. Тамъ
 возвращень имъ былъ прежній ихъ видъ.
 Они женились, продали все достояніе Іоанна
 и съ несмѣтными богатствами поѣхали въ
 Римъ. Передъ отъѣздомъ они выкопали
 тюльпанъ и увезли его съ собою. Страна
 Цицерона также любима небомъ, какъ и наша.
 Тамъ приобрѣли они роскошный домъ, велико-
 лѣпный садъ и лучшее мѣсто этого сада
 опредѣлили для тюльпана. Своими руками
 поливали они его и ухаживали за нимъ,
 такъ, что весь городъ любовался на пре-
 красный цвѣтокъ, который росъ и умножался.
 Черезъ нѣсколько лѣтъ весь садъ обратился
 въ поле тюльпановъ. Многочисленныя дѣти
 Цицерона и Нины ухаживали за ними, а
 роса и утромъ, и вечеромъ освѣжала ихъ.
 Ница и Цицеронъ всегда сходили въ садъ.

ВЪ ЭТО ВРЕМЯ И СЪ БЛАГОДАРНОСТЮ ЦѢЛОВАЛИ СВѢТЛЫЯ КАПЛИ, ВСПОМИНАЯ СВОЮ МИЛУЮ ГАМДЕЛИ, КОТОРУЮ ТЕПЕРЬ БЛАГОСЛОВЛЯЮТЬ ВО ВСЕМЪ МІРѢ, ВЪ НАГРАДУ ЗА ЕЯ ПРЕДАННОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

V.

СРАТРА ИНИА.

РАЗСКАЗЪ.

въ это время и съ благодарностью цѣлювали свѣтлыя капли, вспоминая свою милую гамделю, которую теперь благословляютъ во всемъ мѣрѣ, въ награду за ея преданность и любовь.

V.

СРАТНА НИНА.

РАЗСКАЗЪ.

14 января—день великаго торжества во всей Грузіи.

Это — праздникъ святой Нины, просвѣтительницы нашей. Отецъ Нины—Завулонъ былъ, по преданію, родственникъ святому великомученику Георгію и женился на Сосаниѣ сестрѣ Іерусалимскаго Патріарха Іовеналія, который былъ родомъ изъ Колосса. Онъ и сестра осиротѣли въ дѣтствѣ, и пошли въ Іерусалимъ, гдѣ Іовеналій нашелъ себѣ мѣсто секретаря, а Сосанна помѣстилась въ услуженіе къ Сарѣ виолеемлянкѣ. Между тѣмъ, Завулонъ изъ Каппадокіи отправился въ Римъ, представляться императору и прибылъ туда въ то время, когда бранджи, взбунтовавшись, явились въ равнинѣ Паталанской. Завулонъ не допустилъ ихъ въ Римъ, обратилъ въ бѣгство, плѣнилъ царя и вождей и представилъ ихъ императору. Когда же государь осудилъ ихъ на смерть, они стали плакать и умолять Завулону обратиться ихъ въ христіанство.

„Веди насъ въ храмъ твоего Бога“ — сказали они — „прежде чѣмъ умертвить, ты насъ полонилъ и посвятивъ насъ Богу, будешь неповиненъ въ нашей смерти, великодушный герой!“

Тогда Завулонъ пошелъ къ патріарху и сообщилъ ему о всемъ происшедшемъ. Не говоря ничего императору, патріархъ, съ помощью Завулона, крестилъ ихъ, причастилъ и поучалъ вѣрѣ. Чѣмъ свѣтъ встали бранджи на другой день, облеклись въ погребальныя платья и отправились на мѣсто казни. Они молились, благодарили Бога, сподобившаго ихъ крещенія и говорили: „Мы бессмертны и по смерти, ибо Господь удостоилъ насъ славы приобщенія Святыхъ Таинъ, высшихъ горъ превысокихъ и глубочайшихъ пропастей земныхъ! Да будетъ имя Его благословенно во вѣки и въ вѣкъ вѣка! Горе отцамъ нашимъ, погибшимъ въ невѣжествѣ и пребывающимъ во мракѣ, — мы же не вкусимъ плода горестнаго, но радостно насытимся свѣта. Приблизся палачъ и отсѣки главы наши!“

Съ этими словами, съ готовностію, простирали они выи свои подъ мечъ. А Завулонъ, который не могъ долѣе выносить этого зрѣлища, устремился къ императору, чтобы вымолить имъ прощеніе.

— Я дарю ихъ тебѣ, дѣлай съ ними, что хочешь! — сказалъ государь.

Съ поспѣшностію возвратился Завулонъ на мѣсто казни и успѣлъ спасти осужденныхъ.

Тогда они стали умолять его, проводить ихъ въ отечество, чтобы проповѣдывать тамъ Господа нашего Иисуса Христа и крестить желающихъ. Завулонъ, взявъ у патріарха священниковъ и, съ разрѣшенія императора, отправился съ бранджамы. Когда же имъ осталось не болѣе одного дня пути, въ землѣ ихъ распространился слухъ, что царь живъ и возвращается, съ вельможами своими. Христавства: Кхозамо, Кхоза, Гоакхладжа или Гардаджа, Кхонебага, Кхинжирага или Киндижага, Заджа, Зага, Зарда, Замра и Тхмоки, поспѣшили на встрѣчу и были достигнуты, на берегу большой и глубокой рѣки остаѣльнымъ народомъ. Завулонъ приказалъ людямъ остановиться на обоихъ берегахъ рѣки, вода была освящена и всѣ погружались въ нее и выходили на одно мѣсто, гдѣ священникъ возлагалъ на нихъ руки. Завулонъ остался съ ними до тѣхъ поръ, пока всѣ были крещены и приобщены, водворилъ во всемъ порядокъ, оставилъ священниковъ и удалился, осыпанный щедрыми подарками.

„Я отнесу эти сокровища на украшеніе Гроба Господня“, — подумалъ Завулонъ и отправился въ Іерусалимъ, гдѣ роздалъ все нищимъ.

Въ то время Іовеналій (въ монашествѣ принявшій имя Забдасъ) былъ патріархомъ Іерусалимскимъ и подружился съ Завулономъ, поэтому и Сара Вавилонская узнала его и оцѣнила по достоинству. Однажды она сказала патріарху:

— Завулонъ, отецъ бранджевъ (уроженцы Барцелоны), которыхъ онъ просвѣтилъ Святымъ Крещеніемъ; онъ исполненъ страха Божія и разума и я совѣтую тебѣ отдать за него сестру твою Сосанну.

Совѣтъ Сары былъ исполненъ и молодые супруги отправились въ Колоссъ, отечество Завулоново. Вскорѣ у нихъ родилась дочь Нина. Когда же ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, родители ея продали все свое состояніе и переселились въ Іерусалимъ. Здѣсь Завулонъ принялъ монашество изъ рукъ патріарха Германа, ибо братъ Сосанны уже скончался и разстался съ женой. Прижавъ дочь свою къ груди и обливая лицо ея слезами онъ сказалъ:

„Дорогое и единственное дитя мое: Я оставляю тебя сиротою и поручаю тебя Отцу небесному, Богу, Который питаетъ всѣ су-

щества, ибо Онъ Отецъ сиротъ и Судія вдовъ. Не бойся ничего, дочь моя, но поревнуй Маріи Магдалинѣ и сестрамъ Лазаря въ любви къ Богу. Если ты Его полюбишь такъ же, какъ онѣ, Онъ и тебѣ ни въ чемъ не откажетъ“.

Обнявъ ее еще разъ, онъ перешелъ Иорданъ и отправился проповѣдывать Слово Божіе, между дикими народами, гдѣ единому Богу, Создателю всей твари, извѣстно, что съ нимъ случилось. Сосанна же по приказанію патріарха ухаживала за бѣдными женщинами, а Нину помѣстила въ услуженіе къ Ніапхорѣ армянкѣ изъ Довуна. У нея пробыла она два года, поучаясь въ законѣ Господнемъ, ибо во всемъ Іерусалимѣ не было въ то время никого, кто бы такъ былъ свѣдущъ въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ и обладалъ такимъ обширнымъ и свѣтлымъ умомъ. Ніапхора была благочестива и праведна, и въ гостепріимствѣ подражала Аврааму. Домъ ея всегда былъ открытъ для всѣхъ богомольцевъ, приходившихъ на поклоненіе Гробу Господню.

Не разъ случалось ей принимать у себя христіанъ изъ евреевъ, обыкновенно проживавшихъ въ Грузіи. Отъ нихъ-то Нина услышала рассказъ о томъ, какъ во времена цлѣна Вавилонскаго нѣсколько евреевъ

поселились въ Мцхетѣ, какъ ежегодно посылали они кого-нибудь изъ своихъ на праздникъ Пасхи въ Иерусалимъ. Они же рассказали ей, что во второй годъ царствованія Адерка въ Грузіи, узнали о рожденіи Господа нашего Иисуса Христа чрезъ этихъ посланныхъ. Спустя тридцать лѣтъ въ Мцхетъ явились посланные отъ первосвященника Анны, съ слѣдующими словами:

„Тотъ кому маги подносили дары, теперь возросъ и проповѣдуетъ намъ новую вѣру; вотъ мы разсылаемъ нарочныхъ ко всѣмъ іудеямъ, дабы найти въ нихъ учителей закона и сказать имъ.

— Приидите всѣ вы, поддерживающіе законъ Моисеевъ и рѣшите недоумѣніе наше! — Пусть же всѣ свѣдущіе въ законѣ оставятъ немедленно страну чуждую и устремятся съ поспѣшностію въ отечество свое, дабы утвердить и оградить вѣру отцовъ нашихъ, исполнить завѣты Моисеевы, спасти простой народъ отъ прельщенія проповѣдуемымъ ученіемъ и дабы виновный преданъ былъ смерти“.

Еліозъ — человекъ уже не молодой, изъ племени Левитовъ, рѣшился идти въ Иерусалимъ, оставя мать свою, изъ рода первосвященника Или, на попеченіи сестры своей Сидоніи, ибо старица сама говорила:

„Гряди, возлюбленный сынъ мой, куда

призываетъ тебя Господь и Его святой законъ, но помни наставленія мои: ты, какъ чело-вѣкъ просвѣщенный въ законъ, не долженъ соизволять на ихъ безбожное намѣреніе, умоляю тебя, не будь соучастникомъ въ пролитіи крови этого чело-вѣка. Ты знаешь, что это есть исполненіе древнихъ пророчествъ, вѣруй же сему все-мъ сердцемъ своимъ, какъ и я вѣрую!“

Съ Эліозомъ вмѣстѣ отправился молодой еврей Лонгинозъ, воинъ изъ Карсана, и они поспѣли къ самому распятію Господа нашего, ибо пришли въ пятницу. Когда же бросили жребій, Еліозу достался хитонъ, а Лонгинозу риза Господня, которую онъ отнесъ въ Кутаисъ (риза эта висѣла среди храма въ хрустальномъ сосудѣ до временъ Шахъ-Абаза, который отослалъ ее въ Россію).

Когда же стали распинать Господа нашего, чудеснымъ образомъ, звукъ молота о гвозди долеталъ до слуха матери Еліоза, и она воскликнула:

„Прощай царство Израилево! Несчастные, погибшіе на вѣки! Вы убиваете, по безумію вашему Владыку и Спасителя вселенной и дѣлаетесь умышленно убійцами вашего Создателя! Горе вамъ, несчастные! Нѣтъ вопля равнаго вашей бѣдѣ! Горе мнѣ, ибо уши мои слышали сіи печальные звуки!“ и, съ этими словами, предала она духъ свой Богу.

Когда же Эліозъ, неся хитонъ, возвратился въ Мцхетъ, Сидонія вышла къ нему на встрѣчу, съ плачемъ и рыданіемъ бросилась она къ нему на шею, чтобъ объявить о смерти матери, и взоръ ея упалъ на хитонъ. Она узнала, что онъ принадлежалъ Господу Иисусу и мысль, что братъ ея содѣйствовалъ смерти Его, наполнила сердце ея неизреченною горестію. Прижавъ къ груди своей безцѣнную святыню, она испустила духъ. Вѣсть о ея кончинѣ распространилась по всему Мцхету и дошла до царя, который пожелалъ видѣть умершую.

Придя къ тѣлу, онъ былъ пораженъ красотою хитона, издававшего небесное сіяніе и хотѣлъ надѣть его, но никакая сила не могла вынуть святыни изъ объятій умершей. Эліозъ похоронилъ сестру вмѣстѣ съ хитономъ и, такимъ образомъ, спасъ его отъ дальнѣйшихъ попытокъ невѣрныхъ. Разказы эти оставляли сильное впечатлѣніе въ душѣ Нины, она долго и часто думала о томъ, какъ бы отыскать то мѣсто, гдѣ находился хитонъ и обратилась съ разспросами къ воспитательницѣ своей. — „Дитя мое“ — сказала Нанхора — „я вижу, что ты силою своею подобна львицѣ, гласъ которой заглушаетъ рыканіе всѣхъ четвероногихъ. Проницательность твоя равняетъ тебя съ орлицею, ко-

торая превосходить полетомъ своимъ орловъ, и маленькимъ глазомъ своимъ обнимаетъ всю вселенную; увидѣвъ добычу, она испытуетъ ее проицательнымъ взглядомъ своимъ, какъ огонь испытуетъ золото, и устремляется на нее съ распростертыми крыльями. Такова будетъ жизнь твоя. Гласъ твой будетъ слышенъ во всей вселенной и добыча твоя обогатитъ Бога.

Теперь я объясню тебѣ все: Ты знаешь, что Господь безсмертный умилился надъ смертными обитателями этого свѣта и сошелъ на землю, чтобы призвать къ себѣ народы и спасти весь міръ. Первыя благодѣянія Его излились на евреевъ, между ними воскрешалъ Онъ мертвыхъ, просвѣщалъ ослѣпшихъ, цѣлилъ недужныхъ. Изумленные, они разослали гонцевъ по всему свѣту, чтобы евреи собирались съ поспѣшностію на совѣтъ.

— Мы погибаемъ! — восклицали посланные, — спѣшите, собирайтесь всѣ!

Тогда со всѣхъ странъ собрались люди свѣдущіе въ законѣ Моисеевомъ, собрались чтобы открыто сопротивляться Святому Духу и сдѣлать именно то, что нужно было міру. Они распяли Господа Іисуса и метали жребій объ Его одеждѣ. Хитонъ нешвенной достался пришедшему изъ Мѣхета. Ты знаешь

такъ же, что, по погребеніи Господа нашего они приставили стражу ко гробу, но Онъ воскресъ, по предсказанію, и въ гробѣ остались одиѣ пелены, которыя апостоль Лука взялъ, но неизвѣстно кому именно отдалъ.

Что же касается ризы Господней, которая не была найдена во гробѣ, то многіе заключаютъ, что ее взялъ апостоль Петръ, не прибавляя ничего о дальнѣйшей судьбѣ ея. Я же, съ своей стороны, болѣе вѣрю тому, что мы слышали отъ Мцхетскихъ евреевъ. Кресты сокрыты здѣсь въ Іерусалимѣ, но мѣсто это никому не извѣстно, пока Господь не откроетъ его избраннымъ Своимъ въ свое время!

„Услышавъ слова эти, Нина благословляла и благодарила Бога и спросила:

— Гдѣ-же находится та страна, гдѣ сокрытъ хитонъ?

„Городъ Мцхеть находится въ Грузіи. Эта гористая страна граничитъ съ Арменіей и пребываетъ въ идолопоклонствѣ. Халдейскіе маги имѣютъ сильное вліяніе на народъ“ — отвѣтила Ниапхора.

Въ это время пришла изъ Ефеса женщина, на поклоненіе Святому гробу и остановилась у Ниапхоры.

„Императрица Елена все ли еще пребываетъ во мракѣ невѣжества?“ — спросила ее Ниапхора.

— Я ея служанка, — отвѣтила прибывшая, — и знаю всѣ ея желанія открытыя и сокровенныя. Она желаетъ принять христіанство и сподобиться крещенія.

„Пусти меня, къ государынѣ“ — стала просить Нина свою госпожу — „быть можетъ мнѣ удастся проникнуть до нея и говорить ей, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ!“

— Испросимъ прежде благословеніе святейшаго патріарха нашего Германа — отвѣчала Нинапхора и отправилась къ нему. Вскорѣ позвали Нину и поставили ее на ступеняхъ амвона, тогда Германъ возложилъ руки на ея плечи и воздохнувъ изъ глубины души, сказалъ: „Владыко, Боже превѣчный! Тебѣ поручаю я сироту сію, дочь сестры служителя Твоего и посылаю ее проповѣдывать Божество Твое и возвѣщать воскресеніе Твое вездѣ, куда Тебѣ угодно будетъ ее направить. Божественный Иисусе! буде ей спутникомъ въ пути, заступникомъ въ бѣдѣ, прибѣжищемъ, наставникомъ и проповѣдникомъ, какъ Ты отъ вѣка былъ всѣмъ, боящимся имени Твоего Святаго!“

Въ ту же ночь, во снѣ, явилась святой Нинѣ Божія Матерь, на долю Которой выпала счастливая Иверія, когда Она вмѣстѣ съ Апостолами метала жребій кому буда идти на проповѣдь. Въ рукахъ Царицы Не-

бесной былъ виноградный крестъ, который, по ея приказанію, былъ связанъ власами Нины. Пресвятая Богородица вручила крестъ спящей, съ приказаніемъ, идти вмѣсто нея на просвѣщеніе народа Иверскаго.

Святая проснулась съ крестомъ въ рукахъ и поспѣшила сообщить матери своей обо всемъ случившемся. Съ умиленіемъ слушала ее счастливая Сосанна, поцѣловала, перекрестила и отпустила въ путь съ благословеніемъ, препоручая ее Богу. Отъ матери Нина пошла прямо къ Ефесянкѣ, которую стала торопить въ путь, ибо сердце ея горѣло нетерпѣніемъ и несмотря на неизвѣстность и продолжительность путешествія, готовность ея на все для служенія Богу была такъ велика, что она не ощущала ни малѣйшаго страха и ревность эта не осталась безъ награды передъ Сердцевѣдцемъ. Онъ Самъ явился святой Нинѣ утѣшилъ и укрѣпилъ ее на подлежащей подвигъ. Достигнувъ Ефеса, святая, въ домъ своей спутницы, нашла царевну Рипсимае, ушедшею отъ мученій Діоклитіановыхъ, вмѣстѣ съ пятьюдесятью подругами. Вскорѣ къ нимъ пришли еще триста дѣвицъ, изъ свиты царевны и святая Гаяне кормилица ея. Рипсимае привязалась къ Нинѣ, ибо Ефесянка рассказала ей ея исторію, а святая пользо-

валась расположеніемъ царевны, чтобы еще болѣе просвѣщать ее въ вѣрѣ и, въ теченіи этого года крестила царевну, Гаяне и семьдесятъ человекъ ея свиты.

Два года провели онѣ всѣ вмѣстѣ, въ монастырѣ Посхось. Въ это время Императоръ Максиміанъ, разослалъ вездѣ своихъ евнуховъ отыскивать красивыхъ и стройныхъ дѣвицъ и привозить ихъ къ нему на поруганіе, не взирая ни на санъ, ни на происхожденіе, ни даже на самые священные обѣты. Посланные явились въ монастырь Посхось, увидѣли Рипсима и, пораженные ея необычайною красотою, не рѣшились взять ее, а стали спрашивать о ея происхожденіи. Узнавъ же, что она царскаго рода, подумали, что она достойна быть супругою Максиміана, списали съ нея портретъ и удалились. Едва взглянулъ Максиміанъ на ея изображеніе, какъ сердце его воспламенилось самою сильною страстью. Онъ объявилъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ подобнаго совершенства красоты, что Рипсима достойна быть его супругою, что бракъ его долженъ совершиться, съ неслыханнымъ доселѣ торжествомъ и немедленно разослалъ гонцовъ во всѣ стороны своего обширнаго царства, чтобы всякій приходилъ участвовать въ брачныхъ увеселеніяхъ. Между тѣмъ святая

трещетали отъ страха, ибо знали, что царь этотъ — сосудъ гнѣва, хитрый, какъ змѣй въ раю, столь же нечистый и идолопоклонникъ.

Онѣ предугадывали, что портретъ царицъ причинитъ имъ много горя, и много постившись рѣшились, помолясь Богу, положить на Его святую милость и бѣжать тайно изъ этого мѣста. И такъ семьдесятъ сестеръ ушли въ Арменію, въ окрестности Вагхаршапата и достигли прелестнаго города, именуемаго Новымъ Довинемъ, гдѣ жилъ самъ царь. Здѣсь онѣ расположились въ бѣдныхъ хижинахъ, которыя окружали городъ съ сѣвера и запада и служили для выжимки винограда. Здѣсь жили онѣ трудами рукъ своихъ. Узнавъ же что царица Ринсима, съ кормилицей и подругами исчезли неизвѣстно куда, Максиміанъ пришелъ въ ярость и разослалъ гонцовъ разыскивать ее всюду. Посланные его явились къ Трдату, царю армянскому съ слѣдующимъ письмомъ:

„Императоръ самодержавный своему дорогому брату, другу и товарищу Трдату.

Кланяюсь тебѣ. Дружба твоя, наша вѣрнѣйшая союзница, да извѣстится прежде всего, что грѣшная порода христіанская намъ вредна, ибо она заставляеть народъ

пренебрегать нашею властью и не уважать нашего Величества.

Сущность ихъ вѣры заключается въ томъ, что они служатъ человѣку умершему и распятому, обожаютъ дерево и почитаютъ для себя славою умереть за своего Господа. Хотя они не боятся жидовъ, но боятся Того, Кого жиды убили и распяли. Въ ослѣпленіи своемъ, они поносятъ царей, презираютъ боговъ, ни во что вмѣняютъ могущественную свѣтлость солнца, луны и звѣздъ, говоря, что это творенія Распятаго. Они до такой степени смутили вселенную, что отцы и матери разлучаются другъ съ другомъ, не дождавшись смерти. Напрасно наши указы и жестокія муки ихъ истребляютъ, они появляются въ еще бѣльшемъ числѣ! Увидавъ случайно молодую дѣву христіанку, я хотѣлъ взять ее себѣ въ супруги, но она, вмѣсто того, чтобы желать супружества съ царемъ, отвергла меня, какъ нечистаго, и тайно бѣжала въ твои предѣлы. Справься объ этомъ, братъ мой, сдѣлай розыскъ, и какъ только найдешь съ подругами, послѣднихъ предай смерти, а прекрасную Рипсиме пришли сюда, или, если она тебѣ понравится, оставь себѣ, ибо ты не найдешь подобной красавицы во всей Греціи. Впрочемъ будь здоровъ, на службу богамъ!“

Прочитавъ письмо, Трдать началъ розыскъ и вскорѣ нашелъ святыхъ. Рипсима произвела на него то же впечатлѣніе, что и на Максиміана и онъ рѣшилъ, также сдѣлать ее своею супругою. Но святая отвергла его и онъ замучилъ ее вмѣстѣ съ тридцатью тремя подругами ея, 5 октября, а святую Гаяне и еще двухъ, на другой день. Остальныя успѣли скрыться, въ томъ числѣ и святая Нина, которая, по указанію Божію, спряталась въ кустахъ колючаго, розоваго куста, безъ цвѣтовъ. Здѣсь видѣла она свѣтлую звѣзду, спускающуюся съ облаковъ, она служила подножіемъ діакону, въ рукахъ котораго было кадило, изъ этого послѣдняго поднимался такой обильный туманъ, что помрачалъ небо. Діакону сопутствовали безчисленныя небесныя существа. Это было то мгновеніе, когда мученицы испустили духъ, соединились съ силами небесными, посланными за ихъ душами, и вмѣстѣ вознеслись на небо.

„Господи Іисусе!“ — воскликнула святая, — „за что оставляешь меня съ аспидами и змѣями“.

Въ отвѣтъ на этотъ вопль, слышался гласъ съ неба:

— Встань и иди на сѣверъ, гдѣ жатвы много, а дѣлателей мало!

И вотъ четырнадцатилѣтній ребенокъ идетъ на просвѣщеніе цѣлой страны. Она пошла по гласу Божію и преодолѣла все: и долго-ту пути, и физическое утомленіе, и страхъ дикихъ звѣрей и злыхъ людей, и холодъ, и голодъ, и нужду!

Она шла, какъ шли апостолы: безъ снѣди при поясѣ, безъ пары лишнихъ сапогъ, безъ посоха и такъ же какъ они, побѣдила царей, просвѣтила народы, исцѣлила больныхъ и прославила имя того Бога, Который рекъ ей: „Встань и иди!“

Не медля ни минуты, отправилась она на сѣверъ. Дорогой ей безпрестанно вспоминались слова: „дѣлателей мало, а жатвы много!“—и этимъ объясняла она себѣ то, что на нее палъ выборъ Божій. Около Хертвиса силы измѣнили ей. Отъ продолжительной ходьбы, она впала въ изнеможеніе и принуждена была остаться зимовать, перенося безчисленные лишенія. Въ іюнѣ здоровье ее возстановилось на столько, что она могла снова отправиться въ путь. Достигнувъ границъ Джавахета, она остановилась на берегу озера Пхаравна, извѣстнаго также подъ именами: Пхархнавъ, Параванъ, Пханаваръ и Тапараванъ; изъ этого озера вытекаетъ рѣка, именуемая Джавахетскій Мткуаръ, оттуда видны высокія горы, по-

крытыя снѣгомъ, даже въ лѣтніе мѣсяцы. Сильный холодъ распространяется отъ нихъ по всей окрестности.

Ужасъ овладѣлъ святою Ниной.

„Господи!“ — воскликнула она съ трепетомъ, — „прими духъ мой!“ и упала на землю.

Два дня не могла она пересилить своего страха и продолжать путь. Наконецъ, голодъ вынудилъ ее просить нищи у бѣдныхъ рыбаковъ, промышлявшихъ въ озерѣ и у пастуховъ, которые стерегли по берегамъ свои стада. Эти послѣдніе часто по ночамъ призывали боговъ своихъ: Армаза и Задена, обѣщая имъ богатая жертвы, если они сохранятъ стада ихъ отъ всякаго зла. Услыхавъ, что молитвы эти произносятся на мянскомъ языкѣ, которому святая Нина нѣсколько навывкла, прислуживая у Шанхоры, она осмѣлилась спросить откуда они?

„Я Ахованецъ изъ Елрбіеникъ, на берегу Лопатшъ-Цканъ (это лѣвый рукавъ Алазани, жителей этой мѣстности Плинъ называетъ лубіени) — сказалъ одинъ.

— Мы кахетинны изъ Сапурцле и Киндзара, близъ Мухнара — промолвили двое другихъ.

„А я Тусинъ, изъ Рабата“ — прибавилъ третій. — „Вотъ этотъ изъ великаго города Мцхета, гдѣ живетъ царь и гдѣ храмы бо-

говъ нашихъ; мы всѣ, на лѣто, пригоняемъ стада свои на берега Пхарнава, спасаясь отъ нестерпимой жары нашихъ странъ. Оттого-то у этого озера такъ много именъ, что каждый изъ насъ произноситъ его по своему. Осенью мы всѣ расходимся во свои, убѣгая отъ здѣшняго холода“.

— Гдѣ Мцхетъ?— съ замирающимъ сердцемъ спросила Нина.

„Рѣка эта соединяется съ другою, которая выходитъ изъ Кола, именуется Мтварь и течетъ по Мцхету“.

Она взглянула вдоль рѣки: это была необозримая равнина, испугавшая ее своею необъятностью. Вздохнувъ о продолжительности предстоящаго пути, она положила голову свою на камень, близъ истока рѣки, и уснула. Во снѣ является ей мужъ, средняго роста, съ распущенными волосами и вручаетъ ей запечатанный свитокъ, говоря:

„Неси это скорѣе Мцхетскому царю и долопклонишь!“

Заплакала святая Нина и стала просить и молить:

— Господи! я женщина, пришлица, невѣжа, не могущая много говорить; какъ пойду я въ землю чуждую, къ народамъ невѣдомымъ, къ царю могущественному?

Тогда мужъ свѣтозарный открылъ сви-

токъ, на которомъ начертано было десять изрѣченій, какъ на скрижаляхъ Моисеевыхъ, и далъ ихъ прочесть святой. Она проснулась со свиткомъ въ рукахъ. Вотъ что въ немъ заключалось:

I. Аминь глаголю вамъ, иде же аще проповѣдано будетъ евангеліе сіе, во всемъ мірѣ, рѣчется и еже сотвори сія, въ память ея.

II. Нѣсть мужескій полъ, ни женскій.

III. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

IV. Свѣтъ просвѣщеніе языкомъ и слава Твоя Израилю.

V. Сіе благовѣстіе рая будетъ проповѣдано во всей вселенной.

VI. Приемляй васъ, Мене приемлетъ и приемляй Мене, приемлетъ Пославшаго Мя.

VII. Марія премного возлюби Господа, за не всегда послушаша словеса Его.

VIII. Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же коснутися не могущихъ.

IX. Рече Іисусъ Маріѣ Магдалинѣ „Иди, о жено, и возвѣсти братіи Моей!“

X. Учите ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ и се Азъ съ вами есмь, во вся дни, до скончанія вѣка. Аминь.

Прочитавъ свитокъ, святая Нина убѣди-

лась, что видѣніе это было отъ Господа, горячо помолилась она о томъ, чтобы Господь призрѣлъ на смиреніе ея и вручивъ себя Его волѣ, немедленно послѣдовала по теченію рѣки. Она сначала текла на западъ, чрезъ страны дикія и не плодородныя. Путешествіе было еще болѣе ужасно отъ множества дикихъ звѣрей, оглашавшихъ эти пустыни своими страшными рыканіями, но ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ коснуться хранимой Богомъ. Только съ поворотомъ рѣки на востокъ стали они мало-по-малу исчезать. Гонимая страхомъ, она забыла усталость и шла быстро, едва останавливаясь на минуту, чтобы перевести духъ. Вскорѣ послѣ поворота, она догнала путешественниковъ, идущихъ въ Урбиши, или Уриать-Убани, (что значитъ „улица евреевъ“) и радостно послѣдовала за ними: въ Урбиши ожидало ее огорченіе; вмѣсто поклонниковъ истиннаго Бога, она нашла людей поклоняющихся огню, древу и камню; сердце ея сжалось, но Господь утѣшилъ ее, внушивъ нѣсколькимъ евреямъ предложить ей гостепріимство, которымъ она и пользовалась около мѣсяца, когда ее поразило слѣдующее зрѣлище:

Она увидѣла большую толпу направляющуюся въ городъ Мцхеть, а такъ какъ отъ

своихъ хозяевъ она слышала, что тамъ есть много евреевъ, она издали послѣдовала за идущими и такимъ образомъ попала на праздникъ Армаза. Еще не дойдя до моста, близъ Могутха, вся эта толпа остановилась, какъ одинъ человѣкъ, для поклоненія огню и святая Нина горько заплакала о гибели такого множества душъ человѣческихъ, искупленныхъ драгоцѣнною кровію Господа нашего Іисуса Христа. 6-го августа, 324 года, въ день Преображенія Господня, совершила, по преданію, святая Нина первое чудо. Въ этотъ день, посвященный празднованію идола Армаза, обязательно участвовали въ торжествѣ царь и царица. Съ ранняго утра, толпы народа безчисленныя, какъ полевые цвѣты, наполняли улицы, крича и волнуясь и спѣша другъ передъ другомъ украшать дома свои разноцвѣтными тканями, на всемъ пути царскаго шествія.

Сначала появилась царица Нана, окруженная супругами и дочерьми вельможъ. За нею слѣдовалъ царь съ многочисленною свитой.

Хвалы и благословенія слышались изъ народной толпы. Съ великою пышностію, поднималось шествіе на гору, для поклоненія своему богу, который былъ вылитъ изъ

чистаго золота, а по бокамъ его находились два другіе, меньшіе бога, изъ серебра, на нихъ были золотые латы а въ глазахъ изъ аквамарина, искусно вдѣланы были вращающіеся изумрудные зрачки. Эти послѣдніе идола были въ ростъ человѣческой и внутри ихъ скрытъ былъ механизмъ, посредствомъ котораго руки ихъ, державшія острые мечи, рубили всѣхъ прикасавшихся къ главному богу безъ жертвы, или уличенныхъ въ поклоненіи чуждымъ богамъ. На Римскомъ мосту, святая Нина присоединилась къ процессіи.

„Что это такое?“ спросила она у одной еврейки.

— Это богъ боговъ Армазь призываетъ народъ на поклоненіе себѣ. Никакой идолъ не можетъ съ нимъ сравняться, потому-то каждый изъ насъ облакается сегодня въ лучшую свою одежду и беретъ въ руку флагъ, въ знакъ ликованія.

Между тѣмъ шествіе достигло цѣли. Царь поклонился до земли, окруженный цѣлыми облаками еиміама. Жрецы заклали жертвы.

Царица, вельможи, безчисленные толпы народа послѣдовали примѣру своего повелителя, къ величайшему негодованію святой, которая отъ всего сердца помолилась Пославшему ее, и вотъ подулъ удушливый за-

падный вѣтеръ, сначала тихо, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, незамѣтно переходя въ ураганъ. Задыхаясь бѣжали царь, жрецы, народъ, а ураганъ разразился каменнымъ дождемъ, не давъ скрыться и половинѣ бѣгущихъ. Камни, такой величины, что не всякій взрослый человекъ могъ бы поднять ихъ обѣими руками, безпрестанно сыпались на храмъ и идоловъ, пока не обратили все въ прахъ. Язычники бѣжали въ испугъ; гора недавно столь многолюдная, опустѣла, на ней теперь была одна Нина, которую не испугало ужасное зрѣлище. Она видѣла въ немъ новое доказательство могущества ея Бога и, подъ Его могучею защитой, безмятежно уснула на громадномъ камнѣ. На другой день, по приказанію царя, одинъ изъ вельможъ отправился осматривать вчерашній погромъ. Онъ увидѣлъ святую Нину, догадался по одеждѣ, что она пришелица изъ странъ чуждыхъ и, по свойственному грузинамъ гостепріимству, пригласилъ ее остановиться у него.

Но предложеніе его не было принято святою. Она продолжала путь по берегу рѣки и дорогой, нашедъ глазъ одного изъ боговъ, взяла его съ собою. Дойдя до слиянія Куры и Арагвы, гдѣ прежде были городъ и крѣпость, она рѣшилась отдохнуть и провести

ночь на томъ мѣстѣ мыса, гдѣ до сихъ поръ еще остались развалины церкви Оаворской. Въ то время тамъ росли деревья бриджъ, красивыя, стройныя, высокія, съ роскошными, тѣнистыми вѣтвями. Они посажены были царемъ Бартомомъ, который часто отдыхалъ подъ ихъ тѣнью; обычай этотъ долго сохранялся между знатью и почти каждый знойный день приводилъ кого-нибудь изъ вельможъ подъ вѣтви бриджъ. На одномъ изъ этихъ деревьевъ святая Нина начертила крестъ и прожила подъ нимъ до 12 августа въ непрестанной молитвѣ. Въ этотъ день пришла насладиться прохладою знаменитыхъ деревъ, придворная дѣвица Хрохана, съ прислужницею своею гречанкою. Послѣдняя, по приказанію госпожи своей, спросила у святой кто она, что тутъ дѣлаетъ и не нужно ли ей чего. Святая сказала, что она „Тэве“ то-есть военноплѣнная (что совсѣмъ не значитъ раба, какъ по незнанію, перевели нѣкоторые описатели ея житія) и не сказала своего настоящаго происхожденія.

Хрохана немедленно пригласила ее послѣдовать за собою во дворецъ, но святая Нина отказалась отъ этого приглашенія.

Спустя три дня, то-есть въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, она перешла Мтку-

арь и вступила въ Фруктовый садъ царскій. Близъ того мѣста, гдѣ нынѣ храмъ Католикоса и столбъ Богомъ поставленный, жилъ въ то время сторожъ, жена котораго Анастазо, поспѣшила выйдти на встрѣчу къ странницѣ. Обняла ее, какъ дорогого и стараго друга, поцѣловала, омыла запыленные ноги, упитала уставшее тѣло укрѣпляющимъ благовоннымъ масломъ и предложивъ ей хлѣба и вина, просила отдохнуть и подкрѣпиться, послѣ путешествія. Здѣсь провела святая девять мѣсяцевъ, часто посѣщая Урбиши, гдѣ жили евреи, въ надеждѣ узнать что-либо о хитонѣ Господнемъ и Господь благословилъ ея старанія. Она познакомилась съ Абиатхаромъ, потомкомъ Эліоза, котораго она вскорѣ обратила въ христіанство, со всѣмъ семействомъ его:

„Когда пришла она“—говорить Абиатхаръ въ своемъ разсказѣ, сохранившемся въ исторіи Грузіи—„я получилъ письма отъ іудейскихъ священниковъ въ Антиохіи, въ которыхъ они изъяснялись такъ:

— Господь раздѣлилъ на три части царство Израилево, коими владѣютъ римляне, армяне и варвары. Нѣтъ болѣе пророковъ; все сказанное ими по внушенію Святаго Духа, исполнилось, мы рассыпаны по всей вселенной и отечество наше занято римлянами.

Иудеи! восплачемъ нынѣ, съ народомъ нашимъ, ибо мы оскорбили Бога, Творца всяческихъ. Разсмотри теперь книги, въ которыхъ Моисей учитъ насъ: „всякъ именуяй себя Богомъ на землѣ, да предастся смерти!“ Неужели же мы согрѣшили, умертвивъ Иисуса Назорея? Мы дѣйствительно видимъ, что, въ древности, когда отцы наши согрѣшали передъ Богомъ и забывали Его, Онъ повергалъ ихъ въ рабство и заставлялъ испытывать ихъ всѣ ужасы плѣна, но когда они обращались и взывали къ Нему, Онъ избавлялъ ихъ отъ бѣдствій. Изъ писаній мы знаемъ, что это совершилось семь разъ, въ древнія времена. Теперь же когда отцы наши возложили руки на сына бѣдной женщины, Богъ лишилъ насъ Своей милости и опоры и царство наше распалось, мы отдалены отъ храма и родъ нашъ забытъ. Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ сотъ лѣтъ.

Господь не слушаетъ молитвъ нашихъ и не посылаетъ намъ облегченія, изъ чего мы заключаемъ, что, быть можетъ, человекъ этотъ былъ посланъ отъ Бога!

Такимъ образомъ писали они мнѣ нѣсколько разъ и возбудили сомнѣнія въ душѣ моей, за разъясненіемъ которыхъ я и обратился къ святой Нинѣ. Я спрашивалъ у

нея кто былъ Иисусъ и зачѣмъ Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ? Тогда святая Нина отверзла уста свои и изъ нихъ полились слова жизни, въ такомъ обилии, какъ обильны волны въ глубинѣ морской. Изъ устъ ея узналъ я все заключающееся въ книгахъ христіанскихъ, и она поясняла мнѣ ихъ глубокій смыслъ. Я былъ какъ человѣкъ, пробудившійся отъ сна, какъ безумецъ, пришедшій въ разумъ. Она исполнила сердце мое жалости къ отцамъ нашимъ, заставила меня убѣдиться въ истинахъ Новаго Завѣта и изъ словъ ея я увѣровалъ въ Иисуса Христа, Сына Божія, распятаго, воскресшаго и имѣющаго придти со славою, я понялъ, что Онъ-то и былъ обѣщанъ вѣрующимъ. Я видѣлъ еще многія чудеса, совершенныя святою Ниною во Мцхетѣ, въ мое время и вмѣстѣ съ дочерью моею Сидоніею сподобился Святого Крещенія, очищающаго всякую скверну.

Я получилъ то, чего напрасно желалъ пророкъ Давидъ: я слышалъ хоръ голосовъ, прославляющихъ Новый Завѣтъ, предметъ его воздыханія, и насъ удостоили причаститься Святыхъ Таинъ, тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа, Агнца закланнаго за грѣхи міра, лучшаго и сладчайшаго изъ брашенъ. Господи укрѣпи вѣру сію

въ сердцѣ моемъ, до послѣдняго издыханія! Все, что я буду за симъ рассказывать, слышала я, своими ушами отъ матери, отца моего, или читала въ книгахъ, писанныхъ со словъ предковъ нашихъ”.

За симъ слѣдуетъ уже извѣстное намъ повѣствованіе о хитонѣ. На могилѣ Сидоніи, подъ огромнымъ кедромъ, возросъ благоухающій кустъ, отягченный безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ и листьевъ, и изъ вѣтвей его образовалась куца, подъ которою и поселилась святая Нина, не зная, какъ она близка къ цѣли своихъ желаній. Всѣ ночи проводила она въ молитвѣ, и вотъ въ одну изъ такихъ бессонныхъ, молитвенныхъ ночей ей явился свѣтозарный мужъ и, указавъ на благоухающій кустъ, приказалъ изъ подъ него брать землю для исцѣленій.

По утру, по обыкновенію, пришла къ ней Анастасо, предлагая ей хлѣба, вина, плодовъ и сыру. Замѣтивъ, что глаза ея заплаканы, Нина спросила о причинѣ слезъ и узнала, что оба супруга сильно огорчаются тѣмъ, что не имѣютъ дѣтей и приписываютъ это несчастіе болѣзни Анастасо. Святая тотчасъ употребила святую землю и Анастасо исцѣлилась. Возвратимся теперь къ разсказу Абіатхара.

„Въ то время святая Нина видѣла одинъ

и тотъ же сонъ раза три или четыре, въ тѣ немногія минуты, которыя она посвящала отдыху. Стая черныхъ птицъ купалась въ рѣкѣ, выходила изъ воды бѣлѣе снѣга и устремлялась къ большой соснѣ, дѣйстви-тельно растущей недалеко отъ ея кущи. Въ видѣніи она казалась покрытою чудными ягодами и цвѣтами. Съ поспѣшностію собирали птицы и тѣ и другіе и приносили ихъ святой, какъ бы владѣлицѣ сада, потомъ соединялись въ кольцо, вокругъ нея и пѣли дивнымъ образомъ. Святая рассказала о томъ Сидоніи, дочери моей, которая воскликнула такъ:

— Плѣнница, снявшая съ насъ оковы! Я знаю, что ты причина всего совершающагося, что чрезъ тебя открывается бывшее, при отцахъ нашихъ, преступное пролитіе крови Небеснаго Человѣка, за то евреи и царство ихъ погибли, они лишились храма, и народъ чуждый наслѣдовалъ ихъ величіе!

Іерусалиме! Іерусалиме! какъ ты распро-стеръ свои крылья, чтобы приютить подъ ними народы со всѣхъ странъ міра, только дѣти твои остались безъ крова и разсѣяны по лицу всей земли! Нынѣ пришла сюда женщина, родившаяся въ землѣ чуждой, которая преобразуетъ все царство!

Потомъ обратясь къ святой сказала:

— То что ты видѣла, ясно предвѣщаетъ намъ, что мѣсто это преобразуется тобою въ вертоградъ духовный, въ которомъ ученики и послѣдователи твои, убѣжденные тобою, какъ птицы, будутъ вѣчно собирать небесные плоды, воспѣвая Божию славу!

Святая открыто проповѣдывала благовѣстіе Христово, говоря народу, что онъ находится въ заблужденіи. Она показывала виноградный крестъ, совершившій уже много чудесныхъ исцѣленій, безъ всякаго пособія лѣкарствъ, однимъ прикосновеніемъ къ неизлѣчимымъ больнымъ. Въ проповѣди ея присоединилось еще семь женъ еврейскихъ, просвѣщенныхъ ею, въ томъ числѣ и Сидонія, дочь моя, и я самъ помогаль, по мѣрѣ силъ, стараясь заслужить славное имя Павла, котораго святая удостоила меня, при крещеніи.

Зная хорошо законъ еврейскій и поучаемый святою, мнѣ легче было постыждать упрямыхъ и нѣкоторые, разъярившись, хотѣли побить меня камнями, но царь Миріанъ послалъ людей своихъ, изъять меня изъ рукъ ихъ, ибо слава о чудесахъ совершающихся въ Греціи и Арменіи дошла до него и онъ не препятствовалъ святой Нинѣ и ученикамъ ея, проповѣдывать истину, которой сочувствовалъ, но діаволь, изстари

враждующій противъ вѣрныхъ, озлобилъ сердце царицы Наны, которая отдаляла супруга своего отъ христіанства.

Посты, бдѣнія и молитвы святой изумляли язычниковъ и они часто спрашивали у нея причину такихъ подвиговъ. Съ радостію пользовалась она такими минутами, чтобы неустанно проповѣдывать ученіе Христово, а Анастасо и мужъ ея ревностно ей въ томъ помогали. Однажды принесли къ святой умирающаго младенца, котораго всѣ лѣкаря признали безусловно неизлѣчимымъ.

Мать ребенка была яростная идолопоклонница и не переставала поносить вѣру Христову, останавливая и другихъ отъ послѣдованія ученію святой Нины. Только совершенная безнадежность заставила ее обратиться къ ней.

„Я необучена человѣческому искусству, сказала святая, но Господь Іисусъ Христосъ, Которому я служу, силенъ исцѣлить его“. И съ этими словами, она положила его на свое лиственное ложе, на которомъ обыкновенно преклонивъ колѣна, совершала свои долгія молитвы и всеночныя бдѣнія, и, обѣнивъ его винограднымъ крестомъ, отпустила здоровымъ и веселымъ, а мать его горячо вѣрующей христіанкой, громко прославляющей Господа Іисуса Христа. Немного спустя

заболѣла царица и чудную цѣлительницу потребовали во дворецъ. — „Я не могу идти въ домъ языческой и прошу царицу къ себѣ“ — былъ отвѣтъ святой. Нана повиновалась. Сынъ ея Ревъ и придворныя дамы принуждены были нести ее на рукахъ. Многочисленныя толпы народа сопровождали шествіе съ видимымъ любопытствомъ и скрытымъ неудовольствіемъ. Но неудовольствіе это перешло въ восторгъ, когда она была исцѣлена и, съ жадностью слушали толпы язычниковъ Сидонію, неучавшую царицу вѣрѣ истинной; за симъ, она была крещена Аббатхаромъ и возвратилась къ супругу ревностною христіанкой.

Здѣсь кстати будетъ сказать, почему царь Миріанъ, одно время, такъ склоненъ былъ къ христіанству. Едва ли какой-либо государь въ свѣтѣ могъ похвалиться такимъ счастьемъ въ войнѣ, какъ Миріанъ: онъ воевалъ много и всегда счастливо, никогда и нигдѣ не проигралъ ни одного сраженія и, по справедливости, заслужилъ имя „необѣдимаго“. Но то, что всѣмъ казалось простымъ счастьемъ, было не что иное, какъ промыслъ Божій, ведущій его этимъ путемъ къ познанію истины. Въ 312 году царь персидскій Сапоръ прислалъ къ Миріану съ предложеніемъ соединенными силами напасть на

Грецію. Миріанъ согласился, и вскорѣ союзное войско, число котораго современники уподобляютъ числу полевой травы или древесныхъ листьевъ, напало на императора Константина, который не смѣлъ противиться и съ огорченіемъ видѣлъ какъ разоряли одну провинцію Греціи за другою. Духовенство ободряло своего государя, увѣряя, что Господь не попуститъ невѣрнымъ овладѣть христіанскимъ царствомъ. Сонъ еще болѣе убѣдилъ въ этомъ Константина. Онъ поспѣшилъ креститься и повелъ войско свое подъ знаменемъ, на которомъ изображенъ былъ крестъ изъ звѣздъ, окруженный, согласно видѣнію, словами: „Сямъ побѣдиши!“

Вскорѣ гореть христіанъ побѣдила скопища невѣрныхъ, при Андрианорѣ. Оба царя съ остатками своего войска обратились въ бѣгство, преслѣдуемые Константиномъ, который, по нѣтамъ, вторгся въ ихъ владѣнія. Персидскій царь, оставивъ своего союзника, безчестно бѣжалъ, а Миріанъ защищалъ города и крѣпости въ Грузіи до тѣхъ поръ, пока всѣ полководцы его погибли; тогда онъ отправилъ посольство къ Константину съ предложеніемъ мира. Константинъ, который боялся вторичнаго нашествія персовъ, согласился на миръ. лишь съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, въ случаѣ войны

съ персами, Мирианъ помогаль ему войскомъ, а въ обезпеченіе этого условія, взялъ сына Мирианова Бакура себѣ въ заложники. Неудача Мириана въ войнѣ съ Константиномъ. нецонятный страхъ, заставившій его самого обратиться въ бѣгство, его, Мириана. котораго всѣ считали неустрашимымъ и непобѣдимымъ и который до этой минуты не зналъ страха, дали ему высокое понятіе о томъ Богѣ, которому поклонялся Константинъ, и онъ часто размышлялъ о Его непостижимомъ могуществѣ. Войны, въ союзѣ съ Трдатомъ. развлекли его, хотя послѣ войны съ Константиномъ, погромъ на праздникѣ Армаза, снова поколебаль его вѣру въ ложныхъ боговъ, но яростное противодѣйствіе царицы Наны вскорѣ изгладило и это второе впечатлѣніе.

Теперь же, когда новообращенная хотѣла обратить и его къ свѣту истины, она встрѣтилась съ равнодушнымъ любопытствомъ и холодною пытливостью, вмѣсто прежняго сердечнаго увлеченія. Мирианъ уже успѣлъ забыть то впечатлѣніе, которое сдѣлали на него побѣда Константина и паденіе Армаза. онъ прерваль ея пламенныя убѣдительныя рѣчи вопросомъ, какимъ образомъ онъ видитъ ее снова здоровою. Царица сказала правду. Супругъ ея зналъ какъ упорно

противился ей недугъ всѣмъ, тогда извѣстнымъ, средствамъ и не хотѣлъ вѣрить, чтобы простое прикосновеніе креста могло произвести такое исцѣленіе. Были позваны придворныя дамы, свидѣтельницаы чуда, и онѣ подтвердили слова царицы. Царь не убѣдился. Приказано было позвать кого-либо изъ постороннихъ очевидцевъ, и цѣлая толпа народа пришла засвидѣтельствовать истину случившагося.

Въ числѣ прочихъ былъ и Абіатхаръ, къ разсказу котораго мы возвратимся:

„Государь замѣтилъ меня и сталъ спрашивать о христіанскомъ ученіи. Онъ зналъ многое изъ стараго и новаго завѣта и мнѣ болѣе приходилось объяснять, чѣмъ разсказывать, почему и легче было говорить съ нимъ, чѣмъ съ невѣжественными язычниками. Съ тѣхъ поръ онъ часто посылалъ за мною. Однажды онъ сказалъ мнѣ, что въ книгѣ Небротха, написано слѣдующее:

— Во время построенія башни Касхиніе, въ городѣ Юхагханѣ (Вавилонѣ) Небротхъ услышалъ небесный голосъ, говорившій ему:

„Я Михаилъ, которому Господь повѣрилъ управленіе Востокомъ, выйди изъ этого города, ибо Господь не хочетъ, чтобы ты видѣлъ то, что Онъ скрылъ отъ глазъ человѣческихъ. Оставь строеніе, иначе Богъ раз-

зорить его. Въ будущія времена придетъ Царь Небесный, Котораго ты желаешь видѣть и, хотя Онъ будетъ въ презрѣннѣ у народа презрѣннаго, но страхъ имени Его изгонитъ наслажденія съ земли, цари откажутся отъ своихъ престоловъ, чтобы жить въ бѣдности. Онъ милостивымъ окомъ призритъ на тебя въ несчастіи и избавитъ тебя!“

Я старался убѣдить государя, что это подтвержденіе того, что уже много разъ прочитано нами въ старомъ и новомъ завѣтѣ. Онъ согласился со мною, но продолжалъ поклоняться идоламъ и огню, не взирая на мольбы царицы, постоянно убѣждавшей его креститься. Діаволь удерживалъ его еще цѣлый годъ въ своихъ сѣтяхъ послѣ обращенія Наны. Такъ не могъ я обратить и единаго язычника въ то время, какъ святая Нина ежедневно обращала десятки, неумолимо проповѣдуя истину народу. Она продолжала выдавать себя за военноплѣнную, не сказывая никому откуда она пришла и куда идетъ.

Прошло много времени, царь непрепятствовалъ святой, но оставался глухъ и нѣмъ къ мольбамъ царицы и посѣщенія Абіатхара не приводили къ желанной цѣли. Онъ цѣлыми часами бесѣдовалъ съ нимъ и всякій разъ снова отпускалъ его, неувѣровавъ въ

истину. Однажды пріѣхалъ изъ Хоросана архимагъ, изъ рода Сосанидовъ, съ порученіемъ отъ царя персидскаго и внезапно заболѣлъ. Царица Нана послала за святою Ниной, которая опять отказалась идти въ домъ царя-язычника и просила больного къ себѣ. Царь Мирианъ еще не совсѣмъ убѣжденный въ силу Бога христіанскаго и, не вполне отрѣшившійся отъ своей прежней вѣры, пожелалъ самъ проводить своего умирающаго гостя, котораго несли на рукахъ.

„Какою силою творишь ты исцѣленія?“ — обратился царь къ святой. — „Не дочь ли ты Армаза, не изъ числа ли потомковъ Задена, хотя и называешься пришелицей? Не преклоняясь ли тайно предъ ними, снискиваешь ты ихъ благоволеніе? и не они ли дали тебѣ цѣлительную силу, которая питаетъ тебя на чужбинѣ? Я знаю, что ты обращала людей къ чужому Богу, только затѣмъ, чтобы испытать ихъ вѣрность. Слава богамъ нашимъ, открывшимъ мнѣ истину! Я буду взирать на тебя, какъ на питательницу дѣтей моихъ и осыплю тебя почестями въ семь градъ, гдѣ ты скрывалась подъ видомъ плѣнницы, но не лукавь болѣе передо мною и не говори о вѣрѣ христіанской, одни великіе боги наши суть цѣлители вселенной! Свѣтлостію ихъ просвѣщается солнце, они низводятъ дождь,

даруютъ плодородіе землѣ и питаютъ благо-
словенную Грузію. Армазъ и Заденъ позна-
ютъ всѣ тайны. Гатцъ и Гаимъ, древніе
боги отцовъ нашихъ, достойны довѣрія всѣхъ
смертныхъ! Если ты вылѣчишь этого мта-
вара, я осыплю тебя богатствами, содѣлаю
гражданкою Мцхета и служительницею Ар-
маза. Хотя они и были разбиты необычай-
ною бурею и каменнымъ градомъ, но мѣсто
почитанія ихъ не погибло. Итхруджанъ, богъ
халдейскій и нашъ Армазъ постоянно вою-
ютъ. Извѣстно, что нашъ богъ направилъ,
однажды, море противъ враговъ своихъ и
вотъ почему они теперь мстятъ ему этимъ
бѣдствіемъ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ
повелители вселенной. Поступай же по прика-
занію моему!“

— О, царь!—отвѣтила святая Нина— пред-
стательствомъ Господа нашего Іисуса Христа
и молитвами Пречистой Его Матери и всѣхъ
святыхъ да пошлетъ меня Богъ, Творецъ
неба и земли, Отецъ всѣхъ великихъ и ма-
лыхъ твореній, отъ человѣка до послѣднихъ
гадовъ пресмыкающихся, по неисчерпаемой
своей милости, какъ уголь изъ печи бла-
гости Его, дабы ты увѣдалъ и постигъ вы-
соту небесную, свѣтъ солнечный, глубину
морскую, пространство земное! Узнай, о царь,
Кто одѣваетъ небо облаками, Кто вѣщаетъ

гласомъ грома и потрясаетъ вселенную, Кто испещряетъ небо молніею, возжигаетъ вершины горъ и дыматся! Отъ Чьего гласа трепещетъ основаніе земли и горы исчезаютъ какъ волны морскія! Узнай все сіе и постигни невидимаго Бога, живущаго на небесахъ, пославшаго Сына своего, отъ Него рожденнаго, на землю въ образъ человѣчскомъ, Который совершивъ все заповѣданное Ему Отцемъ вознесся къ Нему во славу. Не видишь ли ты, что этотъ Богъ безначальный, единственный и истинный снисходитъ къ нуждамъ смиренныхъ и отвращаетъ лицо свое отъ гордыхъ. О, царь! время уже приближается когда и ты познаешь Бога и узришь чудо свѣта, которое въ семь городѣ. Я говорю о хитонѣ Господнемъ и о милоти Илиной и много еще скрывается здѣсь сокровищъ, которыя укажетъ тебѣ Богъ. Я излѣчу твоего архимага, такъ же какъ излѣчила супругу твою именемъ Господа моего Иисуса Христа и силою Честнаго креста Его. Царица повѣдаетъ тебѣ, что она тогда только исцѣлилась, когда искренно отверглась идоловъ. Нынѣ умъ ея просвѣтился и она творитъ съ усердіемъ все, повелѣваемое закономъ христіанскимъ, дабы и прочіе люди житіемъ ея поучались!

Тогда, по повелѣнію святой, положили мага

лицомъ къ Востоку. Царица стала на молитву подъ кедромъ, святая же подняла руки больного къ небу и приказала ему трижды сказать громогласно:

„Отрицаюся тебя, сатано! Поклоняюся Господу моему Иисусу Христу Сыну Божию!“

Но отъ великой слабости, больной не могъ говорить. Тогда святая стала молить Бога о его исцѣленіи, со слезами и воплемъ великимъ и ученики ея не отходили отъ нея. День и двѣ ночи продолжалась молитва и когда, наконецъ, разслабленный повторилъ священныя слова третій разъ, внезапно духъ нечистый вышелъ изъ него, онъ сдѣлался здоровымъ и христіаниномъ вмѣстѣ съ семействомъ и слугами своими и прославилъ Отца и Сына и Святаго Духа.

Испугался Миріанъ гнѣва и мщенія царя персидскаго и хотѣлъ умертвить святую немедленно, только отчаянныя вопли и слезныя моленія любимой супруги могли укротить его гнѣвъ, и недовольный, онъ рѣшилъ искать развлечения на охотѣ. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ Сидонія, дочь Абіатхара и ученица Нины:

„Въ субботу, 20-го іюля назначена была охота царская по направленію къ Мукхнару. Дьяволъ волновалъ сердце царево, возбуждая въ немъ старую любовь къ идоламъ и огню

и онъ рѣшился истребить всѣхъ христіанъ мечомъ. Четверо изъ ближайшихъ совѣтниковъ его, сопровождали его на охоту и къ нимъ-то обратился онъ со слѣдующими словами:

— Мы достойны быть наказаны богами нашими за то, что, пренебрегая ихъ славою, допустили волхвовъ христіанскихъ проповѣдывать законъ ихъ, въ предѣлахъ нашихъ. Волхвованіемъ творять они чудеса, а не силою своего Бога. Я рѣшился теперь истребить мечомъ исповѣдующихъ Распятаго и усугубить усердіе къ служенію богамъ, повелителямъ Картли. Я предложу супругѣ моей отречься отъ вѣры въ Распятаго, если же она не исполнитъ моего повелѣнія, я забуду любовь ея ко мнѣ и погублю ее вмѣстѣ съ другими.

Съ радостью услышали язычники, какъ бы голосъ собственнаго сердца. Они давно замыслили подобное, но не смѣли высказать своихъ чувствъ, зная привязанность государя къ супругѣ, тѣмъ усерднѣе поспѣшили они теперь, утвердить его въ этихъ мысляхъ. Между тѣмъ уже миновали Мужхнаръ, и Миріанъ поднялся на высокую гору Тѣхотхъ (по-армянски Тхакхутхъ), чтобы взглянуть на Каспій и Уплись-Цихе. Когда же онъ достигъ самой вершины, хотя это было въ

самый полдень, внезапно предъ взоромъ его померкло солнце и день замѣнился ночью. Непроницаемый мракъ покрылъ всю окрестность и царь, самъ не замѣчая этого, далеко отъѣхалъ отъ своихъ приближенныхъ.

Необычайное чувство тяготило его.

Въ отчаяніи, онъ хочетъ спросить для всѣхъ ли наступилъ мракъ, или онъ одинъ ослѣпъ, но никто не отвѣчаетъ на его вопросъ. Ощущенью скитается онъ по горамъ, покрытымъ кустарникомъ, лошадь его безпрестанно спотыкается и падаетъ, деревья раздираютъ его лицо и платье, невольный трепеть овладѣваетъ царемъ, а измученный конь, наконецъ, падаетъ и не подымается болѣе, лишая тѣмъ своего всадника всякой надежды спасти свою жизнь. Тогда вспомнилъ онъ свои прежнія сомнѣнія и понялъ, Чья рука тяготѣла на немъ.

„Я призывалъ боговъ, но они не помогаютъ мнѣ!“ — воскликнулъ онъ — „обращусь же къ Распятому на крестѣ, Котораго проповѣдуетъ Нина, и помощью Котораго исцѣляется. Не силенъ ли Онъ избавить меня отъ несчастія? Я уже заживо нахожусь во тьмѣ кромѣшной ада и не знаю, для всѣхъ ли наступилъ этотъ мракъ, если я одинъ наказанъ слѣпотою? Если это Ты караешь

меня, Богъ Нины, то молю Тебя, просвѣти тьму и покажи ми дворецъ мой! Я исповѣдую имя Твое, я вознесу и прославлю древо крестное, я выстрою храмъ молитвенный, послѣдую ученію святой Нины и содѣлаюсь христіаниномъ?“

Съ чистосердечнымъ раскаяніемъ въ своемъ озлобленіи поклонился онъ принять христіанство и едва успѣлъ сомкнуть губы, какъ открылись очи. Солнце сіяло для него снова полнымъ блескомъ, онъ слѣзъ съ упавшаго коня и, остановясь на мѣстѣ своего прозрѣнія, поднялъ руки къ востоку и воскликнулъ:

„Ты еси Царь царей и Богъ боговъ, проповѣдуемый святою Ниной! и да прославить имя Твое вся тварь на небеси и на земли. Ты избавилъ меня отъ бѣды и просвѣтилъ зрѣніе мое; нынѣ познаю, что Ты хочешь спасти, утѣшить и приблизить меня къ Себѣ, согласно словамъ архангела Твоего. Благословенъ еси Господи! На семь мѣстѣ воздвигну я крестъ, да прославится имя Твое святое и да сохранится память о семъ чудесномъ событіи во вѣки вѣковъ“.

Тщательно замѣтивъ мѣсто, онъ удалился, а между тѣмъ, люди его, напрасно проискавъ его повсюду, собрались вмѣстѣ, чтобы разсудить, что предпринять?

„Да прославить весь народъ мой Бога Нины!“ — внезапно прогремѣлъ голосъ царскій — „ибо Онъ Богъ вѣчный и Ему Одному подобаеть слава во вѣки вѣковъ!“

Царю подали свѣжую лошадь и онъ поѣхалъ домой, радостный, исцѣленный душевно и тѣлесно. Между тѣмъ до царицы уже дошелъ слухъ о томъ, что Мирианъ исчезъ, и вскорѣ затѣмъ извѣстие, что онъ уже возвращается. Съ посиѣшностью устремилась она на встрѣчу къ любимому супругу и несмѣтное число народа послѣдовало за нею. Они съѣхались въ Биндзара, что въ Гхартха. Что же касается святой Нины, то она въ то время совершала обычную свою молитву въ розовомъ кустѣ. Мы же въ числѣ пятидесяти были съ нею.

По мѣрѣ приближенія царя весь народъ приходилъ въ волненіе, ибо онъ кричалъ громкимъ голосомъ.

„Гдѣ пришелица, которая отнынѣ будетъ моею матерью, ибо Богъ ея избавилъ меня отъ смерти!“

Узнавъ же, что она молится, царь свернулъ съ пути, и свита его послѣдовала за нимъ. Не доѣзжая розоваго куста, Мирианъ слѣзъ съ лошади и подойдя къ святой, поклонился ей со смиреніемъ, сказавъ:

„Теперь содѣлай меня достойнымъ призывать твоего Бога, избавителя моего!“

Почувивъ его немного, святая Нина тутъ же приказала ему поклониться на востокъ и исповѣдать Божество Господа Иисуса Христа. А народъ, не понимавшій въ чемъ дѣло, началъ роптать, видя царя и царицу униженно кланяющихся.

На другой же день, Миріанъ отправилъ пословъ въ Римъ къ императору Константину, съ просьбой скорѣе прислать священниковъ для крещенія народа и съ письмомъ святой Нины къ императрицѣ Еленѣ, извѣщающимъ ее о чудесахъ, совершившихся силою Господа нашего Иисуса Христа надъ царемъ Миріаномъ, близъ Мцхета. Въ самый день обращенія царя, святая послала къ святому Григорію Назіанзену, прося наставленія, что дѣлать. По совѣту его, она собственноручно разбила новаго идола Армаза, котораго уже успѣли поставить на горѣ за Курой, и которому народъ поклонялся ежедневно при восходѣ солнца, поднимаясь на крыши домовъ своихъ и обращаясь лицомъ къ солнцу. За нимъ она воздвигла крестъ на горѣ, близъ Мцхета, за рѣкою Драгви. Но, такъ какъ, крестъ этотъ былъ грубой работы, то народъ пренебрегалъ имъ, пока Господь не прославилъ его.

Въ ожиданіи священниковъ, святая и ближайшіе послѣдователи ея проповѣдывали слово Божіе день и ночь, неустанно приготавливая народъ къ крещенію, и прошли отъ Кларджета до земли Алановъ, и отъ вратъ Иаспійскихъ до земли Массажетъ, а остальные ученики святой разсыпались по всей Грузіи. Царь уже былъ ревностнымъ христіаниномъ до возвращенія посланниковъ и сказалъ святой:

„Я стораю нетерпѣніемъ построить домъ Божій, изберемъ же мѣсто!“

— Пусть рѣшатъ твои мтавары, соображаясь съ твоею и народною пользою,—отвѣтила святая Нина.

„Нѣтъ!“ — возразилъ царь, — „я люблю твой розовый кустъ и хочу всѣмъ пожертвовать, чтобы воздвигнуть храмъ на этомъ мѣстѣ. Я посажу свои виноградники, великіе кедры, фруктовыя деревья и благоуханныя цвѣты. Не помнишь ли ты, какъ черныя птицы въ твоемъ видѣніи сдѣлались ослѣпительной бѣлизны и, сѣвъ на деревьяхъ вертограда, наполнили воздухъ райскими пѣснями. Теперь мы обратимъ этотъ вертоградъ видимый въ невидимый вертоградъ, посажающій намъ жизнь вѣчную и поспѣшимъ

воздвигнуть въ немъ храмъ молитвенный, до прибытія греческихъ священниковъ!“

Тотчасъ стали доставлять матеріалы. Для церкви понадобилось семь столбовъ. Срубленъ былъ великій кедръ, изъ котораго вышло шесть, а седьмой сдѣлали изъ большой сосны. Когда воздвигнуты были деревянные стѣны, то оставили и шесть столбовъ, каждый на уготованномъ ему мѣстѣ. Седьмой же, необычайно большой, долженствовавшій поддерживать куполь, никакъ не могли поднять. Поспѣшили донести о томъ царю, который приказалъ народу сбираться къ строенію и самъ направился туда же. Были употреблены въ дѣло всѣ извѣстные тогда приспособленія къ поднятію тяжестей, но ни множество рукъ и никакое искусство не привели къ желаемому результату. И царь и народъ съ изумленіемъ спрашивали другъ друга: „Что бы это значило?“ — и проработавъ безуспѣшно до самой ночи, разошлись по домамъ въ великой печали. Святая же Нина, съ двѣнадцатью последовательницами своими, осталась при столбѣ, омывая его слезами своими и молясь со стенаніемъ.

Около полуночи началось ужасающее видѣніе: мы видѣли какъ горы Армаза и За-

дена обрушились, какъ будто ихъ кто опрокинулъ, чтобы заградить теченіе обѣихъ рѣкъ. Мткуаръ возвратился и затопилъ городъ, отчего воздухъ наполнился криками, воплями, стенаніемъ, а Арагви устремилась на крѣпость и волны ея, разбиваясь о крѣпкія стѣны, производили столь ужасающій шумъ, что мы побѣжали отъ страха. А святая кричала: „Не бойтесь, сестры, горы стоятъ на своихъ мѣстахъ и рѣки не измѣнили теченія и народъ спитъ покойно. Хотя то, что вы видѣли, не совершилось въ дѣйствительности, но это не было пустымъ сномъ, ибо горы невѣрія обрушились въ Грузіи, ибо рѣки невинной крови младенческой, лившейся въ честь идоловъ, изсякли, ибо легіоны бѣсовъ, изгоняемыхъ отсюда силою крестною, воютъ жалобно, видя какъ волны ярости ихъ безвредно разбиваются о крѣпость вѣры Христовой. Возвратитесь и помолимся!“

Тогда всѣ эти звуки утихли, и водворилась тишина. Святая стояла съ воздвигнутыми руками и молилась, да начатое царемъ не будетъ разрушено. Но до разсвѣта повторилось видѣніе еще ужаснѣйшее: казалось, что огромное и грозное воинство напало на городъ съ трехъ сторонъ. Выло-

мавъ ворота, оно наполнило улицы. Всюду распространилось ужасное волненіе, крики и убійство. Потоки крови лились повсемѣстно. Мѣстами народъ бросался на враговъ, съ оружіемъ въ рукахъ; нѣкоторые отъ страха обращались на своихъ же. Кто убивалъ другого, кто самъ умиралъ, кто раздиралъ душу воплями о своемъ семействѣ. Вдругъ послышался громкій крикъ: „царь персидскій Кхуара! Царь царей Кхуаранъ Кхуафа приказалъ, чтобы остріе меча пощадило евреевъ!“

Только, услыхавъ этотъ крикъ, я стала приходить въ себя, но такъ же какъ и десять подругъ моихъ я не могла вполнѣ опомниться. Намъ все еще чудились кругомъ насъ воины, съ мечами въ рукахъ, которые рубили и убивали всѣхъ и все. И снова раздался крикъ: „царь Миріанъ взять!“ Тогда храбрая работница вертограда Христова сказала:

— Я знаю, что тотъ, кто кричитъ, въ великой бѣдѣ. Благодарите Бога, ибо врагъ погибъ, а Грузія спасена, такъ же какъ и мѣсто сіе!

Она ободряла насъ, какъ опытный врачъ, какъ истинный учитель, какъ великій апостоль! За симъ, бросившись безбоязненно на

это полчище разрушителей, она грозно спросила:

— Гдѣ же царь персидскій Кхуара и Кхуаранъ-Кхуафа? Вы вчера только покинули страну Саба и поспѣшили сюда со страшнымъ и многочисленнымъ воинствомъ, чтобы разрушить городъ и избить жителей. Вѣтры сѣверные и западные, гоните ихъ въ горы мрачныя и въ пропасти бездонныя, ибо пришелъ Тотъ, передъ Кѣмъ вы бѣжите!“

Съ сими словами она подняла руку и сдѣлала крестное знаменіе. Мгновенно все пропало, сдѣлалась великая тишина, и мы всѣ стали поздравлять ее съ побѣдой и благодарить Бога за благополучное окончаніе столь страшнаго видѣнія и за то, что Онъ благоволилъ открыть святой чрезъ сіе будущее благополучіе страны. Когда же стало разсвѣтать, прочія жены заснули, я же, Сидонія, видѣла, какъ святая продолжала молиться, воздѣвая руки къ небу. Внезапно предсталъ предъ нею юноша, сіяющій сіяніемъ неизреченнымъ, облеченный въ одежду огненную и сказалъ ей три слова, отъ которыхъ святая пала лицомъ на землю. Юноша протянулъ руку къ столбу, поднялъ его и поставилъ на воздухъ. Въ изумленіи я приблизилась и спросила: „что это, госпожа?“

— Преклони главу! — отвѣтила она и заплакала отъ страха. Немного погодя она встала, приказала и мѣ подняться и мы удалились отъ мѣста сего.

Между тѣмъ сестры наши проснулись и увидѣли, что столбъ, который имъ казался объятъ огнемъ, спускается съ неба и приближается къ своему пию. Не дойдя локтей двадцать до земли, онъ остановился.

Едва разсвѣло, какъ царь, измученный безпокойствомъ, поспѣшилъ на строеніе, которое онъ пламенно желалъ окончить. Издали ему показалось, что молнія взвивается къ небу, — онъ спѣшитъ; наконецъ, не въ силахъ будучи пересилить своего любопытства, — бѣжитъ. Вся свита и безчисленное множество народа устремляется за нимъ, сиѣша на помощь горящему зданію, и глазамъ всѣхъ представляется дивное зрѣлище. Не пожаръ былъ причиной необычнаго зарева: оно исходило изъ столба, сіяющаго свѣтомъ. Тихо спускался онъ съ неба, поддерживаемый руками двухъ ангеловъ, сталъ на свой пень и утвердился на немъ, безъ помощи рукъ человѣческихъ.

Какъ велико было общее счастье! И страхъ и радость распространились по всему Мцхету. Царь, царица, сановники и народъ оди-

наково лили слезы умиленія, всѣ славилн Бога и прославляли святую Нину, ибо великія чудеса совершились въ сей день.

Во-первыхъ, слѣпорожденный еврей, приблизившись къ Богомъ поставленному столбу, прозрѣлъ.

Во-вторыхъ, сенецули (то-есть пажь) Хамазаспуки былъ недвижимъ до восьми лѣтъ. Мать взяла его совсѣмъ съ постелькой и пришла къ сіяющему столбу, потомъ, обратившись къ святой Нинѣ, сказала умоляющимъ голосомъ:

„Взгляни, госпожа, на умирающаго ребенка моего, я знаю, что Тотъ, Кого ты проповѣдуешь, есть Богъ боговъ!“

Тогда святая прикоснулась къ столбу и, положивъ руку на мальчика, сказала ему:

— Ты вѣришь въ Иисуса Христа Сына Божія, пришедшаго спасти міръ? Будь же здоровъ, и съ нынѣшняго дня прославляй Бога, исцѣлившаго тебя!

И мальчикъ всталъ, совершенно здоровый, а царя и народъ объялъ страхъ.

Всѣ больные подходили и исцѣлялись, а такъ какъ многіе не могли сносить чуднаго свѣта, исходящаго отъ столба, то царь приказалъ обложить его деревомъ, что не мѣшало народу прикасаться къ столбу и ис-

цѣляться. Немедленно приступлено было къ окончанію церкви и притомъ такъ, чтобы столбъ остался на назначенномъ ему свѣше мѣстѣ.

Между тѣмъ посланные царя Миріана уже рассказали императору Константину и императрицѣ Еленѣ, матери его, объ обращеніи государя ихъ къ Богу истинному и наполнили сердца ихъ радостию, ибо Миріанъ предлагалъ имъ свою дружбу и содѣйствіе къ уничтоженію персовъ.

Они поспѣшили послать епископа Іоанна, по совѣту патріарха антиохійскаго Евстаѳія, и съ нимъ двухъ священниковъ и трехъ дьяконовъ. При этомъ Константинъ написалъ Миріану поздравительное письмо, исполненное благословеній и благодарности къ Богу и послалъ богатые подарки и безцѣнный даръ, именно: образъ Руисъ, съ пятью стами частицами мощей. Императрица Елена также написала письмо, въ которомъ восхваляла рѣшимость Миріана и ободряла его. Приѣздъ епископа, священниковъ и діаконъ въ Мцхетъ былъ днемъ общаго ликования, ибо и царь и народъ одинаково жаждали крещенія.

Немедленно посланъ былъ указъ ко всѣмъ христамъ, военачальникамъ и сановникамъ

государства собраться къ царю, и всѣ стеклись въ Мцхеть.

Тогда началось общее крещеніе: святая Нина крестила царя, а священники—царицу и царевичей. Епископъ же Іоаннъ благословилъ Мткуаръ и вмѣстѣ съ діаконами, уготовавъ мѣсто близъ моста Могутха, противъ дома священника Еліоза, крестилъ въ водахъ этихъ всѣхъ сановниковъ и придворныхъ, почему мѣсто это называется Мтхавартха-Санатхлави, то-есть мѣсто крещенія мтхаваровъ. Ниже, по теченію, оба священника, діаконы и впоследствии освободившійся епископъ крестили народъ, который стремился къ нимъ съ поспѣшностью, умоляя скорѣе сподобиться благодати. Таковую-то ревность успѣли возжечь въ немъ проповѣди святой Нины, безпрестанно повторявшей, что тотъ, кто не сподобится крещенія, не увидитъ свѣта истиннаго. Такимъ образомъ крещены были почти всѣ грузины и пятьдесятъ семействъ евреевъ изъ дома Варравы. Этимъ евреямъ-христіанамъ царь пожаловалъ слободу Цихе-Дидъ. Это было въ 327 году.

Одни горцы и зять Миріана, Пхерозъ, получившій въ приданое за женою провинцію Рацъ, начиная отъ Барда, не явились на

зовъ царскій и остались въ невѣжествѣ, почтительно представивъ царю, что власть его надъ ними не можетъ распространяться на ихъ вѣрованія.

Когда, по великой своей милости, Господу угодно было открыть святой царицѣ Еленѣ Животворящій Крестъ Свой. Царь Мирианъ исполнилъ послать къ императору Константину епископа Іоанна, съ просьбою удѣлить ему частицу Животворящаго Древа. Къ этой просьбѣ онъ присоединялъ желаніе имѣть много священниковъ, дабы разослать ихъ не только по всѣмъ провинціямъ, но и по всѣмъ городамъ своего царства просвѣщать и крестить народъ по всей Грузіи. Тутъ же послано было и приглашеніе архитекторамъ, которыхъ требовалось не мало для возведенія церквей по всему царству.

Императоръ принялъ посла съ великимъ радушіемъ и вручилъ ему дщицы отъ Животворящаго Древа, на которыя опирались пречистыя ноги Спасителя міра, и два гвоздя изъ рукъ Господнихъ. Дщицы эти по-грузински называютъ Черквели. Императоръ Константинъ вручилъ большія богатства епископу Іоанну, приказавъ ему построить церковь на эти суммы, въ ново-просвѣщенной странѣ, а остальные сокро-

вища раздать по прочимъ грузинскимъ церквамъ. Онъ такъ же отпустилъ съ нимъ много священниковъ и архитекторовъ и, областавъ посла и епископа, разрѣшилъ возвратиться къ царю. Достигнувъ провинціи Ерушатхъ, они оставили тамъ одного архитектора и священника, приказавъ имъ воздвигнуть церковь и вручивъ имъ достаточную на то сумму. Священнику же, сверхъ того, отданы были святѣйшіе гвозди, долженствовавшіе храниться въ семь храмѣ.

Когда же пріѣхали въ Манглись, то и тамъ сдѣлали то же, оставивъ святаыя Нерквели, а оттуда уже прибыли въ Мцхетъ. Но Миріанъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшій ихъ, огорчился тѣмъ, что они замедлили въ пути и притомъ оставили по христавствамъ обѣ неоцѣненныя сватыни, но святая Нина утѣшила его словами.

„Утѣшься, о, царь! Надо было, чтобы повсюду на ихъ пути, они посѣяли имя Господне, а у тебя, въ столицѣ, есть меньшая сватыня — хитонъ Господень!“

Тогда царь послалъ за Абіатхаромъ и съ нимъ пришло не мало іудеевъ. Когда же онъ разспросилъ ихъ о хитонѣ, они рассказали, что онъ находится подъ чудодѣйственнымъ столбомъ и прибавили къ тому

уже известное намъ повѣствованіе о Си-
доніи.

„Благословенъ еси Ты, Господи Іисусе
Христе, Сыне Бога живаго“,—воскликнулъ
царь, воздѣвъ руки къ небу,—„благоволивый
избавить насъ отъ діавола и области темныя,
и устроившій да принесется хитонъ Твой
сюда, изъ святѣйшаго града Іерусалима, да-
бы восхитить его отъ рукъ евреевъ, не по-
знавшихъ Тебя, и вручить его намъ, наро-
ду чуждому, почитающему Тебя всѣмъ серд-
цемъ своимъ!“

Немедленно была начата церковь въ пред-
градіи.

— Буди благословенно имя Господа на-
шего Іисуса Христа!—сказала тогда святая
Нина,—и Бога Отца, пославшаго Сына Сво-
его, Который, оставивъ пресвѣтлыя чертоги
небесныя, снизошелъ на землю, родился не-
сомнѣнно отъ рода Давидова, отъ единород-
ной дщери Іоакимовой, Дѣвы пресвятой и
пречистой, въ Ней же благоволи и Юже со-
дѣлалъ причиною нашего спасенія, просвѣ-
щеніемъ поднебесной и славою людей Твоихъ
Израиля, отъ Ней же родися Богочеловѣкъ,
свѣтъ всѣхъ вѣрующихъ, образъ Божій,
крестившійся водою и Духомъ, какъ под-
законный, будучи превыше закона, распя-

тый и погребенный, воскресшій въ третій день, восшедшій на высоту ко Отцу Своему, откуда придетъ со славою, ибо Ему по-добааетъ всякая слава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Когда всѣ были крещены, сынъ царскій, Ревъ, вспомнилъ о знаменитомъ деревѣ, которое росло на пригоркѣ и обладало чудною силой исцѣлять самыя смертельныя раны. Замѣчено было не разъ, что даже звѣри, раненые отравленными стрѣлами, если ѣли листья этого дерева или сѣмена, съ него падающія, непременно исцѣлялись. Узнавъ объ этомъ, епископъ Іоаннъ сказалъ:

„Страна эта, по истинѣ, предназначена была Богомъ для водворенія въ ней святой вѣры, и Его Божественнымъ смотрѣніемъ возросло и сохранилось до нашихъ временъ это дивное дерево. Теперь же, когда свѣтъ Христовъ разлился по всей Грузіи, слѣдуетъ сдѣлать изъ него крестъ, который будетъ предметомъ почитанія для всей страны!“

И такъ, въ пятницу, 25-го марта 330 года, царевичъ Ревъ, со множествомъ народа и епископомъ, отиравились рубить дерево, вѣтви котораго, не взирая на зимнее время, были покрыты зеленью. Дерево это

было такъ красиво, что, спиливъ только стволъ, сто человекъ подняли его на руки и совсѣмъ съ вѣтвями и листьями понесли въ городъ, гдѣ и поставили близъ церкви. Въ общему удивленію, оно сохранило свою свѣжесть и красоту въ продолженіе тридцати семи дней, какъ будто бы оно было пересажено съ корнемъ или поливалось безпрестанно источникомъ живой воды. Когда же всѣ кусты покрылись листьями, а фруктовые деревья цвѣтами, 1-го мая, въ субботу, царь и народъ сошлись въ церковь и съ усердіемъ и радостію сдѣлали изъ него кресты. На другой день, съ разсвѣтомъ, звѣздный крестъ сошелъ съ неба и, спустившись до церкви, образовалъ изъ себя какъ бы вѣнецъ звѣздный, который и остался видимъ всѣмъ народомъ до сумерекъ.

Тогда двѣ звѣзды отдѣлились отъ него: одна потекла на востокъ, а другая — на западъ, крестъ же, сохраняя небесный блескъ и красоту, тихо направился къ источнику, образовавшемуся изъ слезъ святой Нины и поднявшись по теченію Арагвы до каменистаго пригорка, восшелъ на небо. Такъ какъ явленіе это повторялось ежедневно и было видимо всѣмъ народомъ, то царь просилъ святую объяснить его значеніе.

„Пошлите, — сказала она, — на высокія горы, на западъ и востокъ, чтобы слѣдить за направлениемъ звѣздъ и тамъ, гдѣ онѣ остановятся, мы воздвигнемъ по кресту, во славу Господа нашего Іисуса Христа!“

Царь немедленно приказалъ разставить караулы на вершинахъ горъ. Это было въ пятницу, а въ субботу, по обыкновенію, на разсвѣтѣ, чудо повторилось.

На другой день пріѣхали караулившіе на Квобтха-Тхавъ и сказали царю:

— Звѣзда остановилась надъ горой Тхххоть, а потомъ спустилась къ Каснію и исчезла.

А другіе, сторожившіе на Херетхъ сказали:

— Мы видѣли звѣзду, которая текла прямо на насъ и остановилась въ деревнѣ Боде.

Тогда святая Нина сказала:

— Возьмите эти два креста и воздвигните одинъ на горѣ Тхххоть, по указанію Божію, другой же отдайте служительницѣ Божіей, Саломе, которая воздвигнетъ его въ городѣ Уджармо, потому что Боде или Буди простая деревушка, мало населенная, не должна равняться со столицей, въ которой множество жителей, притомъ и Буди увидитъ въ скорѣ, что оно мѣсто пріятное Богу.

Слова святой были исполнены въ точности 7-го мая.

Вслѣдствіе чудесныхъ явленій небесныхъ, третій крестъ былъ поднять на руки и, въ предшествіи святой Нины, несенъ торжественно къ подошвѣ каменистаго пригорка.

Тамъ святая, царь и народъ провели всю ночь въ молитвахъ у источника слезъ святой Нины. Много совершилось тутъ чудесъ и исцѣленій. На другой день вошли они на верхъ каменистаго пригорка (нынѣ известнаго подъ именемъ Джуаръ), святая показала примѣръ, а за нею Царь и народъ, богатые и нищіе, знатные и убогіе, пали лицомъ на камни и молились Богу, со многими слезами и воплемъ великимъ, такъ что горы наполнились стопомъ молитвеннымъ. Тогда святая, положивъ руку на камень, сказала епископу:

— „Приди и сотвори крестное знаменіе на семъ камнѣ“.

Какъ только приказаніе святой было исполнено, святой крестъ былъ укрѣпленъ на камнѣ руками царя и его семейства. Безчисленное множество народа преклонилось предъ крестомъ, исповѣдуя Сына Божія и вѣруя всѣмъ сердцемъ въ Него и въ Святую Троицу.

Знатнѣйшіе мтавары не покидали свя-

тую церковь, огненный столбъ и святой крестъ и были свидѣтелями необыкновенныхъ чудесъ и невѣроятныхъ исцѣленій. Воскресеніе пасхальнаго полнолунія было избрано Мирианомъ для празднованія святому кресту и обычай этотъ соблюдался во всей Грузіи до намѣстничества Ермолова. Въ первую среду послѣ праздника Троицы совершилось новое чудо. Огненный крестъ показался надъ крестомъ горы Джуаръ, а надъ нимъ былъ какъ бы вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ. Гора же издавала неизреченное благоуханіе. Явленіе это было всѣмъ видимо и много невѣрныхъ приняло крещеніе въ тотъ день. Вѣра же христіанъ еще болѣе утвердилась и оци громко прославляли Бога.

У креста совершилось и другое чудо. Свѣтъ, семь разъ яснѣйшій солнца, спустился съ неба на крестъ, и ангелы восходили и списходили по этой огненной дорогѣ, какъ летаютъ искры изъ пылающаго жерла. Самая же гора колебалась, какъ бы отъ сильнаго землетрясенія, во все время чуднаго явленія. Это чудо возбудило общее удивленіе и всѣ болѣе и болѣе восхваляли Бога, а такъ какъ подобныя чудеса повторялись ежедневно, на глазахъ всего народа, то

отовсюду стекались на поклоненіе кресту. Въ то время царевичъ, внукъ Мириана, единственный сынъ царевича Рева, заболѣлъ безнадежно, царевичъ положилъ его передъ крестомъ и сказалъ со слезами:

— Если ты, о, святой крестъ, исцѣлишь сына моего, я сотворю на тебя ковчегъ!“.

И дитя возвратился къ жизни и увиденъ былъ отцомъ своимъ въ полномъ здоровьи. Царевичъ немедленно возвратился, съ великою радостію, чтобы благодарить Бога и приступить къ исполненію своего обѣта.

Вскорѣ воздвигнута была мраморная часовня, въ которую Ревъ приходилъ ежегодно благодарить Бога и приносилъ богатые дары. Съ тѣхъ поръ еще большее число слабыхъ и больныхъ притекало къ святому кресту и, исцѣлившись, съ радостію прославляло Господа нашего Иисуса Христа и силу креста Его честнаго. Слѣпой юноша, проведя семь дней въ постѣ и молитвѣ передъ крестомъ, прозрѣлъ и прославилъ Бога. Женщина, одержимая нечистыми бѣсами, въ продолженіе восьми лѣтъ, была лишена разсудка, то раздирала на себѣ одежду и приходила въ неистовство, то впадала въ совершенное разслабленіе. Двѣнадцать дней держали ее передъ крестомъ, наконецъ

Господь исцѣлилъ ее, и она возвратилась домой здоровою и смыслящею, восхваляя Бога и почитая крестъ Его святой.

Случилось, что малый ребенокъ упалъ съ высоты и умеръ мгновенно.

Мать его положила бездыханный трупъ къ подножію креста и, съ утра до вечера, неустанно молилась со слезами.— „Жено!“ — говорили ей, — „возьми его и похорони, ибо онъ умеръ и мольбы твои напрасны!“.

Но она продолжала молиться, съ воплемъ великимъ, не теряя надежды, во всю ночь и на другой день и на третій, и даже до седьмого. Въ седьмой же день, къ вечеру, ребенокъ ожилъ и открылъ глаза и былъ уведень живой и здоровый матерью своею, которая не переставала хвалить и благодарить Бога.

Столь великія чудеса подвигнули многихъ бесплодныхъ супруговъ прибѣгнуть къ силѣ святого креста, и просившіе съ вѣрою, сдѣлались отцами многочисленныхъ семействъ и ежегодно приходили поклоняться кресту и приносили богатые дары.

Не только болящіе, лично приходившіе молиться у подножія креста получали исцѣленіе, но и войны сражавшіеся далеко отъ Джуара, когда призывали на помощь силу

креста, побѣждали враговъ, и, невредимые, возвращались въ Мцхетъ воздать славу Богу.

Много невѣрныхъ, если въ бѣдахъ своихъ обращались съ молитвою къ кресту, получали избавленіе отъ папасты и спѣшили къ Джуару благодарить Бога и креститься.

Сверхъ сего, безчисленное множество болящихъ было исцѣлено, несчастныхъ утѣшено призываніемъ святого креста, силою Отца и Сына и Святаго Духа, Имъ же подобаетъ всякая слава честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки, вѣковъ, аминь. Въ это время святая Нина, царь и народъ получили посланіе изъ Рима отъ патріарха. Тогда же прибылъ діаконъ изъ земли бранджевъ, чтобы поздравить святую Нину и просить ея молитвъ. Онъ принесть отъ своего царя письмо святой Нинѣ, отецъ которой крестилъ всѣхъ бранджей. Въ Іерусалимѣ и въ Константинополѣ распространился слухъ, что солнце правды возсіяло въ Грузіи, и отовсюду присылали письма, прося сообщить подробно о чудесахъ при столбѣ и въ кущѣ, и о необычайныхъ исцѣленіяхъ. Разспросивъ обо всемъ подробно, дьяконъ-бранджа прославилъ Бога и возвратился съ отвѣтными письмами.

Тогда царь сказалъ святой и епископу:
— „Я хочу силою меча заставитьъ горцевъ и зятя моего Пхероза служить Сыну Божию и, заставитьъ ихъ поклониться честному кресту!“.

— Богъ не велитъ обращать мечемъ!—
отвѣтили они единодушно.

— Евангелиемъ и крестомъ долженъ ты имъ открывать истинный путь, ведущій къ жизни вѣчной, и благодать Господня просвѣтить мракъ душъ ихъ.

Святая Нина, вмѣстѣ съ епископомъ направились въ горы, а царь приказалъ христаву сопровождать ихъ. Пришедъ въ Цорбанъ, они созвали горцевъ, обошли Дзрбинъ, Чарталь, Тхкхела, Цилкамъ и Горамгоръ. Позвали чарталовъ, которые подобны были дикимъ звѣрямъ, фкхолей, гондамакаровъ и всѣмъ проповѣдывали вѣру въ святой крестъ Христовъ. Но они не хотѣли слушать, и христавъ царскій мечемъ разбилъ ихъ идоловъ и покорилъ ихъ.

Оттуда они прошли въ Ялетъ (нынѣшній Міалетхъ) и проповѣдывали народамъ Тіонетха и Ертсо (по армянски Ердзонитхъ), которые ихъ приняли хорошо и были крещены, но фкхоли (нынѣшніе пшавы) ушли въ Тушетъ. Остальные горцы также от-

казались креститься, за что царь удвоилъ ихъ дань и, тѣмъ вынудилъ ихъ переселиться. Впослѣдствіи святой Авивъ, епископъ Некрецкій обратилъ нѣкоторыхъ ко Христу, остальные же и до сихъ поръ пребываютъ въ невѣжествѣ.

Святая Цина отправилась въ Ранъ, чтобы просвѣтить Пхероза, ибо когда она подходила къ Кухету и достигла Буди, она тамъ замедлила. Кахетинцы во множествѣ приходили туда, спрашивали ее и многіе убѣждались ея поученіями.

Въ Буди же она заболѣла. Лишь только вѣсть объ этомъ достигла до Рева и Саломе, которые жили въ Уджармо, какъ они поспѣшили къ святой и извѣстили царя и царицу. Государь приказалъ епископу Іоанну привезти святую, но она пожелала остаться и царь отправился въ Буди, съ многочисленною свитой. Весь народъ сбѣжался къ больной, ликъ которой сіялъ небеснымъ свѣтомъ. Съ благоговѣніемъ отрѣзали вѣрующіе мельчайшіе куски отъ края ея одежды и покрывали свою добычу поцѣлуями. Царица и царевны толпились вокругъ нея, осыпая ее благословеніями, и со слезами помышляли о разлукѣ съ ихъ учительницей, заступницей и цѣлительницей.

цей. Царевна Саломе, Херожъ Авризунель (по армянски Перожавръ Сунетси), христавы и мтавары стали молить святую открыть имъ свое житіе, говоря:

— Кто ты? Какъ пришла ты въ наше царство, чтобы спасти насъ? Кто научилъ тебя? О, госпожа, раскрой намъ свою жизнь! зачѣмъ говорить тебѣ о плѣнѣ, — счастливой царицѣ, избавившей насъ отъ плѣна? Ибо черезъ тебя узнали мы, что Сынъ Божій провозвѣщенъ былъ пророками, что послѣ Него проповѣдывали двѣнадцать апостоловъ и семьдесятъ два ученика. Но изъ всего этого множества, только тебя одну даровалъ намъ Богъ. Для чего же ты называешь себя плѣнною и чужестранкою?

Тогда святая сказала:

— Дщери вѣры, царица и царевны, меня окружающія, я вижу, что вы уподобляетесь женамъ древнимъ въ ихъ вѣрѣ и любви къ Христу. Вы хотите знать жизненный путь ничтожной рабы Его, я согласна, ибо душа моя исходитъ изъ тѣла и я скоро усну сномъ непробудимымъ, которымъ уже почиваетъ родительница моя. Возьмите же чернильницу и записывайте исторію моей жизни, дабы дѣти ваши узнали, какова была ваша вѣра въ Бога, любовь ко мнѣ и

какихъ чудесъ вы были свидѣтельницами. Тогда царевна Саломе и Херожъ Авризунель стали записывать, а святая рассказала имъ все здѣсь написанное. Она указала царю на священника Іакова, чтобы замѣнить имъ епископа Іоанна, въ свое время. Іоаннъ отслужилъ обѣдню и приобщилъ Нину Святыхъ Таинъ, послѣ чего она отдала свою праведную душу Господу неба и земли, въ пятнадцатый годъ послѣ своего пришествія въ Грузію, въ 339 году по Р. Х. Смерть ея причинила не малое огорченіе въ Мцхетѣ и Уджармо. Ее погребли въ Буди (нынѣшній Сижакъ), согласно клятвенному обѣщанію, взятому ею съ царя. Такъ какъ въ то время это была малозначущая и неизвѣстная деревня, то очевидно святая избрала это мѣсто по смиренію. Царь и вельможи, весьма были опечалены этимъ выборомъ, но не смѣли противиться ея послѣдней волѣ.

VI.

ЦАРЬ ДИРЖИНЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ 265 году по Р. Х. скончался грузинскій царь Асфагуръ, не оставивъ послѣ себя другихъ дѣтей, кромѣ четырехлѣтней дочери Абшурь или Аббуры. Такъ какъ некому было управлять государствомъ, отовсюду окруженнымъ врагами, то всѣ христавы съѣхались въ Мцхеть къ спасету Майжану и сказали.

— Не допустимъ, чтобы горестъ, овладѣвшая душами нашими, помрачила нашъ разумъ, но соберемъ совѣтъ и изыщемъ средство къ облегченію нашихъ страданій.

Спасеть отвѣчалъ:

— Если бъ у насъ было собрано войско, хотя бы въ сотую долю меньше, нежели у персовъ, мы могли бы начать бой. Если бъ у насъ остался наслѣдникъ престола, или хоть родственникъ царей нашихъ, достойный царствовать надъ нами, мы могли бы запереться въ городахъ и крѣпостяхъ, хотя бы намъ пришлось, какъ отцамъ нашимъ въ древности, питаться человѣческимъ мя-

сомъ, но царь нашъ не ожидалъ войны, нигдѣ не заготовлено не только войска, но даже необходимаго провіанта. Сосѣдъ нашъ, великій царь армянскій, убитъ происками персовъ, царство его, тѣсно связанное съ нашимъ, въ ихъ власти, и царь персидскій уже раскрылъ пасть, чтобы поглотить и наше дорогое отечество, хотя и не имѣлъ ссоры съ покойнымъ царемъ нашимъ. Безъ царя, къ которому прибѣгнуть и который могъ бы сразиться съ персами, безъ покровителя, безъ отца, нашъ народъ, какъ сирота беззащитный, или какъ овцы безъ пастыря. Наше дѣло рѣшить, что слѣдуетъ предпринять и я предлагаю на общее обсужденіе слѣдующее: смириться предъ необходимостью, отправить къ царю персидскому посольство, просить сына его Михрана въ супруги царевнѣ нашей Абсшурѣ. Онъ не сынъ царицы, стало быть никогда не могъ надѣяться царствовать въ Персіи, а еще менѣе соединиться бракомъ съ царевною, происходящею отъ Неоротидовъ, Арзасидовъ и Фарнавазидовъ. Мы потребуемъ, чтобы онъ принялъ вѣру отцовъ нашихъ и обращался съ нами, какъ съ вельможами своими, а съ народомъ — какъ съ природными своими подданными, а не какъ съ рабами, побѣжден-

ными, ибо мы сами добровольно избираемъ его. Быть можетъ, тронутый неожиданностью столь лестнаго для него предложенія, Кафе снизойдетъ къ нашей просьбѣ. Но если онъ захочетъ измѣнить вѣру нашу, поставить надъ нами вельможъ персидскихъ и уничтожить послѣднюю отрасль нашего царскаго рода, то лучше намъ умереть безъ пользы, чѣмъ быть свидѣтелями всего этого. Мы не можемъ спасти государства, но мы можемъ запереться въ городахъ и умереть всѣ до одного.

Рѣчь Майжана заслужила общее одобреніе и посоль къ царю персидскому былъ отправленъ. Царь, разспросивъ подробно о состояніи государства, захотѣлъ лично осмотрѣть Мцхетъ. Ему описали его широту и долготу, сосѣдство его съ хазарами и оссами, и также близость отъ алановъ и соновъ или суановъ, и Кафе или Сапоръ сообразилъ, что городъ этотъ можетъ служить оплотомъ для его государства отъ всѣхъ безпокойныхъ сосѣдей. Происхожденіе грузинскіи царевны было такъ же тщательно развѣдано и древность ея рода очень польстила самолюбію царя. Осмотръ Мцхета оказался столь удовлетворительнымъ, что царь согласился на всѣ требованія грузинъ и самъ повезъ семилѣтняго сына своего въ Мцхетъ.

На встрѣчу къ нимъ выѣхало пышное посольство, сопровождавшее Абсшуру. Брачная церемонія совершена была немедленно, и въ видѣ свадебнаго подарка молодымъ царь отдалъ имъ Арменію, такъ что Михранъ немедленно провозглашенъ былъ царемъ Грузіи, Арменіи, Рана, Мовакана и Херети. Возвозя сына въ Мцхетъ, царь персидскій, въ присутствіи всего народа, сказалъ, что считаетъ этотъ городъ сильнѣйшимъ во всемъ государствѣ, такъ какъ, благодаря своему положенію, онъ можетъ служить точкою опоры для покоренія сѣверныхъ непріятелей, притомъ прибавилъ, что считаетъ сына своего Михрана едва ли не счастливѣе того, который долженъ ему наследовать въ Персіи. За симъ онъ далъ торжественное обѣщаніе не вмѣшиваться болѣе въ воспитаніе сына, ни въ управленіе его царствомъ и сейчасъ прекратить непріятельскія дѣйствія. Всѣ эти обѣщанія онъ скрѣпилъ клятвой. Съ этой минуты царь грузинскій перемѣнилъ персидское имя свое на грузинское—Миріанъ, жилъ въ Мцхетѣ и воспитывался во всѣхъ грузинскихъ обычаяхъ. Онъ снискалъ себѣ особенное расположеніе грузинъ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ гробницѣ Фарнаоза, которую онъ украсилъ великолѣпно. Говорятъ, что маленькій госу-

дарь сдѣлалъ это по совѣту матери своей, весьма умной женщины, которую онъ любилъ страстно и желалъ оставить при себѣ, но царь персидскій не исполнилъ его желанія, а оставилъ ему мужа его кормилицы Мирваноса, который, съ согласія грузинъ, обучалъ царя вѣрѣ персидской, то-есть поклоненію огню, такъ что Миріанъ исполнялъ оба обряда огнепоклоннической — персидскій и идольскій — грузинскій. Желая показать полное довѣріе къ клятвамъ царя персидскаго, грузины предложили ему оставить сорокъ тысячъ воиновъ, занимавшихъ Херети, Моваканъ и Арменію. Изъ этого числа семь тысячъ избранныхъ воиновъ были приглашены составить стражу при особѣ царя, подъ начальствомъ Мирваноса. Это была уже добровольная уступка грузинъ, по уговору же персидское войско должно было охранять только проходы Дарьяльскій, Дербентскій и другіе, ведущіе отъ сѣвера къ югу, а отнюдь не вступать во внутрь Грузіи. Это происшествіе ясно показываетъ, какихъ добровольныхъ уступокъ можно ожидать отъ большей части азіатовъ, показавъ имъ полное и неограниченное довѣріе. Кафе безусловно согласился на всѣ требованія грузинъ, довѣрилъ имъ вполнѣ своего сына и только что подаренное ему царство Армян-

ское, и они немедленно сами захотѣли сдѣлать все, чего царь могъ желать и не рѣшался требовать. Тогда Кафе покорилъ всѣ равнины Кавказа, поставилъ вездѣ своихъ христавовъ и приказалъ имъ почитать царемъ своимъ Миріана, дабы этимъ новымъ подаркомъ царю грузинскому вознаградить грузинъ за добровольно сдѣланныя уступки. При этомъ у царя персидскаго былъ и другой расчетъ. Онъ хорошо зналъ, что легче покорять, чѣмъ удерживать въ повиновеніи народы и царства, что для достиженія послѣдняго, потребно много лѣтъ изнурительнаго труда и кровавыхъ столкновеній, а потому и поснѣшилъ наградить сына вновь покоренными областями, для удержанія которыхъ въ повиновеніи должна была, такимъ образомъ, истощаться Грузія, а не Персія.

Ко всему этому онъ прибавилъ дружественный совѣтъ вести постоянныя войны съ хазарами, чѣмъ должна была достигаться двойная цѣль: истребленіе негоднаго и безнравственнаго народа хазарскаго и постоянное занятіе для вновь покоренныхъ воинственныхъ народовъ. Быть можетъ, сверхъ этого, у царя персидскаго была мысль ослабить и истощить Грузію постоянными войнами и не давать ей времени, чтобы отдохнуть. Мирванось, по приказанію юнаго

Мириана, умножилъ крѣпости во всемъ государствѣ и въ особенности укрѣнилъ городъ Некрези. Согласно совѣту Кафе предложены были старанія, чтобы, по возможности, истребить хазарь. А между тѣмъ, Мирианъ росъ тѣломъ и духомъ, и въ то же время росла къ нему любовь народная и его любовь къ своему царству.

Онъ такъ любилъ все грузинское, такъ старался усвоить себѣ все народное, что говорилъ даже лучше по грузински, чѣмъ по-персидски и украсилъ и воздвигнулъ болѣе храмовъ и жертвенниковъ грузинскимъ идоламъ, чѣмъ армянскимъ, или даже огню. Здѣсь кстати будетъ сказать, что у армянъ было семь главныхъ боговъ: первый—Армаздъ, самый могущественный изъ боговъ; второй—Вахагнъ или Геркулесъ, сынъ Армазда, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ армянскихъ его считали сыномъ царя Тиграпа; третій—Аполлонъ, также сынъ Армазда, изобрѣтатель стихотворства; четвертый—Хенхитосъ или Вулканъ; пятая—Апахитъ, то-есть Артемида или Діана; шестая—Нане, то-есть Аонна или Минерва и седьмая—Астгхикъ то-есть Афродита или Венера, первое имя значить „маленькая звѣзда“, потому что на головѣ ея всегда изображали звѣздочку. Кромѣ этихъ семи, извѣстны еще армянскіе

боги Деметра и Дизане или Церера и Бахусъ, пришедшіе изъ Индіи. Бегсъ и Бархамъ—изъ Сиріи и, наконецъ, солнце и луна, почитать которыя научились у персіянъ.

Въ сущности, одинъ только Вахагнъ, національный армянскій богъ, остальные всѣ заимствованы отъ другихъ народовъ. Но возвратимся къ Миріану. Преданность жрецовъ къ нему была чрезвычайна, потому что онъ возобновилъ и великолѣпно украсилъ почти всѣхъ идоловъ, ихъ жертвенники и храмы и всегда показывалъ народу высокій примѣръ уваженія къ служителямъ боговъ. Въ 273 году по Р. Х. пятнадцатилѣтній Миріанъ овдовѣлъ бездѣтнымъ, а такъ какъ Абсшура была послѣдняя отрасль Фарнаоза, то грузинамъ пришлось избрать новую династію на престолъ. Въ эту-то минуту старанія Миріана снискать себѣ общую любовь, были вознаграждены. Въ Грузіи, въ Арменіи, въ Ранѣ, въ Моваканѣ и въ Ежисѣ было только одно желаніе и всѣ, въ одинъ голосъ, избрали Миріана, который еще болѣе сталъ стараться снискать любовь народную. Спустя нѣсколько времени, изъ Понта, привезена была дочь Улитора (котораго также называютъ Улиторхъ или Улитось) Нана или Анна и сдѣлалась супругою царя.

Миріанъ постоянно велъ войну: то съ ха-

зарами, то съ лезгинами, то съ дурдзугами и дидойцами, которые, желая отдѣлиться отъ него, пропускали чрезъ свои земли несмѣтныя полчища хазаръ, въ то время, когда никто этого не ожидалъ. Херетхъ и Мовабанъ оглашались славою Миріана, ибо онъ ни разу не былъ побѣжденъ. Часто хазары пытались окружить и взять Дербентъ, чрезъ который имъ легко было бы проникнуть въ Персію, но это никакъ имъ не удавалось, ибо при первомъ извѣстіи о ихъ приближеніи Миріанъ лично поспѣшалъ на выручку Дербента и часто однимъ страхомъ своего имени заставлялъ ихъ удаляться, а если иногда они и осмѣливались вступить въ бой, то всегда оставались побѣжденными.

Въ 284 году готфскій царь Хртче вызвалъ Діоклитіана на поединокъ и такъ какъ царь римскій не хотѣлъ сражаться самъ, то облекъ въ свои доспѣхи извѣстнаго уже храбростію своею Трдата, царевича армянскаго и приказалъ ему выйти на поединокъ вмѣсто себя.

Хртче былъ побѣжденъ и война окончена. Не зная, какъ благодарить Трдата за его службу, Діоклитіанъ далъ ему войско, чтобы отнять престолъ армянскій, а Трдатъ, выждавъ минуту, когда Миріанъ былъ занятъ въ Дербентѣ, въ 287 г. явился среди армянъ,

гдѣ былъ принять съ неописаннымъ восторгомъ и немедленно посаженъ на престолъ своихъ предковъ. Кто знаетъ, какъ вообще всѣ азіаты преданы лицамъ своего царскаго дома и какъ они долго и непоколебимо сохраняютъ вѣрность потомкамъ своихъ царей, тотъ пойметъ, конечно, что они измѣнили Миріану совсѣмъ не потому, что не любили его, а потому, что не считали себя въ правѣ служить другому, когда еще осталась отрасль ихъ прежнихъ повелителей. Немедленно составивъ войско и присоединивъ его къ римскимъ легионамъ, Трдатъ устремился въ Сирію, Месопотамію и Персію, гдѣ близъ города Тисбона или Стозипхона, два раза побѣдилъ брата Миріанова Санора, воцарившагося на мѣсто умершаго Кафе Сассанида.

Саноръ успѣшилъ отправить родственника своего Фероза къ Миріану, прося помощи. Между тѣмъ Миріанъ уже покончивъ съ хазарами, собирался посчитаться съ Трдатомъ, который не довольствуясь тѣмъ, что вся Арменія встала какъ одинъ человекъ, еще воспользовался отсутствіемъ Миріана, чтобы неожиданно напасть на Грузію и разграбить всѣ беззащитныя и неукрѣпленныя селенія, не смѣя, однако, касаться городовъ и крѣпостей. Но соединенныя грузинскія и персидскія войска не только очень

скоро отплатили ему тѣмъ же, но и выгнали его изъ Арменіи. Трдать спасся въ Римъ. Ферозъ, отличившійся во всѣхъ бояхъ, съ согласія Миріана, женился на его дочери и получилъ въ управленіе всю землю отъ крѣпости Кунани до города Бардава, что составляетъ нынѣшнюю Ганжинскую степь. Вскорѣ огромное римское войско, подъ предводительствомъ цезаря Галерія явилось на границахъ Арменіи, но было совершенно разбито, и остатокъ его возвратился домой со стыдомъ.

Но возвратимся къ Персіи. Несрехъ Бартомъ, племянникъ Миріана, возсѣлъ на престолъ отца своего Сапора въ 298 году. Желая наказать его за дерзкое нападеніе на Арменію, Миріанъ объявилъ ему войну и вскорѣ достигъ того мѣста, гдѣ впоследствии калифъ Мансуръ основалъ Багдадъ. Несрехъ-Бартомъ, съ огромнымъ войскомъ, ожидалъ Миріана въ долину Низибъ, но вельможи мазупаны персидскіе, желая предупредить кровопролитіе между дядей и племянникомъ, умолили ихъ объясниться. Надо сказать, что въ Персіи въ то время умершему царю обыкновенно наследовалъ братъ, а не сынъ, и потому, по смерти Сапора, Миріанъ имѣлъ право претендовать на престолъ персидскій. Онъ началъ объясненіе такъ:

„Я сынъ Кафе Сассанида, и по этому праву получилъ отъ рукъ его земли чужія, пріобрѣтенныя силою оружія, владѣя которыми я не могу спокойно наслаждаться тѣмъ царствомъ, которое добровольно избрало меня, а провожу дни мои въ бояхъ съ хазарами и не разъ кровію своего народа искупалъ Персію отъ ихъ нашествія, стало быть престолъ отца моего принадлежитъ мнѣ и по праву старшинства и по заслугамъ“.

— Хотя онъ и сынъ Кафе, — сказалъ Бартомъ, — но онъ рожденъ не отъ царицы, стало-быть не имѣетъ никакого старшинства надо мною, сыномъ Сапора, рожденнаго отъ Кафе и царицы. Что же касается моей матери, то она также была царицею персидскою и дочерью царя Индіи. По нашимъ законамъ, онъ не имѣетъ права ни на какое царство и владѣетъ тѣмъ, что у него есть, только по волѣ дѣда моего и по избранію того народа, которымъ править. Вы слышали послѣднія слова отца моего и видѣли, какъ онъ надѣлъ на голову мою свой царскій вѣнецъ. Вы знаете также, что и завѣщаніе отца моего назначаетъ меня преемникомъ. Пусть мои и его вельможи разсудятъ споръ нашъ безпристрастно, и мы оба покоримся ихъ рѣшенію.

Вельможи разсудили, что хотя Миріанъ

и не имѣлъ права на престолъ персидскій, но и Несрехъ-Бартомъ не имѣлъ права вторгаться въ Арменію и приводить съ собою сѣверныхъ народовъ, такъ какъ Арменія была завоевана его дѣдомъ и подарена, какъ свадебный подарокъ, Миріану, и этотъ подарокъ пришлось еще удерживать тридцать три года съ большими усиліями, притомъ Миріану стоило не мало труда и расхода война съ Несрехомъ, и что, поэтому, слѣдуетъ дать ему вознагражденіе за убытки. Притомъ персы приняли такъ же въ расчетъ, что Миріанъ со своимъ храбрымъ и преданнымъ войскомъ былъ уже внутри ихъ государства, и что, если раздражить его, то онъ можетъ силою оружія отнять себѣ и всю Персію, поэтому пришли къ такому заключенію: отдѣлать отъ Персіи Джазиретхъ, половину Сиріи и Адрабадаганъ и отдать Миріану. Вышепоименованныя области, вмѣстѣ съ Грузіей, Арменіей, Раною, Моваканомъ и Херетхомъ составили едва ли не болѣе Персіи, въ которой рѣшено единодержавствовать Несрехъ-Бартому. Оба царя остались довольны этимъ рѣшеніемъ и Миріанъ поспѣшилъ домой, потому что, въ его отсутствіе, два осетинскіе князя: Пхарошъ и Кавція сдѣлали набѣгъ на Грузію и причинили не малое опустошеніе. Миріанъ устре-

мился прямо въ Осетию, овладѣлъ ею и предалъ опустошенію до самой Хазаріи, оттуда, по западной дорогѣ Двантха, пришелъ въ равнину Ліакхви и вернулся домой. По смерти Несрехъ-Бартома, ему наследовалъ сынъ его Сапоръ, который въ 312 году прислалъ къ Миріану со слѣдующимъ предложеніемъ:

„Пройдемъ чрезъ Арменію и вступимъ въ Грецію“.

Пятидесяти - четырехлѣтній Миріанъ, сохранившій всю свою богатырскую силу, согласился, и вскорѣ соединенныя войска, число которыхъ современники уподобляютъ числу полевой травы, или древесныхъ листьевъ, прошли чрезъ Арменію, безъ всякаго сопротивленія, со стороны Трдата. Хотя они и не касались ни городовъ, ни крѣпостей но проходъ такой массы людей не могъ не причинить замѣтнаго опустошенія. Императоръ Константинъ не смѣлъ противиться и съ огорченіемъ видѣлъ, какъ разоряли одну провинцію Греціи за другой. Но духовенство ободрило его, увѣряя, что Господь не попуститъ невѣрныхъ овладѣть христіанскимъ царствомъ. Дальнѣйшія событія уже извѣстны нашимъ читателямъ изъ житія святой Нины.

Сынъ Миріана, Ревъ, женился на Саломе,

дочери Трдата, получилъ въ управленіе Кахетію и Кухетію и водворился въ Уджармо. Съ этихъ поръ Миріанъ искренно полюбилъ Трдата, сознавая при томъ въ душѣ его несомнѣнное право на престолъ армянскій, онъ не разъ имѣлъ случай доказать ему свои чувства на дѣлѣ. Такъ въ 318 году Трдату вздумалось съѣздить въ Римъ, для упроченія дружбы съ императоромъ Константиномъ, но у Мандзарта его нагналъ гонецъ отъ Миріана, съ извѣстіемъ, что сѣверные народы, возбужденные Сапоромъ, напали на Арменію и взяли сорокъ восемь тысячъ плѣнныхъ и что Миріанъ сражается съ ними у Карино.

Трдатъ немедленно выслалъ къ нему тридцати-тысячное войско, подъ начальствомъ владѣтеля Апахуникъ, который только черезъ мѣсяць могъ настигнуть враговъ и успѣлъ отнять у нихъ часть плѣнниковъ. На слѣдующій 319 годъ Трдатъ напалъ на Гаргаратсикъ, который лежитъ близъ Барда и въ кровавой битвѣ съ барциліенами убилъ собственноручно царя ихъ Гедрхіона и преслѣдовалъ бѣгущихъ, по ту сторону Кавказа, до земли гуновъ. Потомъ объявилъ войну персамъ и Миріанъ не только помогъ ему войскомъ, но и самъ предводительствовалъ имъ, не взирая на свой шестиде-

сятиоднолѣтній возрастъ. Чтобы избѣгнуть всякихъ столкновений, земли свои Трдать и Миріанъ раздѣлили такъ: что все то пространство, по которому воды текутъ къ югу и впадаютъ въ Араксъ, должно принадлежать Трдату, а то, по которому воды текутъ къ сѣверу и впадаютъ въ Мткуаръ, — должно принадлежать Миріану.

О водвореніи христіанства въ Грузіи, достаточно подробно рассказано въ жизнеописаніи св. Нины, прибавимъ только, что, по ея совѣту, Миріанъ ѣздилъ въ Константинополь, для утвержденія дружбы съ императоромъ Константиномъ а оттуда проѣхалъ въ Іерусалимъ, гдѣ купилъ то мѣсто, на которомъ Дотъ посадилъ ель, сосну и кедръ. Саломонъ, сынъ Давидовъ, срубилъ ихъ для строящагося храма, но они не были употреблены и оставались на мѣстѣ, служа скамьей для проходящихъ, до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ не сдѣлали крестъ для Господа нашего. На этомъ мѣстѣ Миріанъ основалъ монастырь святого Креста, на стѣнахъ котораго, до сихъ поръ виденъ его портретъ. Вскорѣ послѣ преставленія святой Нины прибылъ сынъ Миріана, царевичъ Бакаръ, отпущенный еще за годъ передъ тѣмъ умирающимъ Константиномъ. Хотя императоръ уже скончался во время приѣзда царевича, но Миріанъ

имѣлъ утѣшеніе прочесть его предсмертное письмо, текстъ котораго сохранился.

„Пишу тебѣ, котораго умудряетъ мудрость Божія и который, подобно мнѣ, новообращенный, тебѣ царь Миріанъ: миръ и радость да будутъ съ тобою. Такъ какъ ты вѣруешь Живоначальной Троицѣ, Богу превѣчному, Творцу вселенной, мнѣ не нуженъ заложникъ отъ тебя. Достаточно намъ посредства Іисуса Христа, Сына Божія, рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, насъ ради воплотившагося и честнаго креста Его, который данъ путеводителемъ вѣрующимъ въ него. Благодатію Творца всѣхъ Бога, возлюбимъ другъ друга, какъ братья. Возвращаю тебѣ сына твоего, дабы ты возвеселился видѣніемъ его и ангель мира, посланецъ Божій, да пребываетъ всегда съ тобою и да изгонитъ Господь нашъ, Творецъ всяческихъ, отца лжи, діавола, изъ предѣловъ твоихъ!“

Миріанъ и Нана возблагодарили съ великою радостію Бога раздаятеля богатыхъ и совершенныхъ даровъ и одарили посла императорскаго, сопровождавшаго Бакара.

Во время своего пребыванія въ Греціи, царевичъ сошелся съ ученымъ мужемъ Руфиномъ и сообщалъ ему все, что совершалось святою Ниной въ Грузіи, а Руфинъ

записывалъ эти рассказы и такимъ образомъ, составилось точное и подробное описаніе водворенія христіанства въ Грузіи. Вскорѣ по приѣздѣ Бакара была окончена епископская церковь и день освященія ея былъ отпразднованъ съ великою пышностью.

Въ 347 году скончался сынъ Миріана, царевичъ Ревъ, зять Трдата, котораго именovali царемъ, при жизни Миріана. Его похоронили въ Акелдамѣ, самимъ имъ основанномъ. Царь Миріанъ не перенесъ потери любимаго дѣтища, заболѣлъ и въ тотъ же годъ скончался осмидесяти девяти лѣтъ отъ роду. Предъ смертію онъ позвалъ сына своего Бакара и сказалъ ему:

„Возвращаясь туда, откуда я пришелъ, я благодарю милостиваго Господа, Создателя неба и земли, избавившаго меня отъ работы діаволу, отъ пасти адовой и сподобившаго меня стать на правый путь; тебѣ, Нана, если Господь даруетъ тебѣ на то время, поручаю я, послѣ моей смерти, раздѣлить всѣ наши царскія сокровища пополамъ и одну половину употребить на увѣковѣченіе гроба святой Нины, просвѣтительницы нашей, дабы онъ не пришелъ въ забвеніе съ теченіемъ вѣковъ. Не забудь, что это болѣе чѣмъ жилище царское, ибо это жилище чужестранной гостыи. — Сынъ мой — обратился

онъ къ Бакару, — свѣтъ разсѣялъ мракъ и жизнь уничтожаетъ смерть. Оставляю тебѣ свой вѣнецъ и молю Создателя неба и земли утвердить тебя въ вѣрѣ истинной. Упражняйся въ исполненіи заповѣдей Сына Божія и будь вѣренъ закону Его. Помни, что умереть во Христѣ, значитъ вступить въ жизнь нескончаемую. Вездѣ, гдѣ ты увидишь слѣды нечестія идольскаго или поклоненія огню, сожигай храмы и боговъ и осыпай цепломъ ихъ нечестивцевъ, завѣщай тоже и дѣтямъ твоимъ, и я увѣренъ, что невѣріе исчезнетъ со всего Кавказа. Самъ же слѣдуй вѣрѣ искренно, полагаясь на Сына Божія, прежде вѣкъ рожденнаго, насъ ради воплотившагося, искупившаго насъ своими страданіями. Помощію Креста ты побѣдишь враговъ, ибо никто вѣрующій Кресту не постыдился. Почитай свѣтозарный столбъ, Богомъ поставленный, и, уповая на силу Его, ты уснешь въ свое время съ вѣрою во Святую Троицу!“

За симъ умирающій царь сообщилъ царицѣ Саломѣ, вдовѣ Рева, слѣдующее:

„Я хотѣлъ перенести сюда тѣло святой Нины, чтобы положить его у подножія свѣтозарнаго столба, но не могъ этого сдѣлать, ибо не взирая на незначительность размѣ-

ровъ гроба, двѣсти людей не могли сдвинуть его съ мѣста“.

Это заявленіе было записано царевной и, переходя изъ рода въ родъ, было причиной того, что мощи святой и до сихъ поръ почитаются на мѣстѣ ея погребенія.

По приказанію царя принесенъ былъ крестъ изъ виноградныхъ лозъ, на который Мирианъ повѣсилъ свой вѣнецъ, потомъ, подзвавъ Бакара, осѣнилъ его крестомъ и, снявъ вѣнецъ, возложилъ его на голову сына, и скончался. Его погребли на востокъ отъ средняго столба, въ которомъ есть частица животворящаго древа. На слѣдующій годъ скончалась царица Нана и была погребена на западной сторонѣ того столба, у котораго покоится тѣло ея супруга.

Послѣ Апридуна едва ли какой-либо царь, могъ похвалиться такою воинскою славой и такою любовью къ нему народа.

VII.

Ю Р И Я Ъ А Н Т У .

Л Е Г Е Н Д А .

Во времена царя Арчила I, который был женатъ на Маріанѣ, дочери греческаго императора Іоліана (363 г.) въ Грузію переселилось много Грековъ, въ томъ числѣ и Мартинъ живописецъ. Ему поручено было расписывать церковь Стефана Цминда (святого Стефана) въ Мцхетѣ, выстроенную благочестивымъ Арчиломъ, при вратахъ Арагви, близъ воздвигнутыхъ имъ башенъ и бастіоновъ. Мартинъ былъ человекъ благочестивый и искусный въ своемъ дѣлѣ. Посланныя краски подъ руками его принимали такое поразительное сходство съ дѣйствительностію, что нѣкоторые изъ изображенныхъ имъ святыхъ казались живыми и изумляли благочестивыхъ поклонниковъ многія сотни лѣтъ послѣ его смерти. На одной изъ стѣнъ изображено было имъ явленіе Божіей Матери святой Нинѣ. Последняя представлена была на колѣняхъ, принимающею крестъ изъ виноградныхъ лозъ.

Страхъ, радость, любовь къ Богу и неограниченная преданность Его святой волѣ выражались не только въ чертахъ святой, но и въ каждомъ движеніи, въ каждой складкѣ ея одежды. Соединеніе всѣхъ этихъ различныхъ чувствъ было верхомъ живописнаго искусства и вызывало справедливое удивленіе современниковъ Мартина и позднѣйшихъ посѣтителей храма. Да, великій художникъ былъ Мартинъ-Грекъ. За то и любилъ же онъ свое искусство, такъ любилъ, что оно было ему дороже всего свѣта, кромѣ развѣ его дочери Пульхеріи. Въ то время, какъ начинается наша повѣсть, ликъ святой Нины уже былъ написанъ, и художникъ трудился надъ фигурой Божіей Матери. Смиренный столько же сколько и искусный, онъ одинъ, казалось, не замѣчалъ красоты своихъ произведеній, и въ то время, какъ все кругомъ восхищалось, онъ вздыхалъ, сравнивая свои изображенія съ тѣми свѣтлыми, чудными, недосыгаемыми, неизобразимыми образами, которые рисовались его поэтическому воображенію и которые онъ носилъ въ душѣ.

Какъ изобразить черты Пресвятой Дѣвы? Вотъ вопросъ, который мучилъ его день и ночь. Всякій разъ, какъ онъ надъ нимъ задумывался, предъ нимъ вставало милое, крот-

кое лицо дочери, и онъ съ ужасомъ старался удалить отъ себя это видѣніе. Ему это казалось какою-то невозможною дерзостью, и опять сѣлился онъ найти подходящій образъ, который не имѣлъ бы въ себѣ ничего земного, и опять представлялось ему то же любящее и любимое личико Пульхеріи. Наконецъ, въ совершенномъ отчаяніи, пошелъ онъ къ католикоосу Іоанну II, прося совѣта и молитвы. День и двѣ ночи молились они вмѣстѣ у святого джуара (такъ называется мѣсто у источника слезъ святой Нины отъ креста, при немъ воздвигнутаго; джуаръ собственно значить крестъ) на второе утро католикоосъ приказалъ живописцу возвратиться къ своей картинѣ.

„Ложись у ногъ просвѣтительницы нашей“ — сказалъ онъ — „и усни, я вѣрю, что ты во снѣ увидишь именно тѣ черты, подъ которыми угодно быть изображенною Матери Божіей!“

Пошелъ Мартинъ, исполнилъ приказаніе Іоанна, и снова увидѣлъ черты Пульхеріи, она явилась какимъ-то особенно прекраснымъ, небеснымъ сіяніемъ.

„Какъ я изображу этотъ свѣтъ? — недоумѣвалъ художникъ и сталъ поститься и молиться, какъ древніе подвижники. Цѣлую недѣлю ходилъ онъ ко всѣмъ службамъ и

ничего не ѣлъ и не пилъ. Въ субботу, послѣ причастія, поѣлъ и легъ спать подъ картиной. Во снѣ увидѣлъ уже Царицу Небесную именно такъ, какъ слѣдовало Ее изобразить. Спѣшно вскочилъ онъ и начертилъ на стѣнѣ углемъ только что имъ видѣнный величественный образъ. Это было первое изображеніе, которое вполне удовлетворило самого художника. Тяготившая его забота превратилась въ неописанную радость, и онъ поспѣшилъ къ святому Джуару, гдѣ со слезами благодарилъ Бога. На другой день, съ зарей поднялся Мартинъ, разбудилъ Пульхерію и повелъ ее съ собою. Едва уставилъ онъ ее такъ, какъ жедалъ, къ нимъ подошелъ неизвѣстный юноша.

„Старець!“ — сказалъ онъ, учтиво поклонившись, — „я хочу потрудиться при изображеніи Царицы Небесной, укажи миѣ, какъ слѣдуетъ растирать твои краски“.

Съ недовѣріемъ поглядѣлъ на него Мартинъ. Роскошная одежда, граціозныя движенія изобличали въ немъ человѣка, не привыкшаго къ чернымъ работамъ.

— Растирать краски не легко, — отвѣтилъ онъ, — ты запачкаешь твое дорогое платье, и твои нѣжныя руки не вытерпятъ тяжелаго труда. Юноша настаивалъ, и Мартинъ, объяснивъ ему на скоро, что дѣлать, при-

нялся за работу и вскорѣ забылъ и его, и Пульхерію, и всю вселенную и весь потонулъ въ своемъ внутреннемъ, прекрасномъ мірѣ. Между тѣмъ, Пульхерія слѣдила за пришельцемъ. Онъ былъ высокій, стройный, красивый юноша, широкоплечій, съ тонкою таліей, которую охватывалъ золотой поясъ, съ подвѣсками изъ драгоценныхъ камней, и какъ блестѣли и играли эти разноцвѣтные камни, когда, нагнувшись надъ огромною мраморною плитой, онъ легко и быстро возилъ по ней тяжелый камень, который отецъ ея съ такимъ трудомъ и медленно передвигалъ съ мѣста на мѣсто.

Юноша не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія, онъ видимо былъ чѣмъ-то озабоченъ и смущенъ. Глубокіе вздохи вырывались по временамъ изъ груди его, и, наконецъ, Пульхерія замѣтила, что слеза капнула на край мраморной плиты. Казалось и онъ, такъ же какъ Мартинъ, ушелъ въ какой-то внутренней, недоступный для нея міръ и забылъ все земное. Семь часовъ не прерываясь, писалъ Мартинъ, и все это время, безъ отдыха работалъ пришедшій. Глядя на ихъ неутомимое усердіе, Пульхерія испугалась, что не будетъ конца ея стоянію и заплакала. Черты лица ея исказились и тѣмъ заставили отца опомниться.

— Довольно, бѣдное дитя мое!—сказалъ онъ съ нѣжностію и обратился къ юношѣ.

Большія пятна красокъ и масла виднѣлись теперь на парчѣ и бархатѣ его одежды, волосы были въ безпорядкѣ и лицо красно, отъ утомленія. Мартинъ не зналъ, какъ благодарить его.

— Скажи, по крайней мѣрѣ, твое имя, добрый юноша!—обратился онъ къ нему.

— Мирдаты.

— Неужели?

— Молчи!—прервалъ его юноша и вышелъ, а Мартинъ смотрѣлъ ему въ слѣдъ, съ неизреченнымъ изумленіемъ. Только, въ эту минуту узналъ онъ въ немъ царевича-наслѣдника, о громкихъ побѣдахъ котораго говорилъ весь востокъ. Вчера вернулся онъ изъ побѣдоноснаго похода въ Римъ и говорили, что онъ скоро опять выступить. Неужели же въ эти немногіе дни отдыха, онъ пожелалъ принять на себя такую скучную и утомительную работу? Затѣмъ онъ обратился къ сдѣланному имъ и былъ пораженъ количествомъ наготовленныхъ красокъ.

„Если онъ совершитъ свой новый походъ, такъ же быстро, какъ первый, то мнѣ хватить красокъ, до его возвращенія“—подумалъ Мартинъ и весело пошелъ домой со своею дочкой, которая всю дорогу раз-

спрашивала его о Мирдатѣ. Пообѣдавъ наскоро, и уснувъ немного, Мартинъ снова ушелъ на работу и проработалъ до заката солнца. Такъ повторялось ежедневно, съ тою только разницею, что Мирдатъ болѣе не являлся. Онъ ушелъ въ Моваканъ и вскорѣ покорилъ его отцу. Не лишнимъ будетъ сказать, что случилось съ Мирдатомъ, въ первый его походъ. Провинціи Ранъ, Моваканъ и Адербадаганъ издревле принадлежали Грузіи и только, во времена царя Мирдата IV, дѣда нашего героя, подпали подъ власть персіянъ. Сатрапъ Барзабодъ управлялъ ими. Взявъ Ранъ, царевичъ-наслѣдникъ Мирдатъ хотѣлъ вызвать Барзабода на поединокъ съ собою. Барзабодъ помѣстился въ оставленной башнѣ, за городомъ, а Мирдатъ окружилъ ее съ вечера, предполагая, что за ночь ему уйти не куда и рѣшилъ дать отдохнуть своимъ измученнымъ воинамъ до утра. Ночью пошелъ онъ на осмотръ своего стана и, проходя мимо башни сатраповой, услышалъ сладкій шепотъ. Онъ остановился и прислушался. Нѣжный голосъ, чуть слышно, произнесъ слово:

— Батано! — (господинъ).

Онъ поднялъ голову и замеръ отъ восхищенія: на крышѣ стояла дѣвица неопи-санной красоты. Луна освѣщала ее и при-

давала ея тонкимъ правильнымъ чертамъ какую-то таинственную прелесть. И вдругъ коралловые уста ея открылись и изъ нихъ полилась рѣчь тихая, стройная, чарующая. Она молила юнаго полководца пощадить ея престарѣлаго отца.

— Кто и что можетъ тебѣ сопротивляться? Ты покоряешь города и области. Могучая рука твоя побѣждаетъ богатырей. На кого и на что не взглянулъ бы ты въ поднебесной, ты все можешь считать своимъ, ибо оно не твое только пока, ты этого не пожелаешь. Ты обладаешь красотой, разумомъ, силой и храбростію, а у меня никогда, ничего не было кромѣ отца. Онъ гордился своею воинскою славою, ты омрачилъ ее! Онъ возвышался довѣріемъ шаха, ты уничтожилъ его. Онъ хвалился непобѣдимостію своихъ воиновъ, ты побѣдилъ ихъ. Ты сверхъ того овладѣлъ моимъ образомъ. Твой могущественный образъ, побѣдоносно вошелъ въ мою душу и вытѣсняетъ изъ нея бѣдный, приниженный образъ моего стараго отца! — И съ этими словами, красавица опустилась на колѣна.

— О, не отнимай его у меня! — довершила она, жалобно протягивая къ нему руки.

— Поединка не будетъ! неожиданно сказалъ Мирдаты, — повернулся и быстро пошелъ къ своему шатру.

Дѣвица эта была дочь Барзабода, Саг-дукхть. Съ этой минуты Мирдаты полюбилъ ее всѣми силами своего богатырскаго сердца, и глубокая печаль запала въ его душу. Возможно ли было думать, что царь позволить ему жениться на дочери того сатрапа, у котораго приказалъ отнять подвѣдомственные ему области. Подумавъ немного, онъ рѣшилъ оставить небольшое число воиновъ въ только что завоеванныхъ имъ мѣстахъ, а съ остальными возвратиться къ отцу, прося новыхъ приказаній. Повсюду съ торжествомъ встрѣчали юнаго побѣдителя, радостныя лица его окружали, веселые клики толпы наполняли его слухъ, а на сердцѣ у него было мрачно и тяжело.

Съ неимовернымъ усиліемъ принуждалъ онъ себя отвѣчать на общее ликованіе ласковою улыбкой, и на другой же день, по возвращеніи домой, пошелъ потрудиться во славу Божіей Матери, прося Ея помощи и заступленія. То же сдѣлалъ онъ возвратясь изъ второго побѣдоноснаго похода своего на Моваканъ. Но въ этотъ разъ Мартинъ, уже успѣвшій окончить ликъ Божіей Матери и трудившійся надъ одеждой, работалъ болѣе разсѣяннo и часто взглядывалъ на своего сотрудика. Замѣтивъ капавшія слезы, онъ отпустилъ Пульхерію домой и обра-

тился къ нему съ вопросомъ о причинѣ его печали.

— Ты такъ много помогъ мнѣ, — сказалъ Мартинъ, — что и мнѣ хотѣлось бы помочь тебѣ, добрый юноша, быть можетъ, мои сѣдины умудрятъ меня дать тебѣ пригодный совѣтъ.

— Твои сѣдины свидѣтельствуютъ о томъ, что давно уже миновало то время, когда тебя волновали тѣ чувства, которыя вызвали мои слезы. Никто, кромѣ Матери Божіей, не въ силахъ облегчить моего горя, потому что я всѣмъ сердцемъ люблю такую дѣвушку, на которой государь никогда не позволитъ мнѣ жениться? Съ этими словами Мирдате вышелъ, а Мартинъ понялъ это простое, ясное объясненіе совсѣмъ иначе, а чрезъ эту ошибку, чуть было не погубилъ свою чистую душу. Эта душа была чистая, свѣтлая, нещорочная, сіяющая какъ самый дорогой брильянтъ. И вотъ, однажды, во время сна, ангелы небесные вынули душу и понесли ее ко Господу.

„Владыко!“ — сказали они, — „воззри на этотъ сіяющій брильянтъ—это душа Мартина-грека, посвятившаго всю жизнь свою на Твою славу. Никакое грѣшное желаніе, никогда не находитъ въ ней мѣста, ибо она всецѣло принадлежитъ Тебѣ! Любуясь

сю, мы часто думаемъ, что по смерти Мартина, брильянтъ этотъ будетъ достоинъ украшать Твой престолъ“.

Замолкли сладкіе голоса ангельскіе, а изъ преисподней послышался дьявольскій хохоть.

— Чему радуешься ты, сатана? — спросилъ, по повелѣнію Божію, сторожевой ангель

„Весьма скоро брильянтъ этотъ потускнѣетъ, омрачится и достанется мнѣ!“ — возразилъ онъ.

Заплакали добрые ангелы, но Господь утѣшилъ ихъ. Онъ приказалъ снова вложить душу въ спящаго художника, а такъ же приказалъ, въ случаѣ если бы Мартинъ послушался хитрыхъ внушеній дьявольскихъ и омрачилъ свою душу — изыскать способъ, вернуть ее къ Богу, хотя бы тяжелымъ путемъ земного горя и слезъ. И быстро слетѣли ангелы въ церковь Стефана-Цминда и вложили ослѣпительный брильянтъ въ спящаго Мартина, а за ними полетѣлъ сатана и сталъ нашептывать греку, что его дочь овладѣла сердцемъ царевича и что онъ будетъ тестемъ царскимъ.

И вотъ честолюбіе черными, грязными пятнами стало охватывать брильянтъ, потускнѣлъ яркій свѣтъ его, помрачилась кра-

сота невиданная, а Мартинъ ежедневно все больше и больше предавался честолюбивымъ мечтамъ и все чернѣе и тусклѣе становился брильянтъ!

Между тѣмъ, Мирдаты покорилъ и Адербадаганъ.

„Что хочешь ты отъ меня въ награду?“ спросилъ восхищенный Арчилъ.

Мирдаты почтительно сталъ на одно колено и цѣлуя подола царской одежды, просилъ позволенія жениться на дочери побѣжденнаго сатрапа. Любящій отецъ отвѣтилъ смѣясь:

„Пока ты овладѣвалъ Раномъ, Моваканомъ и Адербадаганомъ, Сагдукхтъ завладѣла твоимъ сердцемъ и, мнѣ кажется, что самый лучший исходъ изъ этого опаснаго положенія, тебѣ владѣть ею!“

Тотчасъ послано было посольство къ Барзабоду, который принялъ его съ неопи-санною радостью. Сагдукхтъ, снабженная роскошнымъ приданымъ, была привезена въ Мцхетъ, гдѣ совершилась свадьба, и пиршества продолжались многіе дни. Царь пожаловалъ сыну своему городъ Самшвилде съ окружающею его областью. Кромѣ красоты, Сагдукхтъ отличалась еще замѣчательнымъ умомъ и рѣдкимъ, по тогдашнему, образованіемъ. Мирдаты пригласилъ ученѣй-

шихъ мужей своего времени, въ Самшвильде и поручилъ имъ перевести на грузинскій языкъ Святое евангеліе и объяснить его царевнѣ Сагдукхтъ, которая увѣровала въ Господа нашего Іисуса Христа и, принявъ святое крещеніе, задумала воздвигнуть въ Самшвильде соборъ Сіонскій. Для расписанія внутреннихъ стѣнъ понадобился искусный художникъ. Мирдатъ вспомнилъ о Мартинѣ и послалъ его разыскивать. Но его не нашли уже въ живыхъ.

Онъ успѣлъ окончить свою работу въ церкви Стефана Цминда во время послѣдняго похода царевича въ Адербадаганъ, получилъ царское вознагражденіе отъ Арчила, но вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Грецію, остался въ Мцхетѣ, надѣясь привести тщеславныя мечты свои въ исполненіе. Ежедневно ходилъ онъ къ продавцамъ роскошныхъ тканей, выбиралъ самыя драгоцѣнныя и составлялъ изъ нихъ драгоцѣнный парадъ для своей Пульхеріи. Искуснѣйшія швеи должны были, подъ его неусыпнымъ руководствомъ, вышивать эти одежды самоцвѣтными камнями и жемчугомъ. Примѣривая то одно, то другое на свою Пульхерію, онъ по цѣлымъ часамъ любовался ея неземною красотою и съ увѣренностью рисовалъ передъ нею картины ея будущаго величія.

При этомъ свѣтлое личико Пульхеріи еще больше освѣщалось радостью. Ея чистому сердцу недоступны были честолюбивые замыслы отца. Она полюбила Мирдата не за то, что онъ былъ сынъ царскій, а за то, что онъ былъ храбрый, добрый и благочестивый. Вотъ почему, не взирая на сильное увлеченіе, душа Пульхеріи осталась столь же чистою, непорочною, прозрачною, какъ и тогда, когда въ ней не было этого чувства, а душа Мартина ежедневно утрачивала свой блескъ и покрывалась темными пятнами. Наконецъ прогремѣло по всему Мцхету радостное извѣстіе о взятіи Адербадагана. Побѣдителю приготавлилась торжественная встрѣча, и старъ, и малъ спѣшилъ на улицу, съ цвѣтнымъ флагомъ или цвѣтною вѣтвію въ рукѣ. Пульхерія, въ новой одеждѣ, и рядомъ съ нею Мартинъ, стояли на ступеняхъ Стефана Цминда. Когда шествіе поровнялось съ ними, царевичъ сошелъ съ коня и вошелъ въ пустой храмъ. Мартинъ незамѣтно послѣдовалъ за нимъ и видѣлъ какъ онъ быстро подошелъ къ оконченному образу Божіей Матери и, преклонивъ колѣна, пламенно молился. Когда же, окончивъ молитву, царевичъ всталъ, Мартинъ подбѣжалъ къ нему и быстро шепнулъ на ухо:

„Сегодня царь тебѣ ни въ чемъ не откажетъ“.

Но царевичъ, увѣренный, что онъ одинъ въ храмѣ, видимо смутился этимъ неожиданнымъ свидѣтелемъ его сердечной молитвы.

Онъ не узналъ Мартина, не разобралъ его словъ и поспѣшилъ выйти изъ церкви, а Мартинъ перетолковалъ все въ свою пользу и радовался. Прошло нѣсколько дней, на площади города показался глашатай и трубачи, и созвавъ народъ, они объявили о предстоящей свадьбѣ царевича-наслѣдника Мирдата съ Сагдукхтъ, дочерью персидскаго сатрапа Барзабода. Легкій стонъ и тотчасъ за нимъ раздирающій душу крикъ обратили на себя общее вниманіе. На землѣ лежала Пульхерія безъ всякихъ признаковъ жизни. Тонкая, алая полоска молодой горячей крови, струилась изъ ея устъ. Предъ нею, на колѣняхъ, стоялъ Мартинъ и старался всѣми силами остановить кровотеченіе. Кто-то изъ толпы кинулся было къ нему на помощь, но онъ дико оглянулся и, какъ безумный, схвативъ ее въ свои объятія, бросился бѣжать къ Стефану Цминда. Здѣсь положилъ онъ ее у подножія той картины, для которой она послужила оригиналомъ и лишился чувствъ. И вотъ, видитъ онъ, какъ открылся жуцоль и два ангела спустились къ Пульхеріи.

Въ рукахъ ихъ была такая же бѣлая, прозрачная, неизреченно-прекрасная одежда, какъ и та, что облекала ихъ. Мгновенно сняли они съ нея драгоценное платье и облекли въ принесенное ими. Пульхерія ожила и удивленно смотрѣла, какъ лучи солнца одинъ за другимъ входили въ отверстіе купола и приближались къ ангеламъ, которые скоро и искусно соткали изъ нихъ два крыла, столь же свѣтозарныя, какъ и ихъ собственные, и крылья эти приросли къ Пульхеріи, и, взмахнувъ ими, новый ангель легко поднялся отъ земли, и радостно запѣли ангелы Божіи неизреченно сладкое привѣтствіе своему новому собрату, приглашая летѣть къ Престолу Божию. Окинуль новый ангель храмъ послѣднимъ, прощальнымъ взоромъ и, увидѣвъ отца, сталъ просить ангеловъ взять и его съ собою. За молкла пѣснь ангельская, лица ихъ омрачились печалію и горестно объявили они, что ему сначала приготовлялось лучшее мѣсто, въ прекрасныхъ жилищахъ небесныхъ, но что онъ лишилъ себя его, предавшись честолюбію.

Заплакала бывшая Пульхерія, и слезы ея, чистыя какъ утренняя роса, капнули на лицо обмершаго и привели его къ жизни. Вскочилъ Мартинъ, съ полнымъ сознаніемъ

своего грѣха. Жгучія слезы раскаянія потекли изъ его глазъ ручьемъ, а два другія ангела спустились къ нему. Они собирали эти слезы и омывали ими грѣшную душу Мартина, и тусклыя пятна честолюбія блѣднѣли на драгоцѣнномъ брильянтѣ. Когда же брильянтъ снова пришелъ въ свой прежній, безупречно - блестящій видъ, они радостно понесли его къ престолу Божію, гдѣ онъ сіяетъ и свѣтитъ дивнымъ вдохновеніемъ тѣмъ художникамъ, которые работаютъ для славы Божіей, а Пульхерія охраняетъ ихъ свѣтлыя, чистыя души отъ всякой грѣховной заразы.

VIII.

СЧАСТЬЕ РИУТРЫ
РАСЪ ССЪТЬ.

~~~~~
Л Е Г Е Н Д А.

Въ V вѣкѣ (458 г.) оссы похитили сестру грузинскаго царя Вахтанга I, извѣстнаго подъ именемъ Гургаслана (левъ-волкъ). Трехлѣтнюю царевну звали Михрандукхть. Когда же Вахтангъ покорилъ оссовъ, убилъ предводителя ихъ великаго Багхатара и семь его братьевъ и повезъ сестру назадъ, онъ захватилъ, вмѣстѣ съ нею и самаго меньшого изъ братьевъ Багхатаровыхъ Миріана, котораго оставилъ въ живыхъ по просьбѣ Михрандукхть. Мальчикъ, бывшій товарищемъ дѣтскихъ игръ царевны, былъ названъ пажемъ и росъ во дворцѣ. Вмѣстѣ съ нимъ росла и привязанность его къ Михрандукхть, но онъ никогда не осмѣливался высказать ее ни словомъ, ни взглядомъ, а ходилъ на обрывъ, на концѣ царскаго сада и тамъ плакалъ. По мѣрѣ того, какъ онъ мужалъ, и плачь его принималъ болѣе изящную форму и часто изливался въ стихахъ. Множество мелкихъ стихотвореній ходитъ въ народѣ подъ названіемъ „Плачь стремяннаго“, потому что, когда ему исполнилось четырнад-

цать лѣтъ, царь сдѣлалъ его своимъ стремяннымъ. Товарищи завидовали этому отличію и поздравляли его, а онъ, огорченный удаленіемъ отъ царевны, ушелъ въ свой оврагъ и тамъ изъ устъ его вылилась пѣснь, которая долгое время переходила изъ поколѣнія къ поколѣнію.

Пѣснь стремяннаго.

Зачѣмъ меня въ дворецъ высокій
Къ тебѣ нажемъ твоимъ ввели;
Твои плѣнительныя очи
Мнѣ душу пламенемъ прожгли.

* * *

Хоть я могучаго владыки
Теперь любимый стремянной,
Все жъ невозможно даже взоромъ
Мнѣ перекинуться съ тобой.

* * *

Насъ точно бездна раздѣляетъ.
Такъ недоступно высоко
И взоръ мой робкій не дерзаетъ
Проникнуть въ царское окно.

* * *

Въ любви жъ, хоть рабъ я твой, царевна,
Съ царемъ поспорить я берусь,
Такою жъ пылкою душою,
Такимъ же сердцемъ я горжусь.

* * *

Такая жъ въ насъ бушуетъ младость
И та же въ жилахъ кровь течетъ,
И коль не царской славой блещетъ,
То мощной силою беретъ.

И, какъ бы въ доказательство своей мощной силы, ударилъ юноша кулакомъ о камень, и раскололся камень, посмотрѣлъ онъ на кулакъ, а на кулакѣ была кровь. Разгоревался пуще прежняго Миріанъ.

„Что мнѣ за польза въ моей силѣ богатырской, когда сердце ея крѣпче камня!“ — воскликнулъ онъ и залился слезами. И вотъ отъ смѣшенія слезъ съ кипучею кровью богатырскою образовался источникъ, который течетъ по дну оврага, то мечется онъ на высокіе камни, какъ дикій звѣрь, а перескочивъ черезъ нихъ, плачетъ и воетъ, какъ дитя.

Михрандукхтъ не раздѣляла привязанности Миріановой и не замѣчала ея. Пришедъ въ возрастъ вышла замужъ за шаха Персидскаго. Въ день отъѣзда ея Миріанъ при-

шелъ на свой источникъ, утвердилъ мечъ между двухъ камней и бросился на него съ такою силою, что остріе вышло изъ его спины. Молодое тѣло его распустилось въ водѣ, а горячая кровь согрѣла струи источника и придала имъ чудесную силу. Сюда стекаются съ тѣхъ поръ всѣ влюбленные, и если кому-нибудь изъ нихъ посчастливится, подъ журчанье волшебныхъ водъ, составить стихи, любовь его увѣичается успѣхомъ, если же онъ дождется вдохновенія, то долженъ искупаться и страсть его угаснетъ. Первый, испытавшій это чудное свойство, былъ негръ Небротхъ. Онъ влюбился въ госпожу свою и осмѣлился открыть ей свою тайну. Разгнѣванная госпожа приказала утопить его.

Несчастливаго бросили въ ручей слезъ стремяннаго и ушли, а онъ сначала лишился чувствъ, потомъ очнулся и вышелъ на берегъ, совершенно излѣченный отъ своей страсти. Не желая возвращаться къ своей госпожѣ, онъ выстроилъ себѣ хижинку на берегу того оврага, по которому протекалъ ручей, и отъ бездѣлья написалъ свою исторію, потомъ спросилъ о появленіи ручья и записалъ и это. Затѣмъ сталъ наблюдать за всѣми, кто приходилъ къ ручью, завлекалъ пришельцевъ къ себѣ и спрашивалъ у каждаго его исторію, которую и записывалъ.

Вскорѣ составился цѣлый букетъ самыхъ разнообразныхъ рассказовъ, напоминающій собою знаменитыя арабскія сказки, и мнѣ остается только сожалѣть, что память моя удержала лишь весьма немногія изъ нихъ. Я хорошо помню то, что Небротхъ рассказываетъ о себѣ.

Разъ ночью, онъ былъ пробужденъ необычайно нѣжнымъ пѣніемъ и, поспѣшивъ выйти, почувствовалъ сильное благоуханіе.

Онъ взглянулъ въ оврагъ. Луна освѣщала его дно, серебромъ и золотомъ отливали громадные камни, брильянтами блестяла вода. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на эту картину и внезапно взоръ его различилъ на поверхности водъ двѣ человѣческія головы. Онъ сталъ всматриваться; красивый юноша негръ и столь же прекрасная бѣлая дѣвица шли по горло въ водѣ и влекли, высоко поднимая руки, какія-то свѣтозарныя нити. Точно струя чистой воды окрѣпла въ воздухѣ и въ ней играли мягкіе мѣсячные лучи. Нити эти были прикрѣплены къ огромному листу водяного растенія, и на этомъ волшебномъ плотикѣ, который блисталъ и изумрудами, и золотомъ, стояло неземное существо. Оно все было легкой водяной туманъ и тихій лунный свѣтъ.

Чѣмъ болѣе въ него вглядывался Не-

бротхъ, тѣмъ яснѣе все это складывалось въ образъ прекрасной женщины. Въ рукахъ ея было какое-то длинное перо изъ солнечныхъ лучей, которымъ, во время своего тихаго плаванія, она дотрогивалась до растеній и цвѣтовъ и, какъ бы послушные ея приказанію, они издавали неизреченное благоуханіе и каждый цвѣтокъ присоединялся къ хору, разбудившему Небротха, и пѣлъ тихо, сладко, нѣжно. И страстно захотѣлось Небротху понять эту благоухающую, цвѣточную пѣснь и, затаивъ дыханіе, онъ сталъ прислушиваться:

„Асткхикъ! Асткхикъ! Асткхикъ! Асткхикъ!“ явственно услышалъ онъ и, взглянувъ на голову женщины, увидѣлъ сіяющую звѣздочку. Это точно была Асткхикъ, то-есть Венера, которую царь Вахтангъ I выгналъ изъ всѣхъ храмовъ. И поклонники, и жрецы, и облагодѣтельствованные ею, всѣ покинули ее въ несчастіи!

Тогда она нашла двухъ влюбленныхъ. Онъ былъ рыбагъ-невольникъ, она — дочь богатаго садовника. Богиня общала имъ свое покровительство и они, не раздумывая долго, сбросили единственное свое достояніе, то-есть одежду, и нагіе сошли въ воду, чтобы устроить ей плотъ. И вотъ, гонимая богиня рѣшила водвориться на ручьѣ „слезъ

стремяннаго“ и туда направила своихъ поклонниковъ. Увидавъ Небротха, Асткхикъ взмахнула свѣтозарнымъ перомъ, и отъ мановения ея образовался мостъ. Она сошла на землю и, обернувшись, снова взмахнула перомъ. На одной сторонѣ былъ кустъ желтыхъ розъ, на другой бѣлыхъ. Цвѣты ихъ мгновенно осыпались и образовали одежду для ея слугъ, которыя поспѣшили за нею. Тогда она повернулась къ хижинѣ Небротха и новымъ взмахомъ пера обратила ее въ чудный, прозрачный дворецъ.

Небротхъ стоялъ какъ истуканъ. Съ лукавою улыбкою Асткхикъ приказала слугамъ своимъ отвести его къ ручью и посадить на оставленный ею плотъ. Но едва приказаніе это было исполнено, какъ плотъ потонулъ, вмѣстѣ въ негромъ. Страшный крикъ утопающаго заглушилъ хоръ цвѣтовъ. Слуги съ испугомъ смотрѣли на воду и, черезъ мгновеніе, изъ нея вышелъ полубогъ: бѣлый, съ золотыми кудрями, въ которомъ только одни жгучіе черные глаза напоминали потонувшаго негра. Всѣ четверо поселились въ волшебномъ дворцѣ и наслаждались неизреченнымъ счастіемъ. Это было царство любви, не стѣсняемой никакими законами. Небротхъ обожалъ Асткхикъ, рыбакъ Набукодозоръ — садовницу Русуданъ.

Возлюбленный богини былъ хозяиномъ, возлюбленный садовницы — слугой, хотя оба они были невольники-негры. Но даже въ волшебномъ дворцѣ, подъ покровительствомъ самой богини любви, находится мѣсто для постороннихъ разговоровъ между возлюбленными.

Въ одну изъ такихъ несчастныхъ минутъ свойства ручья стали извѣстны Набукодонозору, и страхъ, что волшебная сила водъ повліяла на Русудань, закрался въ его душу. Извѣстно, что подозрѣніе есть врагъ любви. Набукодонозору стало чудиться, что Русудань охладѣла къ нему. Ища причину этого воображаемаго охлажденія, онъ натолкнулся на мысль, что она кроется въ невольномъ сравненіи его черной кожи съ божественнымъ цвѣтомъ Небротха, и вслѣдъ за этою мыслью въ сердце его вкралась ревность, за ревностью явилась и неблагодарность къ Асткхикъ, и ропоть: зачѣмъ она преобразила ничего не сдѣлавшаго для нея Небротха въ полубога, а его, привезшаго ее въ это очаровательное жилище, оставила петромъ и рабомъ.

И пошелъ онъ ночью на берегъ ручья и зацѣлъ пѣсню своего горя, и вдругъ старые кедры, высокія сосны, допотопныя орѣшины составили хоръ, и понеслась могучая

пѣсня ихъ ко дворцу и разбудила богиню, а Небротхъ спалъ и не слыхалъ ничего. Легкою стопою вышла Астхикъ къ ручью, гдѣ, обернувшись къ ней спиною, плакалъ Набукодонозоръ, и, подкравшись, столкнула его въ воду. Безмолвно погрузился Набукодонозоръ, безмолвно и вышелъ еще прекраснѣе чѣмъ Небротхъ и, бросившись къ ногамъ богини, осыпалъ ихъ поцѣлуями. Астхикъ не сопротивлялась, она не сводила съ него глазъ и видимо любовалась имъ. Ободренный невольникъ схватилъ божественныя руки и сталъ такъ же безумно цѣловать и ихъ. Вдругъ Астхикъ выдернула ихъ, обвила ими его шею и, поцѣловавъ въ уста, исчезла. Какой-то необычайный огонь разлился по всѣмъ жиламъ Набукодонозора отъ этого поцѣлуя.

Новое чувство овладѣло имъ, непреодолимое желаніе влекло его бѣжать за богиней, а мысль, что она удостоиваетъ такой же ласки Небротха отталкивала отъ нея. Онъ бросился на землю и старался прохладить внутренній жаръ, валяясь на влажной травѣ и безжалостно попирая благоухающіе цвѣты, а луна какъ бы оскорбилась за своихъ любимцевъ и спряталась за облако. Совершенный мракъ заставилъ опомниться безумца; онъ пошелъ въ домъ скучный, не-

довольный и злой. Русуданъ спала и не знала ничего происшедшаго ночью, каково же было ея удивленіе, когда поутру она увидѣла Набукодонозора, съ бѣлою кожей и золотистыми волосами. На вопросъ, что съ нимъ случилось, онъ мрачно отвѣтилъ, что пошелъ за водой, оступился и вышелъ изъ ручья такимъ, какъ она его видитъ.

„Смотри, не разлюби меня“, — шутливо сказала Русуданъ и пошла собирать плоды на завтракъ богини.

Проснулся и Небротхъ и, взглянувъ на Набукодонозора, повторилъ тотъ же вопросъ.

„Я сдѣлалъ то же, что и ты“, — былъ короткій отвѣтъ.

Недовѣрчиво посмотрѣлъ на него Небротхъ и пошелъ за разъясненіями къ богинѣ.

„Я разсудила, что несправедливо не сдѣлать того для моего спасителя, что я сдѣлала для тебя“, — былъ божественный отвѣтъ, отъ котораго немедленно зародилась ревность въ сердцѣ Небротха. Русуданъ плакала, Набукодонозоръ раздражался, Небротхъ ревновалъ, Астххикъ напрасно истощала свое краснорѣчіе, объясняя, что ся дворецъ есть убѣжище свободной любви, не подчиненной никакимъ законамъ. Всеобщее неудовольствіе, взаимное недовѣріе, горе и плачъ водворились въ волшебномъ дворцѣ. Бѣдная Русуданъ не осушала глазъ.

Разъ какъ-то, пойдя за плодами, она зашла далеко и заблудилась. Солнце было уже во всей своей красѣ, когда, измученная, она сѣла отдохнуть. Мрачныя мысли ея снова вернулись къ Набукодонозору и къ волшебнымъ свойствамъ ручья и горькое чувство поднялось въ ней противъ богини.

„За что называютъ тебя благодѣтельницею людей?“—воскликнула она:—„ты обольстила насъ обѣщаніемъ своего покровительства, когда мы тебѣ были нужны, а теперь отняла у меня Набукодонозора, и зачѣмъ мы помогли тебѣ бѣжать отъ гнѣва царскаго? Навѣрно Богъ его сильнѣе тебя, когда ты отъ него бѣгаешь. Боже христіанскій, спаси меня!“—вырвалось изъ глубины души Русудань.

— Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!—послышался старческій голосъ, и Русудань увидѣла между деревьями, приближающагося къ ней старца.—Что съ тобою, дитя мое?—заботливо спросилъ онъ ее, подойдя къ ней.

Русудань сказала, что заблудилась, устала, проголодалась и не знаетъ куда дѣться. Старецъ повелъ ее къ себѣ. Онъ жилъ недалеко, въ пещерѣ высокой скалы, гдѣ питался молокомъ дикихъ козъ и финиками. Съ радостію поставилъ онъ передъ нею весь

свой запасъ, принесъ кружку воды, поправилъ листовное ложе и, пригласивъ ее отдохнуть, вышелъ. Подкрѣпившись, Русуданъ стала наблюдать за нимъ сквозь отверстіе пещеры и видѣла, что, отойдя на нѣкоторое разстояніе, онъ опустился на колѣна и сталъ молиться и она видѣла, какъ доброе лице его освѣщалось какимъ-то чуднымъ, небеснымъ счастьемъ и радостью, и ей захотѣлось узнать у бѣднаго старца въ чемъ это неизреченное счастье его скудной, труженнической жизни. Окончилъ свою молитву старецъ и сталъ собирать финики; набравъ цѣлый подолъ, онъ радостно понесъ ихъ къ пещерѣ. Гостя встрѣтила его у входа.

„Я думаю, тебѣ мало было тѣхъ финиковъ, что нашлись у меня“, — сказалъ добродушный хозяинъ, — „я вотъ тебѣ еще принесъ,“ и онъ высыпалъ сладкіе плоды предъ нею. Русуданъ, растроганная его добротою, благодарила старца со слезами.

„Въ чемъ же твое горе?“ — спросилъ онъ.
„Быть можетъ житейскія нужды обременили тебя?“

— О, нѣтъ, старецъ, я не знаю нужды.

„Не болѣзнь ли истощила твои силы?“

— Я пользуюсь цвѣтущимъ здоровьемъ.

„Можетъ тяжелыя заботы не давали тебѣ покоя?“

— Миѣ не о комъ заботиться.

„Такъ вѣрно непосильный трудъ изну-
рялъ тебя?“

— Нѣтъ, старецъ, я жила въ волшеб-
номъ дворцѣ, откуда изгнаны были: нужда,
забота, трудъ и болѣзнь.

„Стало быть свѣтскія приличія стѣсняли
твою свободу?“

— Мы не покорялись приличіямъ.

„Или суровые законы тяготѣли надъ ва-
шимъ дворцомъ?“

— Мы не признавали законовъ.

„А, можетъ быть, обладатель дворца зло-
употреблялъ своею властію?“

— Нисколько. Госпожею дворца была Ас-
тхигъ.

„Остается только предположить, что она
соединила такихъ людей, которые ненави-
дѣли другъ друга?“

— Вовсе нѣтъ, мы всѣ собрались во имя
любви.

„А понимаю,“ — неожиданно сказалъ ста-
рецъ, — „вы собрались во имя любви и имен-
но въ любви-то у васъ и оказался недо-
статокъ?“

— Ты ошибаешься, старецъ, — запальчиво
перебила его Русуданъ, — я могу поручить-
ся, что никто, никогда и никого не любилъ
такъ сильно, какъ я любила моего Набуко-
донозора!

Старець недовѣрчиво поглядѣлъ на нее: „Дитя мое“, — сказалъ онъ кротко, — „то, что идолопоклонники называютъ любовью, вовсе не есть то святое чувство, которое мы понимаемъ подъ этимъ словомъ. Ихъ любовь есть одинъ изъ безчисленныхъ видовъ себялюбія“.

Лицо Русуданъ вспыхнуло, глаза ея наполнились слезами.

— О, нѣтъ, нѣтъ, — воскликнула она дрожащимъ голосомъ, — я любила его больше себя, я съ радостью стала бы терпѣть всякія лишенія, всякія муки, чтобы доставить ему удовольствіе.

Старець вздохнулъ.

„Едва ли“, — сказалъ онъ недовѣрчиво, — „если бы ты точно любила другихъ, больше себя, твоего счастья никто не могъ бы разрушить. Расскажи теперь подробно, въ чемъ собственно заключается твое несчастіе?“

— Набукодонозоръ, котораго я люблю больше всего на свѣтѣ, полюбилъ другую!

„И что же?“ — спросилъ старецъ, — „это составляло его несчастіе?“

— Какъ несчастіе? Это составляло его блаженство!

„Стало быть ей это было непріятно?“

— Что ты, старецъ? Она была въ восторгѣ!

„Растолкуй же мнѣ, для кого это было источникомъ горя?“

— Ахъ, старецъ, неужели же ты не понимаешь, что для меня это было хуже всѣхъ адскихъ мученій!

„Но вѣдь ты только что увѣряла меня, что верхомъ счастья для тебя было бы терпѣвать всякія лишенія, всякія страданія, лишь бы доставить ему удовольствіе?“

Тогда старецъ отверзъ уста свои и изъ нихъ полились слова благодати Божіей. И его счастье было основано на любви, но на любви къ Существу совершенному. Его любовь была подчинена законамъ Божіимъ, это не было бессмысленное влеченіе. ни чѣмъ не стѣсняемое, ничѣмъ не обузданное, ничего не ищущее, кромѣ временнаго наслажденія. Его любовь искала совершенствоваться и приближаться, елико возможно, къ тому великому образу совершенства, который намъ указанъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

„Счастіе — нѣжный цвѣтокъ“, говорилъ онъ, — „который не можетъ расти среди безправія, несправедливости и произвола; только на законной почвѣ любви христіанской къ Богу, уваженія и любви къ ближнимъ, можетъ онъ прижиться и дать тѣ благоухающіе цвѣты, за которыми мы всѣ гонимся.“

Послѣдую моему Богу, легко можно найти счастье, ибо его благіе законы лишь настоль-ко стѣсняють волю человѣка, насколько это необходимо для его же благоденствія. Ты жила въ волшебномъ дворцѣ, откуда изгнаны были болѣзни, нужды, заботы и труды. Вы не покорялись ни властямъ, ни законамъ, ни приличіямъ. Любовь собрала васъ всѣхъ. Ну, что же, были ли вы счастливы?“

— Увы! нѣтъ,—отвѣтила Русуданъ.

И снова заговорилъ старецъ и убѣдилъ Русуданъ и крестилъ ее, и взявъ посохъ, наверху котораго изображенъ былъ крестъ, пошелъ съ нею къ волшебному дворцу. Подходя къ ручью, они увидѣли Небротха, собирающаго плоды. Съ горечью рассказалъ онъ, что Асткхикъ теперь считаетъ господиномъ Набукодонозора, а его заставляетъ прислуживать ему, и никто и не вспоминаетъ о Русуданъ.

Тогда она просила его присѣсть съ ними и рассказала все случившееся съ нею, и въ ея молодыхъ устахъ еще убѣдительноѣ звучала рѣчь о любви вѣчной, нескончаемой, совершенной. Потому вѣчной — что разумной, потому нескончаемой — что безгрѣшной, потому совершенной — что подчиненной законамъ Божиимъ. И старецъ заговорилъ о всемогущемъ Божествѣ, отъ котораго бѣгутъ

боги ложные, о Его премудрости, кротости, милосердіи и правосудіи, и Небротхъ пожелалъ креститься. По окончаніи таинства, старецъ осѣнилъ посохомъ своимъ волшебный дворецъ, который мгновенно исчезъ, какъ привидѣніе. Тогда поучилъ онъ Небротха и Русуданъ любви христіанской и обязанностямъ супружества и обвѣнчалъ ихъ ѱ, помолившись всѣ вмѣстѣ потрудились надъ сооруженіемъ новой хижины, для молодыхъ супруговъ, въ которой они прожили много лѣтъ, записывая рассказы проходящихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, и я расскажу вамъ когда-нибудь.

Къ сожалѣнію, память моя не сохранила той искусной послѣдовательности, которою это сборище легендъ все яснѣе и яснѣе выдвигаетъ великую истину: „Счастье внутри васъ есть“. Несовершенство счастья Небротха и Русуданы произошло сначала отъ несовершенства любви, которая любитъ себя наравнѣ съ любимымъ. По мѣрѣ того, какъ они научались любить ближняго больше себя, любить настолько, чтобы не оскорбляться и не смущаться горестями, только лично себя касающимися и отъ которыхъ ближніе не страдаютъ, научились радоваться счастию другихъ, думать только о другихъ, желать, искать счастья только другимъ и

въ ихъ наслажденіи полагать свое счастье, — это великое счастье прочно водворилось въ ихъ душѣ, и они сознательно говорили: „счастье внутри насъ есть!“ И тогда не нужно стало волшебнаго замка, изъ котораго изгнаны всѣ заботы, болѣзни, нужды и труды. У нихъ нашлось и время, нашлись и силы, чтобы, живя настоящею жизнью, среди всѣхъ ея мелочей и трудностей, умѣть сохранять свое свѣтлое счастье, и тогда они слышали не волшебную пѣснь цвѣтовъ, благоухающую пѣснь младенцевъ, спасенныхъ ими для жизни счастливой, трудолюбивой, христіанской, они услаждались пѣсню благодарныхъ молодыхъ людей, которыхъ ихъ любовь спасла отъ страданія и научила жить счастливою жизнью, и этотъ хоръ не прерывался во все время ихъ житья на землѣ.

IX.

ЖЕЛИЧУЖИНА.

ЛЕГЕНДА.

Во время войны царя Вахтанга Гургаслана въ Сидѣ, ежедневно происходили поединки между сильнѣйшими воинами. Въ числѣ другихъ погибъ и знаменитый богатырь сидскій, по имени Куте. Смерть его сильно опечалила всѣхъ соотечественниковъ, ибо всѣ сознавали, что не осталось болѣе, въ рядахъ ихъ многочисленнаго воинства, богатыря подобнаго ему. Желая чѣмъ-нибудь вознаградить его услугу царь Сидскій приказалъ навести справки объ его семейномъ положеніи. Оказалось, что онъ недавно женился по любви на дѣвицѣ красоты неописанной и что, въ день выступленія его въ походъ, у нихъ родилась дочь, которую они назвали Маргалити, что значитъ жемчужина. Царь приказалъ свѣситъ маленькую Маргалити и вручить матери ея вѣсь дѣвочки жемчугомъ.

Четыре года продолжалась война, въ теченіе которыхъ царь Сидскій былъ рабень Вахтангомъ и взятъ въ плѣнь. На выкупъ

его понадобилась значительная сумма денег. Царская казна, истощенная войной, не могла покрыть всего. Народъ успѣшилъ придти на помощь любимому царю, жертвуя значительныя суммы на его выкупъ. Въ томъ числѣ и мать Маргалити, Данана, отдала пожалованный ей нѣкогда жемчугъ. Одинъ изъ сыновей царскихъ добровольно предложилъ себя въ заложники для освобожденія отца. Братъ его послѣдовалъ его примѣру, по неотступной просьбѣ народа, и царь былъ освобожденъ.

Великодушный поступокъ спидскаго царевича плѣнилъ сердце Дананы. Чувство это началось еще съ тѣхъ поръ, какъ, по приказанію царя, онъ долженъ былъ вручить жемчугъ. Его сердечное участіе къ ей, тогда искреннему, горю, его нѣжность къ свротѣ, сильно расположили молодую женщину въ его пользу. Съ тѣхъ поръ это чувство расло и расло и въ теченіе четырехъ лѣтъ достигло такого развитія, что она не могла болѣе обманывать себя. Узнавъ, что царевичъ уѣзжаетъ, она пожертвовала жемчугъ не столько изъ преданности царю, сколько изъ желанія удержать царевича на родинѣ. Когда же она убѣдилась, что средство это не помогло, то, не говоря никому ни слова, она отправилась за нимъ, захвативъ съ собой и Маргалити.

Между тѣмъ, тотчасъ по размѣнѣ царя Синдскаго, Вахтангъ перенесъ свои дѣйствія въ землю Абашей и продолжалъ войны съ различными народами Индіи восемь лѣтъ.

Все это время бѣдная женщина скиталась изъ страны въ страну въ поискахъ за царевичемъ, вовсе и не подозрѣвавшемъ объ ея страсти, Мало-по-малу разсудокъ ея разстроился, неизбѣжныя лишенія, сопряженныя съ такимъ длиннымъ путемъ по странамъ, едва обитаемымъ, оставили тяжкіе слѣды на ея здоровьи.

Цокнувъ родину въ полномъ цвѣтѣ здоровья и силъ, она служила покровительницей своей четырехлѣтней дочери, но по мѣрѣ того, какъ послѣдняя росла, мужала и крѣпла, разсудокъ и здоровье первой ослабѣвали, такъ что незамѣтнымъ образомъ роли измѣнились и дочь стала покровительницей матери.

Странствуя по непроходимымъ болотамъ и камышамъ земли Абашей, онѣ натолкнулись на хижину христіанскаго подвижника.

Старецъ согрѣлъ и накормилъ промокнувшихъ и усердно занялся лѣченіемъ матери, которую дорогой ужалила змѣя. Въ его гостеприимной хижинѣ пробыли они сорокъ шесть дней. Ежедневно старецъ поучалъ ихъ вѣрѣ христіанской и безумная мать и

юная дочь, одинаково беспомощная, горячо увѣровали въ могуществовнаго Помощника вдовъ и сиротъ. Когда Маргалити вселнѣ усвоила себѣ все истины христіанской вѣры, старецъ крестилъ ее и мать и посовѣтовалъ имъ вернуться на родину. Рана матери зажила, но разсудокъ возвратился не вполне, и, опасаясь отпустить ихъ въ столь дальній путь однихъ, старецъ послалъ съ ними надежнаго спутника.

То былъ старый негръ Константинъ. Въ юности онъ бѣжалъ отъ своего господина и долгое время жилъ разбоемъ. Кругомъ него собралась цѣлая шайка жестокихъ и безправственныхъ людей, съ которыми онъ нагонялъ ужасъ на мирныхъ Абашей.

Цѣлыя селенія соединялись, чтобъ изловить ихъ, но разбойники всегда оставались побѣдителями. Наконецъ, въ какой-то ужасной схваткѣ побѣда стала клониться на сторону поселянъ. Разбойники снасились въ разсыпную. Лихой атаманъ ихъ, покрытый безчисленными ранами, спасался пѣшкомъ, такъ какъ лошадь его была убита, и ему пришлось выбирать самые густые камыши, чтобы не быть замѣченнымъ врагомъ, тонкія болота еще болѣе истощили его силы и скоро, истекая кровію, онъ упалъ безъ чувствъ среди высокихъ камышей, змѣи не преми-

нули выползти изъ норъ и начали облизывать его раны своими ядовитыми жалами. Въ это время на него натолкнулся старецъ. Крестнымъ знаменіемъ отогналъ онъ лютыхъ змѣй и, преклонивъ колѣна, молился Господу Силь, да дастъ ему крѣпость для перенесенія страждущаго. И Господь услышалъ молитву старца. Дряхлый старецъ безъ малѣйшаго затрудненія поднялъ на свои плечи могучаго богатыря и, увязая на каждомъ шагу въ топкихъ болотахъ, тѣмъ не менѣе, донесъ его къ себѣ. Здѣсь онъ окружилъ его самою нѣжною заботливостью, молясь о выздоровленіи его день и ночь. Во время одной изъ этихъ пламенныхъ молитвъ ему открытъ былъ даръ цѣлить отъ укушенія ядовитыхъ змѣй.

Врачуя тѣло, старецъ въ то же время врачевалъ и душу.

Между тѣмъ посланы были воины для отысканія пропавшаго разбойника. Они исходили весь боръ, обшарили всѣ камыши и, наконецъ, натолкнулись на хижину старца. Страхась за безопасность своего любимца, отшельникъ поспѣшилъ выйти навстрѣчу воинамъ.

— Не видалъ ли ты негра?— было первымъ ихъ вопросомъ.

Что было дѣлать святому старцу? Никогда

еще живое слово не осквернило усть его. Онъ упорно молчалъ и старался загородить собою входъ въ свою хижину.

— Пусти насъ къ себѣ, — снова сказали воины.

„Не входите, дѣти мой“, — сталъ ихъ уговаривать старецъ, — „у меня очень тяжело больной, вы обезпokoите его“.

— Такъ онъ тутъ! — радостно вскрикнули воины, оттолкнули старца и вошли въ хижину.

„Боже Всемогущій, спаси и помилуй!“ — отъ всего сердца возопилъ старецъ.

Между тѣмъ воины тщательно осматривали полумрачную хижину и вдругъ, съ поспѣшностью, толкая другъ друга, попятились назадъ.

Старецъ взглянулъ. На одрѣ, гдѣ за мгновение предъ симъ лежалъ негръ, теперь былъ невиданныхъ размѣровъ левъ. Кое-гдѣ на немъ виднѣлись зіяющія раны, которыя, однако, не помѣшали ему быстро поднять голову и такъ гнѣвно сверкнуть очами на вошедшихъ, что они поспѣшили удалиться.

— Лѣчи своего больного! — сказали они, уходя, — онъ намъ не нуженъ.

Старецъ остался на порогѣ, пока не скрылся послѣдній воинъ. Тогда онъ поспѣшилъ войти и снова увидалъ на одрѣ негра, си-

дящаго съ выраженіемъ неописаннаго изумленія на лицѣ. Онъ бросился въ ноги вошедшему и сталъ молить сподобить его святаго крещенія. Старець охотно исполнилъ его просьбу, назвавъ его Константиномъ.

Новообращенный поселился невдалекѣ отъ своего учителя и занимался плетеніемъ корзинъ, блюдъ и носилокъ изъ тростника, а старецъ еженедѣльно носилъ ихъ въ городъ, гдѣ продавалъ и покупалъ потребный имъ обоимъ на педѣлю хлѣбъ, а остальное раздавалъ нищимъ. Такъ продолжалось много лѣтъ, такъ что ко времени прихода Маргалити и ея матери Константины уже имѣлъ около шестидесяти лѣтъ.

Безъ малѣйшаго прекословія согласился онъ исполнить волю своего наставника и, послѣ крещенія обѣихъ женщинъ, радостно отправился съ ними въ страну, для него невѣдомую, сопутствуемый благословеніями и молитвами старца.

Во время продолжительнаго ихъ странствованія помѣшательство матери усилилось, и она наотрѣзъ отказалась возвращаться въ Синдъ.

— Царь Вахтангъ уже возвратился и увезъ обѣихъ нашихъ царевичей съ собой, и я пойду туда же, — говорила она.

И никакія разсужденія и доказательства не помогали.

— Хочу и пойду,—говорила она съ упрямствомъ;—если вы со мной не пойдете, я пойду одна.

Между тѣмъ святой старецъ внушилъ Маргалити, что ея священнѣйшая обязанность не покидать беспомощную мать и терпѣливо переносить всѣ появленія ея тяжкаго недуга, памятуя, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ терпѣлъ больше отъ совершенно чужихъ Ему людей. Вотъ почему эта послѣдняя угроза такъ сильно подѣйствовала на Маргалити, что и она со своей стороны наотрѣзъ отказалась идти въ Сивдѣ, а пожелала направиться въ Грузію.

Константинъ, привыкшій безропотно подчиняться всѣмъ желаніямъ старца, долго сопротивлялся, но наконецъ ему стало казаться, что лучше имъ, христіанамъ, идти къ единовѣрнымъ, чѣмъ къ язычникамъ; сомнѣнія его окончательно разсѣялись, когда во снѣ онъ увидѣлъ старца, благословляющаго ихъ путь.

Долго продолжалось ихъ странствованіе, такъ что Маргалити было уже двѣнадцать лѣтъ, когда они вступили въ предѣлы Грузіи. Она была столь же прекрасна, какъ и мать, и даже лучше, потому что утомленіе,

разрушительно подѣйствовавшее на одну, напротивъ, развило физическія силы другой; такъ что, походя на мать лицомъ, Маргалити была много выше ея и равнялась съ нею граціей, превосходила ея крѣпостію сложенія; сверхъ того, прелестныя черты матери искажало постоянное выраженіе недовольства, тогда какъ лицо дочери сіяло ангельскою кротостію и добротой.

Въ то время царь занятъ былъ постройкой храма Двѣнадцати Апостоловъ въ Мцхетѣ, и туда направились наши путники, надѣясь найти синдскаго царевича въ свитѣ Вахтанга. Они дѣйствительно не ошиблись. На пути они узнали, что оба царевича синдскіе приняли христіанскую вѣру и, несмотря на дарованную имъ свободу, отказались возвратиться на родину.

Увы! старшій царевичъ, по имени Сильвестръ, былъ евтихіанецъ, хотя тщательно сбрывалъ свое заблужденіе отъ православнаго царя. Тронутый многолѣтнею привязанностію Дананы, Сильвестръ женился на ней и взялъ къ себѣ Маргалити и Константина.

Не трудно было Сильвестру обратить жену къ своему нечестію, но въ Маргалитѣ онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе.

Надѣясь подѣйствовать на нее черезъ Кон-

стантина, къ которому она имѣла неограниченное довѣріе, Сильвестръ призвалъ его и приказалъ въ присутствіи Маргалити прочесть Трисвятую пѣснь съ присовокупленіемъ печестивыхъ словъ *).

— Это ересь проклятаго Евтихіа, — гнѣвно отвѣтилъ старецъ.

Напрасны были всякія приказанія и угрозы: съ твердостью древнихъ мучениковъ Констанціи стоялъ на своемъ.

Тогда его изгнали изъ дома и стали употреблять на самыя тяжелыя, грубыя и непосильныя, по его лѣтамъ, работы.

На долю Маргалити выпало также не мало огорченій; кромѣ непріятностей отъ отчима, недугъ матери ея принялъ новую форму: она стала ревновать дочь къ своему мужу, гнала и притѣсняла ее и осыпала Сильвестра незаслуженными упреками. Хуже всего для бѣдной дѣвочки была разлука съ ея милымъ Константиномъ, безпредѣльная преданность и отеческая любовь котораго не разъ утѣшали и укрѣпляли ее во время ихъ труднаго странствованія. Усердно стала она молиться Богу, чтобъ онъ возвратилъ ей ея стараго друга и опытнаго наставника, вы-

---

*) Евтихіане поютъ Трисвятое такъ: Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, *распныйся за ны, помилуй насъ.*

браннаго самимъ старцемъ, и Господь услышалъ ея молитву.

Домъ Сильвестра стоялъ на краю той площади, на которой воздвигалась новая церковь. Проснувшись какъ-то ночью, Маргалити замѣтила, что вся комната ея залита мягкимъ свѣтомъ. Поспѣшно подошла она къ окну и увидѣла Константина въ пламенной молитвѣ между едва начатыми стѣнами новаго храма. Свѣтъ же, разбудившій ее, происходилъ отъ свѣтозарныхъ крылъ ангела, принимавшаго молитву старца и, въ видѣ благоухающаго ѳиміама, возносившаго ее на небо. Въ одно мгновенье открыла Маргалити окно и быстро подбѣжала къ старцу. Онъ уже окончилъ свою молитву и ангела не было. Радостно принялъ онъ измученную дѣвушку, которая поспѣшила облегчить свое горе, изливая предъ нимъ все, что было у нея на душѣ.

— Я день и ночь думаю о тебѣ и молюсь за тебя, — отвѣтилъ негръ, — и пришелъ къ заключенію, что намъ ничего другого не остается дѣлать, какъ бѣжать отсюда, но для этого нужны деньги, а гдѣ ихъ взять? Если бы мать твоя сохранила тѣ жемчуги, которые были тебѣ пожертвованы щедрымъ царемъ вашимъ, у насъ было бы достаточно средствъ, чтобы добратъся до Синда и

тамъ приобрѣсти для тебя хорошую осѣд-
лость. Сегодня я особенно горячо молился,
чтобы Господь далъ мнѣ средства скорѣе
спасти тебя отсюда, и Онъ послалъ мнѣ ан-
гела, который сказалъ: потерпи еще немно-
го, жемчугъ вернется; и такъ помолись, дитя
мое, чтобы Господь поспѣшилъ исполнить
сказанное ангеломъ.

Съ этими словами они преклонили колѣна
и, со слезами помолившись Богу, поспѣши-
ли разойтись, чтобы не быть замѣченными
своими мучителями. Мѣсяць взошелъ и лу-
чами своими освѣтилъ два камня, на кото-
рыхъ обильно сіяли блестящія капли, то
были свѣтлыя слезы мучениковъ.

Рано утромъ пришелъ юный вельможа
Мирианъ, которому поручено было смотрѣть
за воздвигасмымъ храмомъ, и, къ величай-
шему своему изумленію, нашелъ два камня,
усыпанные крупнымъ жемчугомъ. Онъ по-
спѣшилъ собрать драгоцѣнныя зерна и от-
нести ихъ царю.

„Это вѣроятно какой-нибудь смиренный
богачъ принесъ свой даръ новому храму“, —
заключилъ царь: — „жаль, что онъ не обозна-
чилъ, желаетъ ли онъ этимъ жемчугомъ

украсить икону или продажей его способствовать скорѣйшему возведенію храма, а мнѣ бы не хотѣлось продавать такую рѣдкость: жемчуги эти красоты невиданной“. — Подумавъ немного, Вахтангъ продолжалъ: „спрячься ты гдѣ-нибудь межъ камней нынче ночью, не придетъ ли опять нашъ невѣдомый жертвователь, подойди къ нему и проси точно объяснить свои желанія, при чемъ я тебѣ положительно запрещаю спрашивать его имя“.

Согласно приказанію царя, Миріанъ спрятався между обильными грудями всякаго строительнаго матеріала и на другой день явился къ царю съ слѣдующимъ докладомъ:

— Государь, возблагодаримъ Бога, въ ново-строющемся храмѣ уже обитаетъ благодать Божія, которая проявляется чудесами; вотъ что я видѣлъ: старецъ негръ и юная дѣвица, красоты необычайной, пришли къ стѣнамъ храма и долго бесѣдовали о своихъ несчастіяхъ. Изъ словъ ихъ я заключилъ, что дѣвица живетъ въ домѣ злого евтихіанца, который принуждаетъ ее къ своему нечестію, а негръ всячески укрѣпляетъ ее въ православіи и старается примѣромъ древнихъ мучениковъ поддержать ея мужество. Послѣ долгихъ разговоровъ они преклонили колѣна и горячо молились, орошая камни обиль-

ными слезами. Потомъ негръ благословилъ дѣвицу и оба они исчезли во мракѣ, я же продолжалъ сторожить, но никто другой не приходилъ до утра; когда же, собираясь уже домой, я мимоходомъ взглянулъ на камни, на которыхъ вечеромъ, подъ лучами мѣсяца, блистали слезы молившихся, я увидѣлъ, что всѣ онѣ претворились въ жемчугъ, который я снова принесъ къ тебѣ.

На слѣдующую ночь царь самъ отправился на сторожу и, подойдя къ пришедшимъ, ласковымъ словомъ заставилъ ихъ рассказать всю истину. Послѣдствіемъ этого разсказа было постыдное изгнаніе Сильвестра съ женой изъ предѣловъ Грузіи. Миріанъ испросилъ у царя позволеніе жениться на Маргалити, а въ видѣ приданого Вахтангъ далъ сиротѣ великолѣпное имѣніе съ роскошнымъ виноградникомъ, гдѣ молодая чета и поселилась, сдѣлавъ добраго Константина моуравомъ. Свыше дарованный жемчугъ былъ раздѣленъ пополамъ и одна часть была пожертвована на церковь Двѣнадцати Апостоловъ, а изъ другой сдѣлали ожерелье, которое Маргалити никогда не снимала съ шеи.

Стихи князя Алексѣя Петровича Кугушева.

Появленія Гульбата
Съ нетерпѣніемъ я жду.
О, когда жъ въ ограду сада
Я читателемъ войду?
Роза чувства, роза рая,
Роза красная, какъ кровь,
Распустилась въ немъ. Пылая
Вѣтеръ ей несетъ любовь;
Но она ему не внеслетъ
И душистою красой
Наклонясь, на вѣткѣ дремлетъ
Подъ серебряной росой.
И сотлѣвъ отъ нѣги страстной,
Вѣтеръ бурный застоналъ,
И нарядъ ея прекрасный
Безпощадно оборвалъ.
Но глядишь ужъ роза блещетъ
Въ лучезарной красотѣ,
И росинка вновь трепещетъ
На пурпуровомъ листѣ.
Эта роза — не простая,
Ей присущъ ея нарядъ;
Вѣдь взростилъ ее, играя,
Поэтическій Гульбатъ.

X.

ДАНЬ РОЗЪ.

Л Е Г Е Н Д А.

Въ нашей благословенной странѣ, гдѣ такъ ярко свѣтитъ солнце, гдѣ такъ сладко благоухаютъ цвѣты, гдѣ такъ звучно поютъ птицы, давно, давно, когда не только я, но и отецъ и дѣды мои еще не родились, жила юная и прекрасная чета въ аулѣ Мохде. Они были гостепріимны, и всѣ благословляли ихъ, а Господь всегда милостиво внемлющій благословеніямъ нищихъ и убогихъ, обильно изливалъ на нихъ дары благодати своей. У нихъ было все: юность, красота, здоровье, богатство и знатность, они искренно любили другъ друга, и внутреннее ихъ счастье было такъ же полно, какъ и наружное благоденствіе. Дѣти ихъ были здоровы, умны, добры и прекрасны. Особенно силою и ловкостью отличался старшій сынъ ихъ, маленькій Тимичъ, съ огненными глазами, то сверкающими какъ молнія, то мягкими и нѣжными какъ глаза юной горной козочки. Девять лѣтъ прожили такъ счастливые супруги, когда между аулами Мохде и Хамхи возгорѣлась кровавая распря.

Во время этой распри, отецъ Тимича былъ убитъ, такъ же, какъ его братья и сестры, а мать уведена въ плѣнъ, самъ Тимичъ спасся какимъ то чудомъ и сдѣлался любимцемъ и баловнемъ всего аула. Между тѣмъ, мать его, еще красивая и молодая женщина (у насъ выходятъ замужъ двѣнадцати лѣтъ) была продана въ Турцію, гдѣ украсила собою гаремъ султана. Въ этомъ сборищѣ красивыхъ и привлекательныхъ женщинъ, красота и привѣтливость ея затѣмняли всѣхъ и все, какъ наше яркое, свѣтлое солнце затѣмняетъ всѣ другія свѣтила. Султанъ былъ отъ нея безъ ума, и на нее сыпались непрерывно и драгоценныя ткани, и роскошныя ковры, и самоцвѣтные камни и безцѣнныя дорогія шали, все, чѣмъ такъ богатъ Востокъ, было у ея ногъ. Посреди всѣхъ этихъ искушеній, она оставалась вѣрна своему мужу. Только съ ея умомъ, возможно было, не удовлетворяя желаній султана, оставаться властительницей его сердца и предметомъ его нѣжной заботливости.

Въ этомъ отчасти помогло ей то обстоятельство, что она готовилась быть матерью уже мѣсяца четыре, въ то время, какъ попала въ плѣнъ. Влюбленный султанъ рѣшился дождаться рожденія чужого для него ребенка и затѣмъ жениться на своей плѣн-

ницѣ, которая была царской крови и потому имѣла право быть императрицей. Чѣмъ ближе было къ развязкѣ, тѣмъ веселѣе становилась будущая султанша, такъ, что окружающіе думали, что она забыла мужа. Но какъ жестоко они ошиблись! Наконецъ насталь роковой день, у нея родилась дочь Тушоли. Когда принесли къ ней ребенка, она долго глядѣла на нее и слезы градомъ текли изъ прекрасныхъ очей ея, потомъ она перекрестила ее и приказала унести.

„Позовите миѣ Самсона“, — сказала она.

Самсонъ былъ евнухъ, подаренный ей султаномъ и неотлучно при ней состоявшій.

Она умѣла привязать его къ себѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ тайный христіанинъ. Когда онъ пришелъ, она приказала ему взять онахало и ограждать сонъ ея отъ назойливыхъ мухъ, но она не хотѣла спать; это была хитрость, чтобы заставить всѣхъ удалиться и имѣть случай сказать ему слѣдующее:

„Самсонъ, тебѣ поручаю я мою новорожденную дочь Тушоли, обѣщай миѣ, явно или тайно, сдѣлать ее христіанкою, столь же искренною, какъ и ты самъ. Среди всѣхъ этихъ невѣрныхъ, не рабомъ ты былъ миѣ, а вѣрнымъ другомъ и цѣльнымъ братомъ. Миѣ уже не долго жить, по милости Божіей, я надѣюсь сегодня же соединиться съ моимъ

мужемъ, а тебя прошу замѣнить сиротѣ родителей. Ты знаешь всю мою исторію, силы мои не позволяютъ мнѣ говорить такъ странно, какъ бы я желала. Для виду, я поручу Тушоли султану, и увѣрена, что первое время вамъ будетъ хорошо, когда же положеніе ваше измѣнится, ты можешь найти какой-нибудь способъ вернуться въ Мохде и разыскать моего первенца, естественная обязанность котораго быть покровителемъ своей беззащитной сестры и ея престарѣлаго воспитателя, а теперь, дай мнѣ мой маленькій кинжалъ, не бойся, я не зарѣжусь, у меня даже нѣтъ силы это сдѣлать“.

Самсонъ вложилъ въ руки ея крошечный золотой кинжалчикъ, украшенный драгоценными камнями и прикрѣпленный къ роскошному поясу. Это былъ жениховскій подарокъ ея мужа, и она никогда съ нимъ не разставалась. Преданный старикъ, сквозь слезы, видѣлъ, какъ вспыхнуло лицо больной и глаза загорѣлись какимъ то необычайнымъ огнемъ, она вынула кинжалчикъ изъ ноженъ, и лезвіе его, тонкое, гибкое какъ змѣиный языкъ, поднесла ко рту.

— Она цѣлуетъ его, — подумалъ Самсонъ, и успокоился; но кинжалчикъ имѣлъ еще одно сходство съ змѣинымъ жаломъ, котораго старикъ не зналъ. Онъ былъ отравленъ.

Всосавъ ядъ, больная приказала Самсону, доложить султану, что желаетъ его видѣть.

Могущественный обожатель ея тотчасъ явился и былъ въ отчаяніи отъ мертвенности, уже запечатлѣнной на прекрасныхъ чертахъ. Въ гнѣвѣ на окружающихъ, онъ грозилъ имъ страшными карами, если тотчасъ не будутъ найдены врачи, могущіе возвратить ее къ жизни. Между тѣмъ, слабымъ, но выразительнымъ движеніемъ руки, больная показала, что желаетъ остаться съ нимъ наединѣ. Всѣ исчезли въ мгновеніе ока, и она сказала такъ:

„Минуты мои сочтены, я умираю, не заплативъ вамъ ни чѣмъ за ваши безчисленные милости ко мнѣ, и хочу просить еще новой: будьте отцомъ моей новорожденной дочери! Я желаю, чтобы вѣрный мой Самсонъ былъ при ней неотлучно и воспиталъ ее въ моей вѣрѣ; когда же она вамъ наскучитъ, пошлите ихъ въ Мохде, къ моему сыну Тимичу; если даже его не будетъ въ живыхъ, я увѣрена, что дочь моего мужа, всегда найдетъ, въ добрыхъ жителяхъ Мохде, покровителей и друзей“.

Съ этими словами, она скончалась. Гнѣву и отчаянію султана небыло границъ. Придворный врачъ и арифа (дама, завѣдующая гаремомъ) были немедленно повѣшены, а Самсону и его воспитанницѣ отведены

обширные покои, съ роскошнымъ содержаніемъ. Всякіе десять дней старикъ обязанъ былъ приносить маленькую Тушоли къ султану, который приласкавъ ее и одаривъ старика, отпускалъ ихъ, строго наказавъ окружающимъ ничѣмъ ихъ не беспокоить. Такъ прошло года три. Дѣтскія черты лица Тушоли получили поразительное сходство съ чудными чертами лица ея матери. Придворные стали замѣчать, что Султанъ по долгу любитъ ея, задумывается и вздыхаетъ, притомъ и посѣщенія изъ минутныхъ сдѣлались весьма продолжительными, а маленькая Тушоли своими дѣтскими ласками все болѣе и болѣе привязываетъ къ себѣ султана. Тотчасъ составились двѣ партіи: одна, желавшая сдѣлать себѣ изъ Тушоли орудіе, чтобы властвовать надъ султаномъ и потому непрестанно воспѣвающая ея прелести и балующая ея, другая, рѣшившая погубить ея, и потому неупускающая случая, тонкимъ образомъ, отвращать отъ нея властелина. Среди борьбы этихъ двухъ партій протекло дѣтство Тушоли, и она уже была взрослою дѣвицей, когда скончался султанъ. Преемникъ его принадлежалъ къ непріязненной партіи, и осторожный Самсонъ сталъ проситься въ Мохде. Разрѣшеніе уѣхать было дано съ радостью, и вскорѣ они при-

были въ Мохде. Здѣсь не трудно было отыскать Тимича. Его зналъ и старъ, и малъ. Старикъ спялъ молча съ гибкаго стана Тушоли тотъ поясъ съ кинжаломъ, который онъ подавалъ ей матери за нѣсколько часовъ до ея смерти, и подалъ его Тимичу, указывая на замыкающую его круглую бляху.

На ней были вырѣзаны имена его родителей.

„Это поясъ, — всегда обвинявшій станъ моей матери“ — вскричалъ юноша, — „гдѣ она? Чѣмъ я могу наградить тебя, старецъ? Ты отъ нея присланъ?“

— Я точно пришелъ по ея волѣ, — отвѣтилъ Самсонъ, — умирая, приказала она мнѣ проводить къ тебѣ твою сестру и передать ее подъ твое покровительство.

„Какъ сестру? развѣ не всѣ мои сестры и братья погибли вмѣстѣ съ отцомъ?“

При этомъ онъ взглянулъ на молодую дѣвушку и видимо пораженъ былъ ея необычайною красотой.

— Сходство ея съ покойною твоей матерью должно убѣдить тебя въ справедливости моихъ словъ.

Затѣмъ посыпались вопросы и отвѣты. Старикъ и Тушоли помѣстились въ домъ Тимича, и Самсонъ радовался, видя, какъ скоро молодые люди сблизились. Но радоваться тутъ было нечему.

Двадцатилѣтній Тимичъ, горячій, необдуманнѣй, не привыкшій стѣсняться, таилъ такіе замыслы, отъ которыхъ у Самсона стали бы волосы дыбомъ, если бъ онъ ихъ понялъ. Что же удивительнаго что двѣнадцатилѣтняя Тушоли не умѣла опредѣлить чувства брата и довѣряла ему во всемъ съ дѣтскимъ простодушіемъ. Страстное увлеченіе Тимича росло не по днямъ, а по часамъ, и разъ, во время прогулки, не стѣняясь присутствіемъ Самсона, онъ высказалъ свои намѣренія. Самсонъ, въ негодованіи, бросился между молодыми людьми и былъ пораженъ кинжаломъ, а испуганная Тушоли кинулась въ пропасть. При видѣ этого, умирающій старикъ проклялъ нечестивца, и внезапно совершилось чудо. Тимичъ превратился въ вѣтеръ и сталъ безумно выть и свистать надъ пропастью, а преданный Самсонъ обращенъ былъ въ гигантскій розовый кустъ, среди котораго красовалась необычайной величины роза. По волѣ Божіей, ангелы съ чуднымъ пѣніемъ, спустились въ пропасть, извлекли оттуда тѣло Тушоли и осторожно опустили его въ самую середину исполинской розы, благоухающіе лепестки которой немедленно сжались и погребли въ себѣ умершую.

Привлеченные ангельскимъ пѣніемъ, жи-

тели Мохде сбѣжались толпой къ розѣ, и многіе изъ нихъ видѣли, какъ ангелы погребали Тушоли въ розѣ. Но Тимичъ не успокоился, онъ съ остервененіемъ бросился на розовый кустъ и хотѣлъ сломать его, но чѣмъ больше онъ раскачивалъ вѣтви, тѣмъ плотнѣе онѣ пригибались къ розѣ, и тѣмъ лучше защищали ее отъ его нападеній. Когда же ему удалось разнести нѣжные лепестки розы, Тушоли уже не было, тѣло ее испарилось въ дивномъ благоуханіи. Жители Мохде обнесли святую розу каменною оградой, назвали это мѣсто Тушоли, и ежегодно, когда зацвѣтутъ первыя розы, справляютъ своеобразный праздникъ именуемый „дань розъ“. Церемонія заключается въ слѣдующемъ: Каждая молодая дѣвушка набираетъ полный подолъ розовыхъ лепестковъ, и ставъ одна за другою, ожидаютъ выхода самаго древняго старика селенія. Онъ выходитъ одѣтый въ бѣлую одежду и неся въ рукѣ бѣлое знамя, древко котораго увито розами и увѣшано колокольчиками, а наверху горитъ восковая свѣча. Ставъ во главѣ дѣвушекъ, старикъ подаетъ знакъ, и процессія чинно направляется къ Тушоли, за нею, на большомъ разстояніи, слѣдуютъ молодые люди, ведя барановъ, и неся обычныя приношенія, то есть: рога, пули,

копья, шелкъ и пр. Процессія обходить Тушоли три раза съ пѣніемъ, въ которомъ повѣствуется все вышерасказанное, тогда дѣвушки, по очереди, входятъ въ ограду и высыпаютъ въ извѣстномъ мѣстѣ, свое благоухающее приношеніе, приговаривая;

„Святая Тушоли, помогай мнѣ! Святой Самсонъ защити меня отъ проклятаго Тимича и ему подобныхъ!“

На образовавшуюся грудю розовыхъ лестковъ старикъ ставитъ свое знамя, говоря:

— Святая Тушоли умудри меня, святой Самсонъ помоги мнѣ защитить всѣхъ этихъ дѣвъ отъ проклятаго Тимича и ему подобныхъ!

Послѣ чего старикъ садится у подножія знамени, а у ногъ его располагаются молодые дѣвицы. Тогда входятъ молодые люди и ставъ на одно колѣно, говорятъ почтительное привѣтствіе старцу и дѣвамъ, и потомъ обращаются въ противоположный уголъ, гдѣ проклинаютъ Тимича, осрамившаго ауль ихъ, за симъ, рѣжутъ барана и пируютъ, со всѣми присутствующими.

Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, мнѣ случилось быть въ этомъ мѣстѣ и своими глазами видѣть, нѣсколько розъ внутри ограды, которая, кажется, существуетъ до сихъ поръ. Розы эти дѣйствительно не-

обычайно крупны, однако не только взрослая дѣвица, но даже новорожденный младенецъ не можетъ помѣститься внутри цвѣтка.

Я помню, что тогда говорили, съ сожалѣніемъ, что праздникъ „дань розъ“ уже не исполняется ежегодно! Такъ, понемногу, исчезаютъ старинныя обычаи и забавы и замѣняются новыми, не всегда удачно выбранными, не измѣняется только Тимичъ, который такъ же безпокоенъ теперь, какъ былъ прежде, то воетъ и плачетъ какъ дитя, то бунтуетъ, какъ разбойникъ и опрокидываетъ цѣлыя зданія. Неправисть его къ розамъ не угасаетъ, и, какъ только завидитъ онъ нѣжный цвѣтокъ, немедленно начинаетъ дуть кругомъ, съ остервененіемъ, пока не разнесетъ благоухающихъ лепестковъ его далеко по странѣ.

Теперь исторія Тушоли уже забыта, но имя ея, между чеченцами, присвоено всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, куда они ходятъ совершать молитвенныя приношенія.

XI.

**ЗАКОЯДОВАНИИ
ШКОЛ.**

Л Е Г Е Н Д А.

Заря занималась надъ „Ручьемъ слезъ стремяннаго“, по берегу котораго взадъ и впередъ мелькала тѣнь молодой женщины. На рукахъ ея лежалъ ребенокъ. Она то поврывала его поцѣлуями, то судорожно прижимала его къ груди, то стремительно спускалась къ ручью и вытягивала руки, какъ будто собиралась кинуть его въ воду, и вдругъ еще быстрее, еще безумнѣе убѣгала отъ ручья и, бросаясь на землю, орошала ребенка слезами. Она ломала себѣ руки и предавалась величайшему отчаянію.

Между тѣмъ, день прояснялся. Хижина Небротха отворилась и на порогѣ показались хозяева. Небротхъ помолился на востокъ, поцѣловалъ свою жену и пошелъ обрабатывать свое поле, а Русудана, съ ведромъ въ рукѣ, направилась къ источнику, гдѣ въ эту минуту раздался плескъ воды и затѣмъ крикъ младенца.

Во мгновеніе ока Русудана уже была въ водѣ и схватила утонавшаго ребенка.

„Небротхъ! крикнула она и, поднявъ глаза, съ удивленіемъ увидѣла, что онъ, вмѣсто того, чтобы спуститься къ ней, бросился въ кустъ и вытащилъ оттуда силой молодую женщину.

Русудана вышла къ нимъ со своею плачущею ношей. Мать, только что хотѣвшая бѣжать, забыла все и бросилась утѣшать ребенка. Русудана и Нобротхъ молча взяли ее за руки и повели къ себѣ.

Здѣсь согрѣли и накормили ее и успокоивъ, какъ могли, просили рассказать свою исторію. Долго отказывалась незнакомка, но наконецъ, послѣ многихъ рыданій начала свой рассказъ.

— Зовутъ меня Сенфора, я еврейка родомъ, и живу во дворцѣ, гдѣ отецъ мой получаетъ хорошее содержаніе, потому что никто искуснѣе его не умѣетъ украшать драгоценными камнями и жемчугомъ золотое и серебряное оружіе, посуду и прочее. Изъ послѣдняго своего похода въ землю абашей, царь Вахтангъ привелъ тысячу семействъ плѣнныхъ ремесленниковъ, въ томъ числѣ и родителей Фарнаваза, который научился отъ нихъ столь же искусно работать изъ драгоценныхъ деревъ, перламутра и слоновой кости, какъ отецъ мой изъ золота, серебра и самоцвѣтныхъ камней. Государь

приказалъ имъ вмѣстѣ сработать драгоценный шкафъ, въ которомъ намѣренъ хранить государственныя бумаги; Фарнавазъ переѣхалъ къ намъ, и вотъ начало моего несчастія.

И молодая женщина закрыла лицо руками и громко зарыдала. Небротхъ вышелъ, а Русудана обняла ее и долго молча сидѣла съ нею, цѣлуя по временамъ ее горячую голову. Наконецъ, Сепфора подняла глаза и, видя, что Небротха нѣтъ, продолжала свою печальную исторію.

— Ты никогда не видала моего Фарнаваза, — сказала она, — и не можешь вообразить себѣ, какой онъ красивый, статный, ловкій и сильный. Въ его рукахъ твердые кораллы и сердолики дѣлаются послушны какъ воскъ, и какія чудныя изображенія свѣтилъ небесныхъ, цвѣтовъ, рыбъ и звѣрей дѣлаеть онъ изъ нихъ! До него жизнь моя была утомительно скучная, цѣлый день возись съ дѣтьми и хозяйствомъ, а вечеромъ измученный отецъ поласкаетъ, поцѣлуешь меня и заснетъ, и слова сказать не съ кѣмъ. Съ приходомъ же Фарнаваза все измѣнилось. Слушая его, я всякій вечеръ уносила въ какой-то невѣдомый дотолѣ для меня миръ, гдѣ все было такъ прекрасно, гдѣ даже страшное и ужасное казалось заманчиво,

гдѣ все дышало какою-то волшебною пределью. Разъ какъ-то они съ отцомъ рѣшили, что верхъ шкафа долженъ украшать большой плоскій коралль, на которомъ слѣдуетъ вырѣзать лучшее изображеніе изъ всей этой художественной работы.

— Я давно уже нашелъ предметъ для этого изображенія и если ты согласишь, то завтра примусь за работу, сказалъ Фарнавазъ.

— Что ты намѣренъ изобразить? — спросилъ отецъ.

— Голову Сепфоры, — отвѣтилъ Фарнавазъ.

Съ тѣхъ поръ мы съ утра до вечера были неразлучны, я жила какъ въ раю, не думая ни о чемъ, кромѣ какъ о своемъ счастьи. У меня родился ребенокъ, и вотъ отецъ вдругъ разразился на меня проклятіями, объявивъ рѣшительно, что онъ не желаетъ ничего ни знать, ни слышать о ребенкѣ и его отцѣ — Фарнавазѣ. При этомъ онъ объяснилъ мнѣ, что никогда не дастъ своего согласія на бракъ съ язычникомъ, рвалъ на себѣ волосы и плакалъ какъ дитя, говоря, что я осырамила его сѣдины. Фарнаваза онъ выгналъ изъ дому и я не знаю, что съ нимъ случилось; тогда отецъ вернулся ко мнѣ и снова сталъ проклинать меня, грозя запереть на всю жизнь въ одну комнату, на хлѣбъ и

на воду, если я въ теченіе сутокъ не скрою ребенка. Что мнѣ было дѣлать? Все это огорчило меня тѣмъ болѣе, что до этой минуты онъ только баловалъ меня и восхищался мной. Съ зарей я встала и пошла вдоль царскаго сада съ ребенкомъ на рукахъ. Дойдя до конца сада, я увидала обрывъ, по которому протекалъ ручей, и мысль утопить ребенка мелькнула у меня въ головѣ. Долго я не рѣшалась на это, но когда разсвѣло и я увидѣла, что кто-то приближается къ ручью, внезапная рѣшимость овладѣла мною, я бросила ребенка и хотѣла бѣжать, но твой мужъ силой удержалъ меня; теперь мнѣ некуда идти. Я не могу и не хочу жить безъ Фарнаваза, между тѣмъ мнѣ нельзя вернуться къ нему съ ребенкомъ. Не живя съ отцомъ, ему все же придется жить во дворцѣ, а царь не терпитъ ничего подобнаго. Мнѣ жаль моего ребенка, но я не промѣняю Фарнаваза на него, и если приходится выбирать одного изъ нихъ, то пусть погибнетъ малютка.

— Такъ отдай же лучше его мнѣ, — сказала Русудана, — я увѣрена, что когда ты немного успокоишься, ты сама придешь за нимъ. Неужели тебѣ не жаль погубить это маленькое, ничѣмъ неповинное существо? И

взявъ его на руки, добрая Русудана, начала цѣловать и няньчить его.

Въ это время вошелъ Небротхъ. Жена сообщила ему о своемъ намѣреніи. Лицо Небротха освѣтилось улыбкой. — Хорошо, — сказалъ онъ, — а теперь выйди и дай мнѣ поговорить съ нашею гостьей. И онъ обратился къ Сепфорѣ.

Напрасно истощалъ онъ все свое краснорѣчіе, себялюбіе еврейки заглушало въ ней всѣ другія чувства, она хладнокровно выслушала всѣ его доводы и, не перемѣнивъ своего намѣренія, вернулась къ отцу.

Между тѣмъ еврей одумался. Прогнавъ Фарнаваза, работавшаго съ нимъ по приказанію царя, онъ поставилъ себя въ невозможность окончить шкафъ, да, сверхъ того, принуждалъ Фарнаваза довести объ этомъ до свѣдѣнія дворцоваго казначея, безъ разрѣшенія котораго онъ не смѣлъ перемѣнить своего жилища, а тутъ еще дѣти поднялись. некому ихъ унять, некому и кушанье приготовить.

Хотя онъ не желалъ огласки, потому что зналъ, что за это и его, и Сепфору, и Фарнаваза выгонять изъ дворца и ему придется умирать съ голоду, но онъ хорошо понималъ, что Сепфора ему необходима, къ тому же любовь его къ ней проснулась съ преж-

нею силой, и онъ сталъ уже раскаиваться, что не обѣщаль молодымъ людямъ позволить имъ вѣнчаться черезъ нѣсколько времени, чтобы тѣмъ удержать ихъ обоихъ для своихъ домашнихъ и художественныхъ работъ. Въ это время дверь отворилась и вошла Сепфора. Увидавъ, что ребенка у нея нѣтъ, еврей счелъ за благо не спрашивать о немъ, а просто сообщилъ ей о своемъ намѣреніи идти за Фарнавазомъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ сказать кому-либо о случившемся и объяснить, ему что онъ согласенъ на ихъ бракъ, въ отдаленномъ будущемъ, когда Фарнавазъ обезпечить себѣ болѣе независимое положеніе.

Сепфора была на высотѣ счастья, она не вѣрила своимъ ушамъ и бросилась цѣловать отца.

Оказалось, что выгнанный Фарнавазъ ушелъ ночевать къ товарищу абашу и никому ничего не сказалъ о случившемся.

Отецъ отвелъ его въ сторону и просилъ, забывъ вчерашнюю ссору, вернуться къ нему.

Удивленный и обрадованный Фарнавазъ не заставилъ повторять столь пріятное извѣстіе, они вышли вмѣстѣ, но старикъ сказалъ ему, чтобъ онъ шелъ къ Сепфорѣ, не дожидаясь его, такъ какъ ему нужно зайти еще къ одному другу.

Едва Фарнавазъ открылъ дверь, какъ Сепфора бросилась къ нему на шею.

— Гдѣ ребенокъ? — было первымъ его вопросомъ.

— Его взяли добрые люди, живущіе въ долину за царскимъ садомъ, — отвѣтила она.

— Какъ же ты нашла ихъ? — снова спросилъ Фарнавазъ, и Сепфора рассказала все.

Увлеченная своимъ повѣствованіемъ, она вовсе не замѣтила того впечатлѣнія, которое произвело на Фарнаваза намѣреніе ея утопить ребенка.

Съ этой минуты его чувства къ ней замѣтно охладились.

Онъ чаще и чаще сталъ навѣщать своего сына, подолгу бесѣдуя съ Небротхомъ, и въ одинъ прекрасный день вернулся къ еврею съ сіяющимъ лицомъ и объявилъ ему, что онъ на дняхъ крестился и нареченъ Георгіемъ.

Когда же узналъ объ этомъ царь, то Георгія взяли во внутренніе покои. Къ еврею онъ ходилъ сначала разъ въ недѣлю, между тѣмъ отвращеніе его къ Сепфорѣ расло не по днямъ, а по часамъ; посѣщенія его становились все рѣже и рѣже.

Однажды онъ пришелъ скучный и озабоченный.

— Младенецъ нашъ очень боленъ, — ска-

залъ онъ Сепфоръ и пытливо взглянулъ въ ея лицо, ожидая увидѣть въ немъ выраженіе грусти, но, къ величайшему его ужасу, глаза ея сверкнули радостью.

— Такъ, наконецъ, устраняется это препятствіе къ нашему браку!— радостно сказала она.

— Сепфора! что ты говоришь? опомнись!— воскликнулъ Георгій.

— Я помню, какъ ты мнѣ предлагалъ жениться, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы взять ребенка и сдѣлать мой позоръ достояніемъ всѣхъ дворцовыхъ сплетницъ, а теперь я гордо подниму голову и пусть они помѣряются со мною красотой, умомъ и ловкостью.

— Неужели же тебѣ не жаль своего собственного ребенка?

— Есть о чемъ жалѣть!— отвѣтила она злобно,— онъ причина моего несчастія, ты охладѣлъ ко мнѣ, и думаешь только о немъ; теперь когда ты такъ скоро достигъ обезпеченнаго положенія, наша жизнь во дворцѣ была бы настоящимъ райскимъ житьемъ, если бы этотъ ребенокъ не ложился темнымъ пятномъ на мою честь!

— Пойми же, что онъ ничѣмъ не повиненъ, мы оба неизреченно виноваты предъ нимъ и должны, по справедливости, нести

наказаніе за нашу вину. Зачѣмъ ты принимаешь это какъ какой-то злой умыселъ противъ тебя? Узнавъ объ его существованіи, царь гораздо строже отнесется ко мнѣ, нежели къ тебѣ, и если я считаю своимъ долгомъ взять ребенка, хотя легко могу черезъ это лишиться милостей царскихъ, то чего же бояться тебѣ? Неужели же ты не захочешь перенести заслуженнаго стыда за счастье имѣть свое дѣтище при себѣ?

— Для моего счастья не нужно никого кромѣ тебя, — сказала Сепфора, — думая этимъ обворожить Георгія, но слова ея произвели на него обратное дѣйствіе.

— Невозможно думать только о себѣ, — сказалъ онъ съ видимымъ отвращеніемъ.

На другой день ребенокъ умеръ. Сепфора ни разу его не провѣдала и не пошла на похороны, страшась сплетенъ и тѣмъ окончательно оттолкнула отъ себя Георгія. Онъ вовсе пересталъ ходить къ еврею.

Въ это время Георгію уже было двадцать семь лѣтъ, положеніе его казалось обезпеченнымъ, давно пора было жениться, но онъ ни за что не хотѣлъ взять опротивѣвшую ему Сепфору и не считалъ себя вправѣ жениться на другой.

Между тѣмъ царь Вахтангъ Гургасланъ скончался, и на престолъ вступилъ сынъ его, Датчи.

Вторая супруга царя Вахтанга Гургаслапа, греческая царица Елена, имѣла трехъ сыновей.

Меньшой изъ нихъ, Мирдаты, выстроилъ въ Джавахетѣ церковь Цкарось-Тавъ. Онъ ничего не жалѣлъ для украшенія новаго храма. Драгоцѣнные мраморы хитрыми узорами раскинулись по всему полу. Лучшіе художники оплели наружныя стѣны какъ бы кружевами изъ льняной работы; внутренняя живопись была такъ хороша, что изображенные святые казались живыми. Сосуды были чистаго золота и сіяли камнями. Лучшіе писцы и живописцы трудились надъ богослужебными книгами, каждая страница которыхъ изукрашена была изящными изображениями.

Наконецъ, надо было подумать и объ одеждахъ. Безцѣнные парчи, бархаты, жемчугъ, самоцвѣтные камни— все было дано въ изобиліи и поручено искусству знаменитѣйшей швеи своего времени, гречанкѣ Олимпіадѣ.

Сребролюбивая столько же, сколько и искусная, Олимпіада похищала множество сокровищъ и передавала ихъ возлюбленному своему, который былъ никто иной, какъ нашъ знакомый Георгій.

Поведеніе Олимпіады возмущало его; но она была обворожительно хороша, хитра

какъ бѣсъ и такъ же безжалостна. Вліяніе этой женщины разстлѣвающимъ образомъ стало дѣйствовать на благородную душу Георгія. Каждый ея взглядъ, каждое ласковое слово пріобрѣталось потерей какого-нибудь добраго качества. Были минуты когда Георгій приходилъ въ ужасъ отъ той пропасти, въ которую онъ шелъ, но Олимпіада, зорко за нимъ слѣдившая, именно въ эти мгновенія и бывала необычайно мила, разговорчива и увлекательна и вскорѣ заставляла его забывать весь свѣтъ.

Всего труднѣе было склонить его на участіе въ воровствѣ камней. Онъ былъ искренно благочестивъ и вся душа его возмущалась при мысли, что и онъ и Олимпіада обкрадываютъ церковь того Бога, которому онъ вѣровалъ всѣмъ сердцемъ.

— Ты вѣришь, что за это я попаду въ адъ и не хочешь раздѣлить мою участь. Гдѣ же твоя любовь? Я, признаюсь, не хотѣла бы быть и въ раю безъ тебя,—говорила Олимпіада, и опьяненные ея ласковыми словами, ея нѣжными взглядами, ея обворожительными улыбками, онъ продолжалъ исполнять ея волю.

Случилось разъ, что выйдя отъ Олимпіады съ нѣсколькими драгоценными камнями во рту, Георгій встрѣтилъ на дорогѣ нищую,

которая горько плакала и просила помочь ей на похороны сына.

„Быть можетъ молитва этой женщины очиститъ нашъ грѣхъ“, — подумалъ Георгій, тщательно оглянувшись во все стороны и, не видя прохожихъ, поспѣшно вынулъ яхонтъ изо рта и подалъ нищей, но каково же было его удивленіе, когда, взглянувъ на подавннѣ, женщина съ сердцемъ бросила ему яхонтъ въ лицо, воскликнувъ: „Проклятъ будь нехристь поганый, обкрадывающій храмъ Божій, пусть лучше тѣло сына моего истлѣветъ отъ жары безъ погребенія, чѣмъ душа моя истлѣла бы въ аду вмѣстѣ съ твоею!“ Съ этими словами нищая исчезла, а Георгій, поспѣшивъ къ Олимпіадѣ и рассказавъ ей подробно о своей неосторожности, умолялъ бѣжать вмѣстѣ.

Изъ словъ нищей ясно было, что исчезновеніе камней замѣчалось не только близкими къ дѣлу людьми, но что даже слухъ объ этомъ распространенъ былъ въ народѣ.

На его горячія мольбы и слезы Олимпіада весьма холодно отвѣтила, что не желаетъ лишаться выгоднаго заработка, а для безопасности ея достаточно удалиться ему, Георгію. Когда онъ будетъ внѣ опасности, Олимпіада свалитъ всю вину на него и будетъ продолжать работать.

Кажется невозможно было болѣе сомнѣваться въ ея равнодушіи къ Георгію, но хитрая гречанка расплакалась на шеѣ у своего возлюбленнаго и сумѣла убѣдить его, что она въ полнѣйшемъ отчаяніи отъ необходимости разлучиться съ нимъ на время и жестоко упрекала его, что онъ своею неосторожностью навлекъ на нихъ такое горе.

Георгій, самъ не свой отъ отчаянія, пошелъ посоветоваться съ старымъ индѣйцемъ, который училъ его мастерству, и на котораго возложено было окончить шкафъ. Старикъ считался колдуномъ и, конечно, легко могъ найти способъ помочь всякому горю.

Онъ принялъ сердечное участіе въ затрудненіи своего любимаго ученика и, подумавъ немного, повелъ его въ свою потаенную мастерскую, въ ту мастерскую, куда никто не смѣлъ входить, гдѣ онъ работалъ одинъ надъ знаменитымъ шкафомъ и собиралъ его изъ тѣхъ безчисленныхъ медальоновъ, колоннокъ, рамокъ и клинушковъ, которые, по заказу еврея и Георгія, исполняли и рѣзчики, и золотыхъ дѣлъ мастера, и токари, и живописцы. Шкафъ былъ почти уже законченъ.

Въ подножіи шкафа былъ вдѣланъ шестиугольный камень зеленоватаго цвѣта, на которомъ художественно была высѣчена крылатая змѣйка.

— Тебѣ не хочется разстаться съ Олимпіадой и опасно остаться здѣсь; вотъ тебѣ сѣмячко: если ты его проглотишь, то обратишься въ крошечную мошку, которую, въ свою очередь, проглотитъ эта каменная змѣйка и, взмахнувъ крылами, полетитъ куда тебѣ угодно. Но предупреждаю тебя, что отлучка ея можетъ продолжаться только въ теченіе двухъ часовъ и то съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ты не произносилъ имя христіанскаго Бога.

Послѣднее условіе смутило Георгія, онъ поколебался одну минуту, но любовь превозмогла и онъ протянулъ руку къ сѣмячку.

— Прежде чѣмъ отдавать тебѣ этотъ талисманъ, я долженъ предупредить тебя еще, что тебѣ невозможно будетъ возвратитъ себѣ свой прежній образъ до тѣхъ поръ, пока змѣйка не обратитъ снова въ юную и прекрасную дѣвицу. Когда случится это превращеніе — я не могу сказать, быть можетъ, и никогда. Подумай, прежде чѣмъ сдѣлать этотъ безповоротный выборъ, что лучше: сохранить свой теперешній образъ прекраснаго юноши и спастись бѣгствомъ, или вѣчно быть заключеннымъ въ барельефъ этого шкафа, отдѣляясь отъ него только два часа въ сутки и то внутри каменной змѣйки?

— Въ первомъ случаѣ я на вѣкъ долженъ разлучиться съ Олимпіадой, въ послѣднемъ я всякую ночь буду ее видѣть. Я выбираю послѣдній, — отвѣтилъ Георгій и снова протянулъ руку.

— Завтра я думаю окончить шкафъ, — снова началъ старикъ, все еще держа за вѣтное сѣмячко въ своихъ рукахъ. — Ты знаешь, что онъ предназначенъ для государя и, слѣдовательно, будетъ находиться во дворцѣ. Въ теченіе двухъ часовъ въ сутки змѣйка будетъ исполнять твою волю, остальное время она, а внутри ея и ты, неизмѣнно будете украшать собою подножіе шкафа.

— Я согласенъ на все, лишь бы мнѣ видѣть Олимпіаду, — и, взявъ сѣмячко, онъ проглотилъ его и тотчасъ же вскрикнулъ отъ боли, такъ сильно всѣ члены его стали сжиматься и суживаться.

Между тѣмъ, до тѣхъ поръ окаменѣлыя глаза змѣйки теперь оживились и весело засверкали. Вскорѣ она вытянула головку по направленію къ блестящей мошкѣ, въ которую обратился Георгій, и, проглотивъ ее, спокойно возвратилась на свое прежнее мѣсто и снова получила свой мертвый, каменный видъ.

Старый индѣецъ поспѣшно принялся за

окончаніе шкафа, какъ будто вовсе ничего не случилось, а Георгій притаился въ горлѣ змѣйки и безпрестанно нашептывалъ ей: „Милая змѣйка, какъ только придетъ полночь, полетимъ къ Олимпіадѣ, она накормитъ тебя жемчугомъ и драгоценными камнями, напоитъ серебромъ и золотомъ и положитъ спать на парчѣ и бархатѣ“, но змѣйка упорно молчала и бѣдная мошка грустно поджала свои крошечныя лапки, сложила свои прозрачныя крылышки и заснула.

Проработавъ до вечера, старый индѣецъ окончилъ свой многолѣтній трудъ и съ гордостью смотрѣлъ на него. И подлинно было на что любоваться. Какое различіе матеріаловъ, формъ и красокъ и какое стройное, изящное, гармоническое цѣлое! Вотъ розовый коралль, необычайной величины, глядя на него, не знаешь чему болѣе дивиться: рѣдкому цвѣту камня, его невиданной величинѣ или тому искусству, съ которымъ высѣчена на немъ головка прелестной женщины; а вотъ янтарь съ искуснымъ изображеніемъ поединка между двумя воинами. Далѣе привлекаетъ вниманіе бѣлый сердоликъ съ прекраснымъ изображеніемъ льва, а тамъ голубая лава съ выпуклымъ жукомъ. Между всѣхъ этихъ камней видны куски

золота всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, серебра, платины, мѣди, фигурки изъ слоновой кости цвѣтныя и бѣлыя; кусочки зеркала, рѣзьба изъ разноцвѣтныхъ деревъ и живописные медальоны самой тонкой миниатюрной работы. Къ этому надо прибавить, что не было двухъ предметовъ одинаковой формы. Такъ, на примѣръ, подножіе шкафа было мраморное и всѣ, тогда извѣстныя, разновидности мрамора нашли себѣ тамъ мѣсто. Правильныя геометрическія фигуры окружались самыми причудливыми вырѣзками, напоминавшими пальмы турецкихъ шалей и арабски персидскихъ ковровъ.

Наглядѣвшись досыта на свое произведеніе, старикъ пошелъ спать. а ровно въ полночь змѣйка снова оживилась и, взмахнувъ крылами, вылетѣла изъ дома и понеслась прямо къ лунѣ, въ срединѣ которой находится цѣлое озеро свѣта. Змѣйка остановилась надъ нимъ и сказала: „Я широко раскрою ротъ, а ты выпорхни изъ горла и садись мнѣ на голову, тогда тебѣ будетъ все видно и слышно“. Мошка повиновалась. Тогда змѣйка окунулась въ озеро свѣта и выкатилась изъ него уже падучею звѣздой, лишь крошечная ея головка, а на ней микроскопическая мошка остались въ прежнемъ ихъ видѣ и по своей миниатюрности и темному цвѣту были почти невидимы.

Паденіе звѣзды было чрезвычайно быстро, такъ что бѣдной мошкѣ захватило духъ и она дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы удержаться на головкѣ змѣйки.

Звѣзда остановилась надъ крышей дома, занимаемаго Олимпіадою.

Удивленіе мошки было неописанное, когда она увидѣла молодого человѣка, прогуливающагося на крышѣ. По парящей одеждѣ и непринужденности движеній, легко было догадаться, что это кто-нибудь изъ молодыхъ вельможъ. Черезъ мгновеніе на крышу вышла Олимпіада.

Какъ она была хороша, облитая мягкимъ, ласкающимъ свѣтомъ луны. Глаза ея, всегда прекрасные, въ эту минуту, казалось, заимствовали блескъ свой отъ небеснаго свѣтила и тихо горѣли нѣжностью.

Молодой человѣкъ не сводилъ съ нея восхищенныхъ взоровъ, онъ любовался ею, упивался ея красотой. Олимпіада положила ему руки на плечи и легкимъ движеніемъ заставила его опуститься на тахту, на которую сѣла рядомъ съ нимъ.

А бѣдная мошка! Надо было удивляться, какъ такой океанъ желчи и злобы могъ вмѣститься въ ея крошечномъ тѣлѣ. Она напрягала всѣ свои силы, чтобы слышать, что они говорятъ, но могла только видѣть,

что Олимпиада о чемъ-то усердно просить своего собесѣдника, на лицѣ котораго сначала изобразилось удивленіе, потомъ отвращеніе и гнѣвъ. Олимпиада, съ умоляющими движеніями, подавала ему какой-то нарядный кошелекъ, а онъ отъ него отказывался и пятился. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, схватилъ кошелекъ за шнурки, ударилъ имъ Олимпиаду по головѣ и, бросивъ его съ крыши, самъ поспѣшно удалился.

Раздирающій душу крикъ Олимпиады принудилъ даже безчувственную звѣздочку нѣсколько приблизиться, и мошкѣ стало стыдно за свою возлюбленную, когда она увидѣла причину ея отчаянія. Брошенный кошелекъ зацѣпился за какое-то остроконечное украшеніе дома и висѣлъ надъ рѣкой, одинъ бокъ его прорвался и драгоценные камни тихо сыпались изъ него, сверкая разноцвѣтными огнями и исчезали въ водѣ, на поверхности которой показывались только крошечные пузырьки.

Олимпиада въ отчаяніи рвала на себѣ волосы, ломала себѣ руки и, наконецъ, въ напрасныхъ усиліяхъ дотянуться до кошелька, сорвалась съ крыши и сама была поглощена водой.

Мошка пришла въ неописанное волненіе. „Сиди смирно и не мѣшай мнѣ дѣйствовать!“

сказала звѣздочка-змѣйка и устремила свои пронизательные глазки на воду. Взглядъ ея, казалось, пронизывалъ воду до самаго дна. Въ немъ было что-то притягивающее, магнетическое и вотъ мошка видитъ, какъ на гладкой поверхности воды сначала показались круги, а потомъ голова Олимпіады, съ глазами, устремленными въ глаза змѣйки. И змѣйка стала медленно подниматься по небу. Олимпіада, влекомая сверхъестественною силой, слѣдовала за ея движеніями и вся поднялась надъ водой; тогда змѣйка также медленно перемѣнила направленіе и подвигалась къ Цкарось-Тавъ; Олимпіада по воздуху слѣдовала за нею. Достигнувъ церкви, звѣздочка стала спускаться на крыльцо и такимъ образомъ вывела на него Олимпіаду. Восхищенная мошка жужжала: „Олимпіада, Олимпіада, ты спасена“.

— Кто бы ты ни былъ, спасшій меня, — сердито отвѣтила неблагодарная, — я проклинаю тебя! на что мнѣ жизнь безъ тѣхъ сокровищъ, которыхъ я лишилась. Если ты могъ спасти меня, то, конечно, могъ бы спасти драгоценные камни, но ихъ ты, вѣроятно, приберегаешь для себя!

— Ты ошибаешься, — съ видимымъ неудовольствіемъ отвѣтила змѣйка, — камни эти, похищенные изъ церкви, должны возвратить-

ся въ нсе, мнѣ же они совершенно не нужны, и я ихъ вызову изъ воды только въ такомъ случаѣ, если ты обѣщаешь мнѣ возвратить каждый изъ нихъ на свое мѣсто.

Олимпіада обѣщала, а змѣйка, рѣшившая, что ей пора домой, объявила ей, чтобы она явилась въ храмъ на слѣдующую ночь за полученіемъ потонувшихъ сокровищъ.

Мошка прожужжала нѣсколько нѣжностей, на которыя Олимпіада не отвѣтила, потому ли что не слыхала, или по равнодушію, не знаю, и змѣйка-звѣздочка съ прежней быстротой покатила на луну, прямо въ озеро свѣта.

На другое утро шкафъ понесли во дворецъ. Царствовавшій тогда старшій сынъ Вахтанга Гургаслана, Датчи, по любви своей къ бѣднымъ, прозванный царемъ нищихъ и убогихъ, былъ врагъ всякой роскоши, тѣмъ не менѣе, онъ благосклонно принялъ роскошный шкафъ заказанный его родителемъ, долго имъ любовался, милостиво поговорилъ съ индѣйцемъ, и, по-царски одаривъ его, отпустилъ на волю.

Индѣецъ почтительно поцѣловалъ край царской одежды, потомъ коснулся губами до подножія шкафа и вышелъ, а Датчи еще долго разсматривалъ затѣйливый шкафъ и потомъ тяжело вздохнувъ сказалъ: „Сколько

нищихъ можно было одѣлать этими деньгами“, и вышелъ. Черезъ нѣсколько мгновений пришли люди и понесли шкафъ къ царской молельнѣ. Это — единственная комната, которая своею роскошью вовсе не соответствовала остальному скромному убранству царскаго дворца. Стѣны молельни были обтянуты дорогою парчой, на которой красовались иконы въ роскошныхъ окладахъ, надъ нѣкоторыми были устроены маленькіе балдахины изъ дорогого бархата, вышитаго жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Изъ-подъ балдахиновъ спускались золотыя и серебряныя паникадилы и лампы, свѣтъ которыхъ еще болѣе умножалъ блескъ драгоцѣнныхъ камней и металловъ.

Дорогой шкафъ поставленъ былъ въ сосѣдней съ молельнею комнатѣ. Она была необитаема, что весьма обрадовало змѣйку и мышку, которыя боялись, что если шкафъ поставятъ въ чьей-нибудь спальнѣ, имъ нельзя будетъ незамѣтно совершать свою ночную прогулку.

Но радость ихъ была преждевременна. Случилось слѣдующее: царь, обыкновенно проводившій всѣ ночи въ молитвѣ и въ чтеніи духовныхъ книгъ, вздумалъ сохранять послѣднія въ новомъ шкафу, и вотъ, послѣ всеобщей, пришелъ священникъ со святою

водой и началъ кропить шкафъ, отчего у змѣйки сдѣлались такія конвульсіи, что бѣдная мошка думала уже, что настала ея послѣдній часъ.

Къ счастью, и священникъ и царь, занятые молитвой, ничего не замѣтили и, окончивъ освященіе шкафа, ушли.

Змѣйка и мошка снова успокоились, но не задолго до полночи царь вернулся, неся въ рукахъ своихъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ и Библію, писанную рукой царевны Саломе, подъ наблюденіемъ святой Нины. Укладывая книги въ новый шкафъ, Датчи въ полголоса пѣлъ псалмы, и возвышенная юэзія царя Давида казалась еще лучше, еще чище, еще возвышеннѣе, передаваемая нѣжными переливами этого звучнаго голоса. Уложивъ первую ношу, онъ отправился за другою, а между тѣмъ сосѣдство священной Библии не давало покоя бѣдной змѣйкѣ; конвульсіи ея приняла такіе ужасные размѣры, что испуганная мошка выпорхнула и пріютилась на верху шкафа.

Между тѣмъ змѣйка отдѣлилась отъ медальона и, извиваясь на полу, все росла, росла до гигантскихъ размѣровъ, такъ что въ ту минуту когда царь открылъ дверь со второю ношей, передъ нимъ лежало огромное крылатое чудовище чуть не во всю комнату.

„Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ!“ воскликнулъ благочестивый царь, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и изображая тоже знаменіе на адскомъ чудовищѣ, изъ пасти котораго въ ту же минуту вылетѣлъ страшный свистъ и такой густой чадъ, что мгновенно вся комната наполнилась имъ. Сквозь этотъ мракъ и смрадъ послышался чудно-свѣтлый, ангельскій голосъ Датчи, поющій: Да воскреснетъ Богъ! И мракъ и зловоніе все разсѣявалось и исчезало отъ дивныхъ словъ святой молитвы и вскорѣ глазамъ удивленнаго царя представилась дѣвица и столь же красивый юноша.

— Кто вы? — кротко спросилъ Датчи.

— Я рабъ твой, Георгій индѣецъ, — отвѣтилъ нашъ знакомецъ, почтительно преклоня колѣна предъ царемъ и цѣлуя край его одежды.

— А я, — отвѣтила красавица, — дочь того старца, который дѣлалъ этотъ шкафъ.

Датчи сѣлъ.

— Дѣти мои, — сказалъ онъ милостиво, — сядьте у моихъ ногъ и расскажите мнѣ, какъ и зачѣмъ вы сюда попали?

— Я была любимица своего отца, еврея, который баловалъ меня со дня моего рожденія. Придя въ возрастъ, я привязалась къ

одному молодому христіанину, который вскорѣ бросилъ меня. Желая возвратить его привязанность, не спросясь отца, я крестилась. Мало того, я требовала чтобъ и онъ оставилъ вѣру отцовъ и принялъ мою вѣру. Забывъ, что я проповѣдую Бога кротости, долготерпѣнія и любви, я гордо требовала безпрекословнаго повиновенія отъ отца, раздражаясь малѣйшими вопросами или сомнѣніями и приходя въ такую ярость, что мнѣ не разъ случалось осыпать его самыми незаслуженными упреками и даже грубыми ругательствами. Въ одну изъ такихъ минутъ терпѣніе отца моего лопнуло: онъ меня проклялъ, и страшное наказаніе послѣдовало сейчасъ же за клятвой раздраженнаго родителя. Отецъ былъ занятъ вырѣзываніемъ медальоновъ въ шкафъ; во время нашего бурнаго объясненія, я вдругъ почувствовала, что все тѣло мое съежилось и втиснулось въ тотъ самый медальонъ, который онъ держалъ въ рукахъ. Глаза его ярко сверкали, онъ поблѣднѣлъ и нервная дрожь пробѣжавшая по его тѣлу заставила пальцы его крѣпко сжаться; мнѣ показалось, что онъ хочетъ удавить меня, я хотѣла закричать, но вмѣсто всякихъ словъ изъ каменныхъ устъ моихъ вылетѣло змѣиное шипѣніе, еще болѣе испугавшее меня; у меня полились

слезы, которые нѣсколько тронули отца — я видѣла, какъ гнѣвное выраженіе его лица смягчилось и замѣнилось чѣмъ-то насмѣшливымъ. „Тебѣ не хочется носить образъ змѣиный, змѣя, которую я грѣлъ у своего сердца? Хорошо, когда я найду индѣйца, вѣрующаго твоему Богу, который добровольно захочетъ раздѣлить твою участь, ты будешь каждую ночь оживляться и имѣть возможность отдѣляться отъ своего медальона на два часа. Искушавшись въ озерѣ свѣта, которое находится на лунѣ, ты получишь способность принимать всякіе образы, кромѣ человѣческаго. Человѣческая же рѣчь возвратится тебѣ на все время твоего оживленія“. Съ этими словами онъ вложилъ медальонъ въ приготовленное для него мѣсто и злобно укрѣпилъ его наглухо. Затѣмъ онъ отправился къ дворцовому казначею и объяснилъ ему, что онъ очень нездоровъ и просить разрѣшенія уѣхать на родину. Его наградили и отпустили. Окончаніе шкафа, по его указанію, поручили старому индѣйцу. Разъ какъ-то мнѣ стало грустнѣе обыкновеннаго, я дѣлала всяческія усилія, чтобы застонать, но опять ничего не выходило кромѣ шипѣнія, и я снова горько заплакала. Въ эту минуту вошелъ индѣецъ. Мои слезы и жалобное шипѣніе тронули его: онъ

прослезился и, цѣлуя мою холодную, каменную голову, сказалъ: „Бѣдное дитя мое! я не могу измѣнить того, что совершилось въ ту минуту, когда отецъ проклялъ тебя, но я могу не обанчивать шкафа, чтобы не бросить тебя одну, пока не найдется человѣкъ, согласный раздѣлить твою неволю, тогда скоро наступитъ конецъ, вашему обоюдному заключенію“. Съ тѣхъ поръ миѣ стало легче. Старикъ часто сидѣлъ со мной и старался своими разговорами облегчать мое горе. Такъ прошло еще много времени и только два дня тому назадъ явился къ намъ Георгій. Остальное пусть онъ расскажетъ тебѣ самъ, государь.

И молодая дѣвушка, слегка покраснѣвъ, украдкой взглянула на Георгія и замолкла. Тотъ понялъ, что ее затрудняетъ. Во время разказа онъ узналъ въ ней Сепфору и вдругъ, какъ бурное море, воскресла въ немъ любовь къ ней. Онъ рѣшился сказать всю истину, упалъ къ ногамъ Датчи и чистосердечно объяснилъ все случившееся. Выслушавъ все до конца, Датчи обратился къ молодой дѣвушкѣ:

— Какимъ образомъ, — спросилъ онъ кратко, — увѣровавъ въ Господа нашего, ты не молила Его о помощи, дитя мое?

— Государь, — отвѣтила она, — я дѣйстви-

тельно увѣровала только тогда, когда видѣла тебя, трудящагося во славу Божию. Мое обращеніе къ христіанству вызвано было скорѣе желаніемъ возвратить Георгія, чѣмъ искреннимъ убѣжденіемъ. Я видѣла какъ покойный родитель твой, а также и ты награждали, отличали и баловали всѣхъ плѣнниковъ язычниковъ и евреевъ, добровольно принимавшихъ христіанство. Я думала, что обращеніе отца принесетъ мнѣ и богатство и почести, и тогда Георгій вернется. Когда же вмѣсто всего этого со мною случилось неслыханное несчастіе, сердце мое озлобилось, я не хотѣла призывать того Бога, за вѣру Котораго я страдала. Мою гордую душу не сокрушило ни горе, ни безпомощность, ни безнадежность, но се побѣдило твое смиреніе, твоя крѣтость и твое милосердіе. Когда принесли шкафъ и ты такъ долго любовался на него, такъ милостиво говорилъ съ индѣйцемъ, такъ мѣтко останавливался именно на тѣхъ частяхъ, которыя болѣе всего стоили труда, я была убѣждена, что ты очень обрадованъ этимъ пріобрѣтеніемъ. Каково же было мое удивленіе, когда, оставшись одинъ, ты тяжело вздохнулъ и пожалѣлъ, что деньги, употребленныя на предметъ, такъ высоко тобою цѣнимый, не розданы нищимъ! Я почувство-

вала, какъ будто какая-то каменная обочка съ большою болью лопнула на моемъ сердцѣ и слезы градомъ полились изъ моихъ глазъ. Когда же пришелъ священникъ, и ты, могущественный, сильный, обладающій безчисленными слугами, самъ прислуживалъ ему, подавая и принимая священные книги, облако, отуманивавшее мой разумъ, разсѣялось. Я поняла, какъ далека была отъ познанія того Бога, Которому ты вѣровалъ и служилъ. Несообразность моего поведенія миѣ стала ясна. Я впервые со знала свои недостатки, свои проступки, свои пороки и въ ту минуту, когда ты принесъ свою первую пошу, и я услышала твой ангельскій голосъ, поющій покаянный псаломъ Давида, чистосердечное раскаяніе коснулось моего сердца. Я поняла, что я оскорбляла то Божество, Которое хотѣла проповѣдывать, между тѣмъ ты снова вернулся и, услышавъ твой возгласъ къ Господу нашему Иисусу Христу, я возопила къ Нему всѣмъ сердцемъ и Онъ услышалъ меня и возвратилъ миѣ мой прежній образъ!

Тогда Датчи всталъ и, взявъ обоихъ молодыхъ людей за руки, направился въ модельню, гдѣ, преклоня колѣна, всѣ трое воздали хвалу Богу истинному, сильному и милосердному. Уже заря занималась, когда, растроганные, они встали съ колѣнъ.

— Какъ исполню я теперь обѣщаніе данное мною Олимпиадѣ? громко недоумѣвала дѣвица, — мои глаза уже не имѣютъ волшебной силы глазъ змѣиныхъ, пристальный взоръ которыхъ извлекалъ со дна морей и рѣкъ любой предметъ.

„Теперь они получили силу притягивать къ себѣ сердца“, — подумалъ Георгій, но въ присутствіи царя не посмѣлъ выразить своей мысли.

— Милое дитя, — сказалъ Датчи, — ты напрасно смущаешься этимъ. Камни эти пожертвованы были братомъ моимъ Пресвятой Царицѣ Небесной и Сыну Ея Владыко всѣхъ сокровищъ земныхъ, конечно, силенъ возвратить ихъ и безъ нашей слабой помощи.

Въ это время за дверью слышался дѣтскій голосъ любимаго пажа Датчи. „Войди“, — приказалъ государь.

— Батоно (владыко), — сказалъ вошедшій мальчикъ — пришелъ бѣдный человекъ, занимающийся ловлей жемчуговъ, коралловъ и золота и желаетъ сообщить тебѣ что-то важное.

— Пусть войдетъ въ сосѣдную комнату, — приказалъ царь, всегда самъ принимавшій бѣдныхъ, — а ты, — обратился онъ къ Георгію, и въ сладкомъ голосѣ слышался легкій упрекъ, — проси Бога простить тебѣ твои

проступки и моли Сепфору забыть твое гнусное поведеніе противъ нея. Подумай, что всѣ ея ошибки произошли отъ ея чрезмѣрной привязанности къ тебѣ, и ты имѣль жестокость оставить ее, чтобы непрекословно исполнять волю Олимпіады, никогда тебѣ не любившей.

Съ этими словами государь вышелъ; когда же онъ вернулся, Георгій и Сепфора стояли на колѣняхъ предъ образами. Лица ихъ сіяли радостью и любовью, изъ глазъ катились сладкія слезы раскаянія и счастья. Замѣтивъ царя, они поспѣшно встали.

— Батоно, — робко сказалъ Георгій, — Сепфора прощаетъ меня, позволь мнѣ жениться на ней.

— Хорошо, — отвѣтилъ Датчи, — но съ условіемъ, чтобы ты впредь не злоупотребляль ея неограниченною привязанностію къ тебѣ и, взирая на нее по писанію, какъ на „немощиѣйшій сосудъ“, руководилъ ею къ совершенству, а тебя, Сепфора, я могу обрадовать — камни нашлись. Сейчасъ пришедшій человѣкъ обладаетъ искусствомъ опускаться на дно морей и рѣкъ; сегодня на зарѣ онъ извлекъ эти камни изъ воды и, догадавшись по близости дома Олимпіады, что они должны быть изъ опредѣленныхъ на украшеніе ризъ, принесъ ихъ ко мнѣ.

Теперь отправимся всё вмѣстѣ въ Царось-Тавъ и возвратимъ камни по ихъ назначенію.

Въ Царось-Тавъ нашли они Олимпіаду. При видѣ камней она смутилась, но поспѣшила всю вину свалить на Георгія.

Желая оправдаться во что бы то ни стало, она, на колѣняхъ предъ царскими вратами, начала клясться въ своей невинности, но какъ только призвала Бога и Пресвятую Его Матерь во свидѣтели, страшный ударъ грома потрясъ все зданіе, мраморный полъ треснулъ изъ края въ край, земля раскрылась и въ страшную пасть ея упала Олимпіада, Георгій и Сепфора; только та плита, на которой, преклоняя колѣна, молился царь, осталась невредимою. Между тѣмъ нищие и убогіе, толпами слѣдовавшіе всюду за Датчи, вбѣжали въ храмъ. Между ними и царемъ была глубокая пропасть, въ которую обрушились тяжелые камни пола, подъ ними видѣлось окровавленное, обезображенное, раздавленное тѣло Олимпіады, а рядомъ съ нею лежали Георгій и Сепфора; тѣло каждаго изъ нихъ было придавлено камнемъ, которые конечно размозжили бы ихъ головы, если бы край не поддерживали младенцы.

— Спасите ихъ друзья! — воскликнулъ царь, обращаясь къ нищимъ.

Нѣсколько человѣкъ едва могли освободить ихъ отъ камней, которые такъ легко держали младенцы, исчезнувшіе при первомъ прикосновеніи людей.

Георгій былъ слишкомъ слабъ, чтобы говорить. Сепфора объяснила, что младенецъ, держащій ея камень, былъ ея сынъ, а державшій камень Георгія — тотъ самый, на похороны котораго онъ подалъ драгоценный камень.

Сепфора, почти не пострадавшая, усердно ходила за Георгіемъ, который долго болѣлъ. Когда же выздоровѣлъ, они женились, продолжая жить во дворцѣ и пользоваться милостями Датчи, всегда къ нимъ благоволившаго.

XII.

ЖРЪНІЙ
КОЖІЙ ДЯТЪРИ.

ПРЕДАНИЕ.

Когда, по вознесѣніи Господнемъ, апостолы бросили жребій, кому куда идти на проповѣдь, просвѣщеніе Грузіи пало на долю Божіей Матери. Господь явившись Ей, изрекъ:

„Мати Моя, ради прошенія Твоего, Я попекусь, чтобы народъ этотъ болѣе другихъ имѣлъ часть во благахъ небесныхъ. Пошли въ страну эту, выпавшую на Твою долю, Андрея Первозваннаго и вручи ему образъ Твой, Который изобразится отъ прикосновенія лика Твоего“.

Тогда Пресвятая Богородица вѣщала къ апостолу: „Чадо мое Андрее, Меня огорчаетъ что имя Сына Моего не проповѣдуется въ странѣ выпавшей на Мой жребій. Когда же я хотѣла идти въ путь, Сынъ и Богъ Мой явился Миѣ и приказалъ послать съ тобой Мой и Его образъ въ удѣлъ Мой, дабы Я была причиной обращенія людей этихъ и всегдашнею ихъ помощницей“.

— Святѣйшая, — возразилъ Андрей, — да

исполняется во всѣ времена воля Божественнаго Сына Твоего и Твоя.

Тогда Пресвятая Дѣва умыла лицо Свое и, прикоснувшись имъ къ доскѣ, оставила на ней Свое изображеніе съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Вручивъ икону св. Андрею, Она сказала:

„Да будетъ съ тобою вездѣ, куда бы ты ни пошелъ, милость и помощь рожденнаго Мною. Я сама невидимо буду помогать успѣху твоей проповѣди и удѣлъ Мой будетъ подъ Моимъ непрестаннымъ покровительствомъ“. Апостоль же святой навѣ къ ногамъ Матери Божіей, благодарилъ Ее со слезами и съ радостію пошелъ на проповѣдь въ Трербизондъ, взявъ съ собою и Симона Канонита, но здѣсь они остались не долго и пошли въ Ежисъ.

Видя безуміе тамошнихъ жителей, болѣе походившихъ на животныхъ безсмысленныхъ, апостоль направился въ Грузію и пришедъ въ большой Адчара, началъ свою проповѣдь, но и здѣсь жители не вѣдали истиннаго Бога и творили дѣла столь постыдныя, что о нихъ неприлично и вспоминать. Они много наносили оскорбленій святому апостолу, которыя онъ всѣ съ помощію Божіей и съ постоянною молитвой ⲛпередъ иконой ⲛБожіей Матери перенесъ кротко и долготерпѣливо

и Господь исполнилъ желаніе сердца его и обратилъ жителей на путь правый, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ образъ Богоматери, явился обильный и прекрасный источникъ, текущій и донынѣ, въ которомъ апостоль крестилъ жителей собиравшихся отовсюду.

Онъ посвятилъ діаконовъ и священниковъ, истолковалъ имъ догматы вѣры и правила церковныя. и выстроилъ храмъ въ честь Святой Дѣвы Маріи. Когда же онъ хотѣлъ удалиться, народъ остановилъ его слѣдующими словами: „Если ты уходишь, то оставь намъ, по крайней мѣрѣ, образъ Матери Божіей въ прибѣжище и заступленіе“. Тогда святой приказалъ сдѣлать доску одинаковой величины съ иконою и сложилъ ихъ вмѣстѣ. Тотчасъ изображеніе перенеслось на новую доску безъ всякаго ущерба прежней иконѣ. Немедленно апостоль вручилъ новую икону жителямъ, которые, принявъ ее съ радостію, поставили съ великою честію въ своемъ храмѣ, гдѣ она и до нынѣ пребываетъ. Послѣ того они простились съ апостоломъ, благодаря его много, и цѣлуя съ любовію, и съ нимъ пошелъ одинъ изъ новообращенныхъ, по имени, Матата.

Пройдя долину Кхенись-Цвалъ, онъ привелъ святого Андрея на вершину горы, на которой святой воздвигнулъ крестъ въ честь

Господа нашего Иисуса Христа, почему гора эта и стала именоваться „Ронисъ-Джуаръ“, что значить „железный крестъ“. Послѣ того они сошли въ долину Одзрехе и пришли къ границамъ Самцхе, гдѣ остановились въ деревнѣ Задень-Гора.

Видя же, что тамошніе жители поклоняются идоламъ, они помолились иконѣ, всюду ихъ сопровождавшей, и мгновенно всѣ идола пали и разбились. Тогда они пошли въ Атсбургъ, прежде называвшійся по-армянски Чукаль-четъ (рѣка лиліи), что лежитъ напротивъ Сакрисъ и расположились отдохнуть близъ храма идольскаго, нынѣшняя Дзвелъ-Еклезіа.

Въ то время страной этою управляла вдова, по имени Самзгвари, что значить „граница“, у которой былъ одинъ сынъ, и тотъ только что умеръ среди общихъ слезъ и рыданій. Въ ту же ночь со сторожевой крѣпости увидѣли свѣтъ великій надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился образъ Божіей Матери, и съ разсвѣтомъ посланы были люди узнать, кто тамъ и въ чемъ дѣло. Возвратясь, посланные доложили Самзгвари, что свѣтъ отъ изображенія какой-то Дѣвы, которое принесли съ собой два иностранца, что они поклоняются этому изображенію и проповѣдуютъ новаго Бога, Который воскрешаетъ мертвыхъ.

Вдова немедленно послала за святыми и спросила Андрея: „Кто ты, куда идешь, и что это за новая вѣра, о которой ты говоришь, ибо до сего времени ничего подобного не было слышно?“

— Я пришелъ изъ Иерусалима, — возразилъ апостолъ, — и рабъ Господа нашего Иисуса Христа, воскрешающаго мертвыхъ. Я проповѣдую его какъ Бога и Владыку всѣхъ тварей. Тотъ, кто увѣруетъ въ Него и крестится во имя Отца и Сына и Святаго Духа, получитъ все имъ просимое съ вѣрой и исцѣлится ото всякой болѣзни. При сихъ словахъ Самзгвари пала къ ногамъ его со слезами и возопила: „Сжался надъ вдовствомъ моимъ и несчастіемъ, и силой Бога твоего, возврати сына моего къ жизни. Я все исполню, что ты мнѣ прикажешь, безъ малѣйшаго прекословія, лишь бы видѣть мнѣ сына моего живымъ, ибо онъ мой единородный и нѣтъ у меня другихъ дѣтей“.

— Если ты вѣруешь въ Иисуса Христа, Сына Божія, Бога истиннаго, то Онъ дастъ тебѣ все, что ты попросишь у Него съ вѣрой.

Тогда вдова со слезами радости сказала святому: „Служитель истиннаго Бога, я искренно вѣрую въ Иисуса Христа, Котораго ты проповѣдуешь и исповѣдую Его, ты же умножь во мнѣ силу вѣры“.

Услыхавъ эти слова, апостоль изгналъ музыкантовъ и всѣхъ любопытныхъ, оставивъ только Самзгвари и родственниковъ ея и, взявъ образъ Пресвятой Дѣвы, поставилъ его на ложе ребенка и, павъ на землю, сталъ молиться со слезами многими и воздыханіями, простирая руки къ иконѣ, потомъ всталъ, взялъ ребенка за руку и мальчикъ какъ бы проснулся ото сна, а святой Андрей отдалъ его матери. Всѣ присутствующіе молчали отъ изумленія, а вдова, видя сына своего воскресшимъ, исполнилась радости, вскочила и бросилась къ ногамъ святого, благодаря его и обливая слезами колѣна его. Она всѣмъ сердцемъ увѣровала въ Господа Иисуса и крестилась съ сыномъ и всѣмъ домомъ своимъ. За симъ она разослала слугъ своихъ по всѣмъ мтаварамъ самцхетскимъ съ письмами слѣдующаго содержания:

„Я Самзгвари, вдова христава вашего, сообщаю вамъ, братья мои, счастливое событіе для всѣхъ народовъ, ибо пришелъ изъ страны чуждой человѣкъ, проповѣдующій новаго Бога, изображеніе Котораго воскресило сына моего изъ мертвыхъ, поспѣшите же, дабы мы могли избрать истинную вѣру и рѣшить, кому слѣдуетъ поклоняться.

Услышавъ про это чудо, месхи стеклись отовсюду въ такомъ множествѣ, что наполнили всю долину Сакрисъ и всѣ они съ изумленіемъ смотрѣли на воскресшаго сына Самзгвари. Но жрецы Артемиды и Аполлона, храмъ которыхъ находился въ этой странѣ, рѣшились противостать святому и кричали: „Артемида и Аполлонъ великіе боги“ и за ними многіе изъ народа кричали то же, другіе же зывали: „Надо преклониться предъ такимъ чудомъ!“ И смятеніе и несогласіе водворились.

Наконецъ, рѣшено было отворить двери храма, поставить икону между идоловъ, съ обѣихъ сторонъ приложить печати къ дверямъ, приставить стражей и провести ночь въ молитвѣ. — „Молитесь богамъ вашимъ“, — сказали вѣрные, — „мы же помолимся истинному Богу нашему, Господу Іисусу Христу и, съ разсвѣтомъ, увидимъ: если боги ваши побѣдятъ, то мы имъ поклонимся, если же побѣждены будутъ Богомъ нашимъ, то пусть всѣ воздадутъ славу Ему Единому“.

Исполнивъ все какъ было условлено, съ разсвѣтомъ открыли двери храма и увидѣли идоловъ падшихъ и разбитыхъ въ прахъ, а образъ Матери Божіей, исполненный блеска и свѣта небеснаго, какъ солнце.

Тогда весь народъ возопилъ:

— Великъ Богъ христіанскій, проповѣдуемый апостоломъ Андреемъ.

А жрецы просили святого простить имъ грѣхъ ихъ невѣдѣнія и всѣ увѣровавъ крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и возблагодарили Бога, избавившаго ихъ отъ руки діавола.

Тогда святой Андрей вознамѣрился идти въ другія страны проповѣдывать Евангеліе, но вдова и народъ умоляли его не удаляться отъ нихъ, пока не научить ихъ всѣмъ правиламъ вѣры. Всякій день народъ соби­рался во множествѣ и апостоль объяснялъ имъ догматы исповѣданія и правила церковныя, посвятилъ имъ епископа, священниковъ и діаконівъ и снова собрался въ путь. Самзгвари и народъ возобновили свои просьбы, но святой отвѣчалъ имъ:

— Не вводите, чада моя, меня въ искушеніе, ибо долгъ мой призываетъ меня благо­говѣствовать въ другихъ городахъ и селахъ.

— „Если ты насъ покидаешь“ — возрази­ли они — „то оставь намъ икону Пресвятой Дѣвы въ утвержденіе и защиту“.

— Икона сія, — сказалъ святой Андрей, — изобразилась отъ прикосновенія лика Пресвятой Матери Божіей, и объяснилъ имъ, какъ по Вознесеніи Господнемъ апостолы метали жребій, кому куда идти проповѣды-

вать и Самцхетія досталась Дѣвѣ Маріи. Разказалъ какъ Она, вмѣсто Себя, послала въ удѣль свой Свое изображеніе на утвержденіе и защищеніе вѣрующимъ и обѣщала всегда присутствовать у нихъ духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

Месхи и Самзгвари, узнавъ, — что они достались въ удѣль Царицѣ Небесной, исполнились радости, а желаніе ихъ имѣть у себя Ея икону еще болѣе усилилось. Они со слезами умиленія поставили оную въ небольшомъ храмѣ, наскоро выстроенномъ и освященномъ во имя Атсурской Божіей Матери. Церковь эту нынѣ называютъ „Дзвель-Еклезія“, то-есть „Старая Церковь“, такъ какъ нынѣшнее зданіе воздвигнуто изъ камней, послужившихъ на постройку первой церкви, и стоитъ на томъ же мѣстѣ.

Тогда святой Андрей пошелъ на проповѣдь въ Нигаль, Джавакхетхъ, Артаханъ и Колу, гдѣ остался очень долго, просвѣщая омраченныхъ. Оттуда онъ отправился въ Кларджетъ, потомъ въ земли Парѣи, въ Арменію и на святую Пасху прибылъ въ Іерусалимъ.

Когда же царь Адеркъ узналъ, что Картлы и Месхи оставили вѣру отцовъ своихъ, онъ послалъ къ нимъ христавовъ, которые силой заставили многихъ вернуться къ за-

блужденію, однако нѣкоторые вѣрные успѣли спрятать образа и кресты и благодарили Бога, что апостола уже не было съ ними. Царь же разгнѣвался на христава Клард-жетскаго за то, что онъ не задержалъ святого, который, проведя дни Пасхи съ прочими апостолами, снова отправился на проповѣдь въ Грузію. Пройдя земли, лежащія близъ Тао до Чорока, онъ обошелъ деревни, проповѣдуя повсюду Слово Божіе, и достигъ Сванетин. Здѣсь въ то время царствовала женщина, которая приняла съ должнымъ благоговѣніемъ благословеніе апостольское.

Матата съ прочими учениками остался въ этихъ владѣніяхъ, а святые Андрей и Симонъ пошли въ Оссетію, гдѣ достигли города Постафоръ, а оттуда пришли въ Босфоръ, гдѣ, съ помощію Божіей, совершили много чудесъ и обратили къ истинной вѣрѣ и крестили великое множество людей. Потомъ пошли назадъ въ Абхазетъ, а оттуда въ городъ Себасть, нынѣшній Тихумъ, гдѣ многіе также обратились ко Христу. Здѣсь святой Андрей оставилъ Симона Канонита съ нѣсколькими учениками и пошелъ въ Дживетъ, населенный народомъ дикимъ, исполненнымъ пороковъ и жестокости и безъ всякой религіи. Они не хотѣ-

ли его слушать и согласились убить его, но Господь сохранилъ вѣрнаго раба Своего, приказавъ ему удалиться отъ нихъ. А народъ этотъ остался въ невѣжествѣ и до сихъ поръ. Могила Симона Канонита въ Никонсѣи, между Абхазетомъ и Джикетомъ, на границѣ Греціи. Утвердивъ въ вѣрѣ абхазцевъ и мегровъ, святой Андрей удалился въ Скиѣю.

Вскорѣ послѣ того царь Адеркъ умеръ и царство Грузинское раздѣлилось между двумя сыновьями его, Бартомомъ и Картамомъ. Во время ихъ царствованія, въ 70 году по Р. Х., распространился слухъ, что евреи, подвластные Риму, не хотѣли повиноваться императору Веспасіану и возмутились. Императоръ приказалъ сыну своему Титу уговорить евреевъ успокоиться, но они не переставали буйствовать и заперлись со своимъ войскомъ въ Іерусалимъ. Тогда римляне окружили этотъ городъ и стали осаждать его.

У осажденныхъ настала страшная голодъ и болѣзни, притомъ народъ, съ отчаянія, началъ междоусобную войну. Въ короткое время погибло такое множество евреевъ, что изъ города выбросили нѣсколько сотъ тысячъ труповъ; кромѣ того, улицы и дома были завалены умершими. На-

конецъ римляне пробрались въ Иерусалимъ, истребили его совершенно и разрушили храмъ, такъ что камня на камень не осталось, по словамъ Спасителя. Съ тѣхъ поръ евреи разошлись по всему свѣту и уже не имѣли своего отечества. Многіе изъ нихъ пришли въ Мцхетъ и поселились со своими единоплеменниками, въ томъ числѣ были и сыновья Варравы, освобожденнаго евреями, вмѣсто Иисуса Христа, когда предложено имъ было отпустить одного узника.

Во время царствованія внуковъ Бартома и Картама, царей Азорка и Армазели, послѣдній узналъ о существованіи въ своемъ царствѣ милоти пророка Или и приказалъ искать ее между евреями, но Господь не попустилъ сему сокровищу впасть въ руки язычниковъ, поиски его оказались тщетными и на всѣ разспросы евреи отвѣчали, что она сокрыта въ землѣ, близъ кедра, выросшаго на могилѣ Сидоніи. Впослѣдствіи святая Нина не разъ приказывала Абиатхару разспросить отца его, гдѣ именно она находится, но старецъ всякій разъ отвѣчалъ одно и то же: „мѣсто, гдѣ сокрыта эта священная одежда, о которой въ свое время вѣрные восхваляютъ Бога, подобно мѣсту, на коемъ Іаковъ видѣлъ лѣствицу, восходящую до небесъ“. Это един-

ственный случай, когда беспокоили евреевъ, все остальное время, прежде и послѣ, они наслаждались вполне восточнымъ гостепріимствомъ въ новомъ своемъ отечествѣ. Въ 186 году по Р. Х. на престолъ грузинскій вступилъ Ревъ. Слово „рева“ значитъ „побѣдитель“, но народъ далъ этому государю прозваніе еще болѣе лестное, онъ прозвалъ его „Справедливымъ“, ибо первымъ дѣломъ его было обузданіе своевольства войскъ и запрещеніе приносить дѣтей въ жертву богамъ. Хотя Ревъ Справедливый былъ самъ идолопоклонникомъ, но онъ имѣлъ нѣкоторое неясное понятіе о Евангеліи Господа нашего Иисуса Христа, уважалъ послѣдователей Его и запретилъ гнать христіанъ, сохранившихся въ небольшомъ числѣ между потомками просвѣщенныхъ апостоломъ. Этой маленькой снисходительности было достаточно, чтобы поддержать христіанство, полюбившееся многимъ въ странѣ. Съ этой минуты число христіанъ стало умножаться, хотя медленно, но ежегодно, такъ что ко дню прихода св. Нины ихъ собралась уже порядочная горсть.

XIII.

КРАМНОУ ЧУЖИМЪ.

Л Е Г Е Н Д А.

Во времена глубокой древности семеро потомковъ Соломона Премудраго отправились на чужбину искать счастья. Каждый изъ нихъ хотѣлъ сдѣлаться столь же извѣстнымъ міру, какъ предокъ ихъ, каждый надѣялся стяжать громкую славу, обширное царство, многочисленное воинство и несмѣтное богатство. Преданіе гласитъ такъ же, что каждый изъ нихъ обладалъ и какимъ-нибудь выдающимся талантомъ или добродѣтелью. Такъ, старшій, Багратъ, отличался коммерческими способностями; второй, Абгаваръ, славился умѣньемъ считать съ необычайною быстротой и ловкостью, и ему приписываютъ изобрѣтеніе ручной ариметической таблицы, столько поколѣній практиковавшейся въ нашихъ древнихъ народныхъ школахъ; третій братъ, Маобаль, считался хитрѣйшимъ изъ людей; четвертый, Гурамъ, славился воинскою храбростію; пятый, Саакъ, извѣстенъ былъ своимъ великодушіемъ; шестой, Азамъ, отличался богатырскою силой

и, наконецъ, седьмой, Варзавардъ, обладалъ даромъ слагать слова въ пѣвучіе стихи и обворожать своихъ слушателей силой своего поэтическаго таланта. Судьба привела ихъ всѣхъ въ Еклетцъ, составлявшій въ то время независимое царство, управляемое вдовствующею царицей Ракаель. Съ азіатскимъ гостепріимствомъ приняла царица молодыхъ царевичей, которые, восхищенные ея привѣтливостью, наперерывъ старались выказать предъ ней свои таланты. Въ то время Ракаель занята была переговорами съ Финикіянами, и торговыя способности Баграта, сразу сообразившаго, что можетъ служить наивыгоднѣйшимъ предметомъ торговли, до того плѣнили царицу, что она рѣшила сочетать его бракомъ со своею единственною дочерью и сдѣлать наслѣдникомъ царства.

Абгаваръ и Маобаль, подавшіе также не мало полезныхъ совѣтовъ, удостоились ея расположенія, и благодаря ея неустаннымъ похваламъ вступили въ родство съ царемъ Арменіи, гдѣ и водворились на житье. Между тѣмъ остальные четыре царевича не отверзали рта. Думая воспользоваться и отъ нихъ какимъ-нибудь полезнымъ совѣтомъ, Ракаель обратилась къ воинственному Гураму съ вопросомъ, что бь онъ сдѣлалъ если бы былъ самодержавнымъ царемъ Еклетца.

— Я бы собралъ войско и постарался бы разомъ завоевать у Финикіянъ все то, что вы хотите въ столь долгое время пріобрѣсти отъ нихъ торговлей, счетами и хитростію.

Увы! Между жителями Еклетць не мало было трусовъ и такой совѣтъ испугалъ большую часть слушателей. Чтобы скорѣе успокоить всѣхъ и дать всѣмъ понять, что она не намѣрена воспользоваться этимъ совѣтомъ, царица оставила предложеніе Гурама безъ отвѣта и обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ великодушному Сааку.

— Имѣя такой избытокъ во всемъ, я бы даромъ предложилъ дружественному народу извлекать выгоду изъ моего излишка— но царски отвѣтилъ Саакъ.

Но такая щедрость не по вкусу пришлась расчетливымъ еклетцамъ и царица предложила опять тотъ же вопросъ могучему Азаму.

— Я бы предложилъ мѣновую торговлю финикіянамъ, — сказалъ онъ, — пусть они выберутъ изъ среды своей знаменитѣйшаго силача, которому будетъ дозволено безплатно унести отсюда столько всякаго товара, сколько онъ заразъ можетъ поднять на плечи, взамѣнъ же этого и я бы унесъ

ихъ сокровищъ сколько смогу поднять. Ручаюсь, что Еклетцъ остался бы въ выигрышѣ.

Но противъ этого предложенія возстали сами финикіяне.

Когда же вопросъ былъ обращенъ къ поэтическому Варзаварду, онъ отвѣтилъ звучными стихами и совѣтомъ пренебречь всѣми денежными выгодами и стараться перенять отъ финикіянъ тѣ научныя свѣдѣнія, которыми они славились и которыя составляютъ для Еклетца драгоцѣннѣйшее приобрѣтеніе, чѣмъ всѣ ихъ товары.

Подобный совѣтъ среди торговаго собранія былъ встрѣченъ громкимъ взрывомъ хохота, и обиженные царевичи Гурамъ, Саакъ, Азамъ и Варзавардъ поспѣшили удалиться.

Вмѣстѣ съ ними вышелъ одинъ старецъ, одежда котораго отличалась отъ прочихъ; видно было, что онъ принадлежалъ къ какой-нибудь другой народности. Учтивымъ поклономъ онъ остановилъ удалявшихся.

— Чего ты хочешь, старецъ? — спросили царевичи.

— Я уполномоченный Карталинскаго царя и именемъ государя своего осмѣливаюсь предложить вамъ гостепріимство. Царство наше граничитъ со здѣшнимъ, я посланъ былъ для переговоровъ къ царицѣ Ракаель и теперь, окончивъ свое порученіе, возвра-

щаюсь домой и могу служить вамъ проводникомъ.

Съ радостію послѣдовали за нимъ царевичи и достигли столицы въ ту минуту, когда ее окружили враги.

Не раздумывая долго, храбрый Гурамъ съ громкимъ крикомъ бросился на враговъ. Примѣру его послѣдовали остальные царевичи, старецъ и его свита.

Не взирая на всю ихъ отвагу, едва ли бы имъ удалось спастись отъ смерти, если бы судьба не послала имъ неожиданное подкрѣпленіе: царь Кахетинскій Персе услышавъ объ опасности, въ которой находился его сосѣдь, послалъ сына своего Бакура съ отборнымъ войскомъ на выручку. Благодаря этому обстоятельству, враги вскорѣ были разсѣяны и побѣдители вошли въ ликующій городъ, осыпаемые благословеніями и привѣтствіями. Царевичъ Бакуръ былъ легко раненъ въ руку, но рана показалась ему столь незначительною, что онъ отказался отъ всякой медицинскои помощи и весело сѣлъ за трапезу, предложенную царемъ побѣдителямъ. Во время угощенія царь карталинскій предложилъ четверемъ еврейскимъ и катехинскому царевичамъ раздѣлить между собою плѣнныхъ и сокровища. Саакъ тотчасъ же роздалъ свои богатства своимъ же

плѣнникамъ, которымъ тутъ же дароваль свободу. Это великодушіе до того плѣнило царевича Бакура, что онъ изъявилъ желаніе усыновить Саака, женивъ его на своей дочери.

Царь карталинскій послѣдовалъ его примѣру по отношенію къ Гураму, который женившись на карталинской царевнѣ, имѣлъ двухъ сыновей Стефаноса и Деметре, сдѣлавшихся родоначальниками царственной династїи Багратидовъ. Къ сожалѣнію, вскорѣ послѣ свадьбы Саака, рана Бакура разболѣлась.

Оказалось, что стрѣла была отравленная и, оставаясь столько времени безъ лѣченія, больной лишилъ себя возможности выздороувѣть. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, а грусть объ его потерѣ вскорѣ свела въ могилу и престарѣлаго Персе, такъ что Саакъ сдѣлался царемъ Кахетинскимъ.

Только Азамъ и Варзавардъ остались не пристроенными и пошли дальше искать счастья.

Достигнувъ пространства земли между Юрой и Алазанью, они такъ были поражены красотой этого мѣста, что подумали, что, вѣроятно, здѣсь былъ рай. Мнѣніе это и до сихъ поръ держится въ народѣ.

Узнавъ объ ихъ приходѣ, царь предложилъ имъ гостепріимство. У него была единственная дочь, красивая, умная и добрая, и онъ прямо сказалъ царевичамъ, что сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ того, кто сумѣетъ угодить царевнѣ настолько, чтобы она выбрала его себѣ въ супруга.

Обычай этой страны не запрещалъ молодымъ дѣвицамъ проводить время съ юношами, такъ что обоимъ царевичамъ открылось свободное поле для развитія своихъ талантовъ.

Невозможно было найти людей болѣе различныхъ. Чернобровый Азамъ былъ атлетическаго тѣлосложенія, съ пылающими черными глазами и обиліемъ густыхъ черныхъ кудрей, движенія его были быстры, голосъ громкій, походка рѣшительная; онъ былъ веселаго характера, любилъ шутить и смѣяться. А Варзавардъ былъ небольшого роста, съ тонкою таліей, крошечными руками и ногами. Голубые глаза его свѣтились кротостію, длинные золотистые волосы спускались гладко по плечамъ и спинѣ. Голосъ его былъ свѣтлый и серебристый, движенія мягки, походка тихая, добрая улыбка не сходила съ его розовыхъ губъ. Онъ никогда не шутилъ и рѣдко смѣялся. Когда онъ пѣлъ, то стихи его всегда носили легкій

отпечатокъ грусти, въ общемъ онъ скорѣе напоминалъ молодую дѣвушку, и робкая царевна съ первой же минуты болѣе расположилась къ нему, чѣмъ къ его брату.

Одиннадцать дней было дано молодымъ людямъ на испытаніе, а на двѣнадцатый день назначена была свадьба.

Чѣмъ больше они знакомились, тѣмъ яснѣе становилось предпочтеніе царевны къ Варзаварду и тѣмъ болѣе охлаждалась въ сердцѣ Азама братская любовь къ Варзаварду, замѣняясь сначала ревностью, а потомъ ненавистью. Пылкія объясненія Азама, который влялся убить брата, если царевна его отвергнетъ, пугали молодую дѣвушку до того, что она все откладывала свой выборъ до послѣдней минуты. Въ одиннадцатый день она не вышла изъ свѣтлицы и только по закату солнца показалась на балконѣ. Тотчасъ раздались мягкіе звуки лиры Варзаварда и его иѣжный голосъ запѣлъ такъ увлекательно, такъ сладко, что царевна забыла благоразуміе и сказала, что выбираетъ его.

Едва удалился счастливый Варзавардъ, какъ Азамъ, слышавшій все, влѣзъ на балконъ и, пользуясь своею богатырскою силой, нахально завладѣлъ тѣмъ, чего не могъ добиться добровольно.

На другой день весь народъ собрался на площадь. Среди ея возвышался двумѣстный тронъ, предназначавшійся для царя и его дочери.

Черезъ нѣсколько времени съ одной стороны площади показался царь, окруженный вельможами, съ другой царевна со своею свитою. Всѣхъ поразила грусть, изображенная на ея лицѣ и красные заплаканные глаза. Когда царь и дочь его заняли свои мѣста, оба царевича подошли къ ступенямъ трона, Варзавардъ съ прелестнымъ счастливымъ выраженіемъ лица, а Азамъ съ самоуверенною, недоброю улыбкой. Къ общему всѣхъ удивленію, царевна, опустившись со ступеней трона, взяла за руку Азама и, подойдя къ царю, оба они опустили на колѣна. Изумленный царь тѣмъ не менѣе поднялъ ихъ и, посадивъ Азама на свое мѣсто, обратился къ народу съ объясненіемъ, что онъ будетъ его наследникомъ.

Въ эту минуту раздался дикій крикъ: Варзавардъ съ пылающимъ лицомъ стоялъ предъ сидящими. Онъ поднялъ свои трепещущія руки надъ ихъ главами и произнесъ такое страшное проклятіе, что весь народъ палъ въ ужасѣ на землю, ожидая, что сводъ небесный рухнетъ на нихъ. Когда стали приходить въ себя, Варзаварда нигдѣ не

было, царевна истерически рыдала, а Азамъ смотрѣлъ на нее съ тою же торжествующею недоброю улыбкой.

Тѣмъ не менѣе свадьба состоялась, но во время пира проклятіе Варзаварда исполнилось. Прелестная царевна на глазахъ у всѣхъ превратилась въ корову.

Прошло много лѣтъ. Варзавардъ скитался по вселенной, видѣлъ много горя, нужды и слезъ, но ни разу не измѣнилъ онъ своимъ добрымъ наклонностямъ и, въ награду за его благородство, судьба рѣшила прекратить его бѣдствія. Приходитъ онъ разъ на берегъ прелестной рѣки; къ самой водѣ спускается благоухающій лугъ, со множествомъ рѣдкихъ и дорогихъ цвѣтовъ. Лугъ этотъ окруженъ золотою рѣшеткой и по немъ ходятъ телята выхоленные, вымытые. Множество вельможъ въ драгоценныхъ одеждахъ окружаютъ маленькихъ животныхъ: одни поятъ ихъ изъ золотыхъ сосудовъ, другіе прохлаждаютъ ихъ дорогими опахалами, третьи забавляютъ ихъ, бѣгая, прыгая и валяясь съ ними по травѣ.

Въ недоумѣніи Варзавардъ рѣшается спросить, что это такое, и получаетъ объясненіе, что это не телята, а молодые царевичи и и царевны, которые обречены носить этотъ образъ вслѣдствіе проклятія ихъ дяди.

Между тѣмъ доложили царю о приходѣ странника. Согласно законамъ гостепріимства, онъ приказалъ нести нѣсколько круглыхъ столиковъ съ яствами и горящей свѣчей на каждомъ изъ нихъ. Впереди несли столъ съ водой и ароматами для омовенія и шелъ самъ царь.

Увидавъ приближающуюся процессію, путникъ всталъ и, узнавъ брата, не могъ сдѣлать ни шагу. Царь же, любуясь играми дѣтей и останавливаясь то съ тѣмъ, то съ другимъ вельможей, не глядѣлъ на его лицо и медленно подвигался все ближе и ближе. Въ эту минуту на концѣ лужайки показалась корова, окруженная женами и дочерьми вельможъ, — это была сама царица. Для нея достаточно было одного взгляда, чтобъ узнать Варзаварда. Ея жалобное мычаніе какъ ножомъ прорѣзало сердце Варзаварда; онъ бросился къ ней, но въ ту же минуту былъ признанъ царемъ, который, обнаживъ мечъ, погнался за нимъ. Оба брата сошлись на берегу рѣки и гибель Варзаварда была бы несомнѣнною, еслибъ Азамъ не поскользнулся и не упалъ въ водоворотъ, который тотчасъ закружилъ его.

— Братъ, я прощаю тебя! — крикнулъ добрый Варзавардъ, и мгновенно царица приняла прежній образъ.

Варзавардъ женился на ней и жилъ долго и счастливо. Царица до конца жизни сохранила человѣческій образъ и дѣти ихъ отличались красотой. Дѣти же умершаго Азама остались скотами. Ихъ продолжали содержать такъ же роскошно. Отъ нихъ произошла знаменитая порода, которою обилуетъ Камбечіанъ и самая земля приняла это названіе отъ слова Камбечи, то-есть корова.

XIV.

Р О С С И Я .

Л Е Г Е Н Д А .

По крутой тропинкѣ, ведущей къ монастырю Іоанна Заденскаго, медленно подвигалась молодая дѣвушка. Она расцарапала нѣжныя руки свои въ кровь, цѣпляясь за колючіе кустарники, за которые приходилось крѣпко держаться, чтобы не сорваться въ пропасть. Добравшись до площадки, она остановилась, чтобы перевести духъ такъ какъ впереди предстоялъ столь же затруднительный подъемъ и она чувствовала, что ей необходимо запастись силами.

Постоявъ немного, она сѣла и стала смотрѣть на пройденный ею путь. Далеко внизу показался всадникъ. Привычная лошадка, какъ кошка, цѣплялась по горѣ, пользуясь всякою самою крошечною выемкой, всякимъ почти незамѣтнымъ возвышеніемъ. Мелкіе камешки сыпались изъ-подъ ея ногъ, сухія вѣтви кустарника ломались съ трескомъ, а она все карабкалась, подвигаясь все ближе и ближе къ утомленной путницѣ.

Поровнявшись съ нею, всадникъ учтиво поклонился. Онъ также намѣревался дать вздохнуть своей вѣрной лошаdkѣ и вступилъ въ разговоръ съ сидящею. Изъ ея словъ онъ узналъ, что ее зовутъ Салугвари и что она предприняла это богомолье, желая помолиться у гроба святого отшельника обѣ здоровьѣ умирающей матери.

Слово-за-слово, молодые люди разговорились, и всадникъ предложилъ ей продолжать путь, держась за хвостъ его лошади. Этотъ способъ восхожденія считается у насъ, въ Грузіи, самымъ безопаснымъ и менѣе другихъ утомительнымъ.

Когда они уже миновали весь подъемъ и вѣхали въ густой кустарникъ, растущій по краю горы, на которой стоитъ монастырь, обращеніе всадника измѣнилось, рѣчи его испугали Салугвари, и она, бросивъ хвостъ, опрометью побѣжала къ монастырю и, какъ испуганная птичка, впорхнула въ церковь. Взоры всѣхъ молящихся съ изумленіемъ обратились на вѣжавшую, и изумленіе это еще болѣе усилилось, когда вслѣдъ за нею вѣхалъ всадникъ на конѣ и въ шапкѣ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на богослуженіе, сталъ отыскивать взоромъ бѣдную Салугвари, которая пріютилась у могилы святого.

Увидавъ свою спутницу, онъ ударилъ лошадь и однимъ прыжкомъ очутился возлѣ нея. Въ то же мгновеніе полъ разсѣлся, поглотилъ дерзкаго всадника и снова закрылся съ такою быстротой, что присутствующіе не успѣли даже опомниться.

Извѣстно, что нѣсколько ниже монастыря, въ горѣ, былъ высѣченный храмъ Задена, сдѣлавшійся обиталищемъ бѣсовъ, и эти послѣдніе, ежедневно, выходя изъ своего жилища, много беспокоили святого Іоанна и его учениковъ, пока онъ не приказалъ наглухо задѣлать входъ въ оставленное капище.

Всадникъ нашъ самымъ неожиданнымъ для себя образомъ очутился среди этого храма. На возвышеніи стояло гигантское изображеніе красиваго старца, сидящаго на престолѣ, въ ногахъ его лежала кольцеобразная змѣя—изображеніе вѣчности, а въ рукѣ онъ держалъ молцію. Все это было высѣчено изъ мрамора. Вѣнецъ украшавшій кудри старца сохранилъ еще на себѣ нѣкоторые слѣды золота; тамъ и сямъ сіяли драгоценные камни. Это было царство холода и какого-то таинственнаго полумрака. Свѣтъ прокрадывался только чрезъ расщелины горы и въ промежутки оставшіеся

между громадными камнями, которыми загражденъ былъ входъ.

Опомнившись отъ своего неожиданнаго паденія, Адеркъ (такъ звали всадника) сталъ разсматривать пещеру. Вниманіе его въ особенности привлекло одно мѣсто, горѣвшее какъ брильянтъ. Оказалось, что это громадный кусокъ горной соли, на которомъ игралъ лучъ свѣта, прокравшійся въ расщелину горы. Подобные же куски спускались длинными сосульками съ куполообразнаго потолка.

Жажда мучила Адерка; думая, что это ледъ, онъ сталъ напрягать всѣ усилія чтобъ отломить кусочекъ, но, не взирая на самые отчаянные прыжки, не могъ достать ничего. Тогда онъ сообразилъ, что съ боковъ пещера много ниже и сталъ обходить ее кругомъ, стараясь найти гдѣ-нибудь расщелину, на которой могъ бы утвердить свою ногу. Проходя мимо соляного куска, онъ услышалъ какой-то отдаленный голосъ, который пѣлъ тихую, чудную пѣснь. Адеркъ сталъ прислушиваться.

— Могучій витязь, звалъ таинственный голосъ, — я много лѣтъ жду тебя, разрушь скорѣе мою блестящую темницу и выведи меня на свободу. О, сжапись надо мной! я прошу свободы только затѣмъ, чтобы по-

кориться тебѣ, чтобы служить тебѣ, любить тебя, быть твоею послушною рабой. Ты попалъ сюда, преслѣдуя хорошенькую смертную; взглядишь въ мои черты, — ихъ можно различить сквозь мою прозрачную тюрьму. Насколько блескъ моего подземнаго жилища помрачаетъ ея бѣдную саклю, настолько сіяніе моей красоты затемняетъ ея скромныя прелести. Она не смѣла взглянуть на тебя, она боялась твоей ласки. Я же не спускаю глазъ съ тебя съ тѣхъ поръ, какъ ты упалъ къ ногамъ Задена, я пожираю тебя страстнымъ взоромъ, я люблю тебя, я зову тебя: приди, приди скорѣй!

Опьяненный страстною пѣснью, Адеркъ забылъ свое несчастье, забылъ и жажду мучившую его, онъ сталъ пристальнѣе вглядываться въ солянную громаду и сквозь ея прозрачную синеву сталъ различать очертанія молодой и красивой женщины. Онъ ударилъ кулакомъ по хладной поверхности, но могучій ударъ не оставилъ никакого знака; тогда онъ вытащилъ кинжалъ и еще сильнѣе ударилъ въ окаменѣлую соль. Она дала трещину; Адеркъ обратился къ подножію идола, отдѣлилъ отъ него обломокъ мрамора и, употребляя его вмѣсто молота, сталъ усердно ударять имъ по рукояткѣ кинжала. Трещина замѣтно расширялась.

Между тѣмъ изъ отверстія образовавшагося въ пьедесталѣ выползла ящерица, за нею змѣя, летучая мышь и наконецъ маленький чортикъ. Выходя изъ своей за-сады, они всѣ были весьма скромныхъ размѣровъ, но размѣры эти ежеминутно прибавлялись. У ящерицы оказалось безобразное человѣческое лицо, у змѣи приросли крылья, у мыши явилась голова совы съ огромнымъ клювомъ и сверкающими глазами. Чортикъ, меньше другихъ разросшійся, ловко прыгнувъ на ближайшую къ Адеркѣ сосульку и знакомъ приказалъ начинать нападеніе. Первая завопила ящерица какимъ-то страшнымъ не человѣческимъ голосомъ.

— Оставь нашу плѣнницу, дерзкій пришлецъ, или мы растерзаемъ тебя на части!

Адеркъ обернулся. Огромная ящерица стояла на заднихъ лапахъ и, казалось, готова была поглотить его. Летучая мышь хлопала крыльями, издавая какой-то страшный металлическій звукъ, змѣя ползла къ нему съ ужаснымъ шипѣніемъ, а чортикъ хохоталъ надъ головой и наполнялъ воздухъ нестерпимымъ зловоніемъ. Адеркъ вытащилъ шапку и ударилъ змѣю собирающуюся обвить его ноги. Шапка прорѣзала ее насквозь, не сдѣлавъ ей ни малѣйшаго вреда. Она быстро собрала свои кольца и повернула

назадъ къ идолу. Адеркъ бросился за ней и обмеръ отъ ужаса.

Изъ подножія выползали одно за другимъ безчисленные и разнообразныя адскія чудовища, одно другого страшнѣе, одно другого ужаснѣе. Тутъ были и люди со звѣринными головами, и звѣри съ птичьими крыльями, и птицы съ рыбьими хвостами, и рыбы съ головами уродливыхъ людей. Всѣ эти чудовища спѣшили оставить свою западню, толкали другъ друга, перелѣзали одно чрезъ другого, дрались, кусались, царапались; кто шипѣлъ, кто ворчалъ, кто ревѣлъ, кто выпускалъ такой пронзительный свистъ, что морозъ пробѣгалъ по всему тѣлу.

Среди этого гама до Адерка долетѣлъ человѣческій крикъ отчаянія; онъ обернулся. Ящерица усердно расширяла сдѣланную имъ трещину, а змѣя съ зловѣщимъ шипѣніемъ спѣшила занимать каждый вновь открывшійся вершокъ. Адеркъ хочетъ бѣжать на помощь къ бѣдной плѣнницѣ, но летучая мышь бросилась къ трещинѣ и, раскрывъ крылья, загородила собою своихъ товарищей. Между тѣмъ остальные чудовища схватили Адерка за ноги и не давали ему сдвинуться съ мѣста. Тогда онъ вытащилъ пистолеть и мѣткимъ выстрѣломъ разбилъ соляную глыбу въ дребезги. Въ это мгновеніе

чудовища повалили его и онъ лишился чувствъ, такъ что не видѣлъ какъ изъ образовавшейся отъ выстрѣла блестящей ниши бросилась къ нему прелестная молодая женщина.

Предъ нею почтительно разступились чудовища.

— Прочь! повелительнымъ голосомъ крикнула она.— Возьми его осторожно и неси за мною,—указывая на Адерка, приказала она какому-то странному медвѣдю на птичьихъ ногахъ и съ журавлинымъ клювомъ.

Чудовище повиновалось и, продолжая слѣдовать ея приказаніямъ, вошло со своею ношей по ступенямъ подножія до самаго идола и положило Адерка у его ногъ.

— Теперь,—сказала молодая женщина,— власть ваша кончилась надо мною; возвративъ себѣ свободу, я вмѣстѣ съ тѣмъ возвратила и свое прежнее могущество... Всѣ по мѣстамъ! заключила она повелительно, и чудовища одинъ за другимъ полѣзли обратно въ подножіе.

Когда всѣ попрятались, она подняла обломокъ мрамора брошенный Адеркомъ и тщательно загородила входъ; послѣ того она снова подошла къ идолу, опустилась на колѣни и сказала:

— Великій Задень! Вотъ даръ достойный тебя въ благодарность за мое избавленіе. Если тебѣ угодно, чтобъ я не покидала твоего оставленнаго храма, стараясь замѣнить твоихъ прежнихъ многочисленныхъ служителей, то возврати мнѣ этого смертнаго, призови его снова къ жизни, вдохни въ сердце его привязанность ко мнѣ, и тогда мы оба будемъ постоянными и вѣрными твоими слугами.

Тяжелыя, каменные вѣки идола раскрылись, глаза сверкнули, и отъ этой минутной искры Адеркъ мгновенно ожилъ и всталъ на ноги. Въ то же время идолъ, со страшнымъ трескомъ, рассыпался въ прахъ.

— Кто ты, прекрасная? — было первымъ его вопросомъ.

— Пойдемъ въ мое прозрачное жилище, — отвѣтила она, — я уложу тебя на свое хрустальное ложе, и убаюкаю своими рассказами и ласками.

Они вошли въ нишу. Въ маленькое отверстіе проникалъ тоякій лучъ свѣта, который причудливо игралъ по гладкой, соляной поверхности, рассынаясь милліонами искръ и переливаясь всѣми цвѣтами радуги.

Красавица сѣла, положила на свои колѣни голову Адерка и, пока онъ старался заснуть, рассказала ему свою исторію.

— Я дочь Луны и Задена, зовутъ меня Айпина. Отецъ мой опредѣлилъ, чтобъ я являлась взору людей лишь какъ предзнаменованіе міровыхъ событій; остальное время я должна была невидимо скрываться въ стѣнахъ его храма, который въ то время былъ мѣстомъ общаго поклоненія. Народъ толпился здѣсь съ утра до вечера съ богатыми приношеніями. Многочисленные жрецы курили оиміамъ, жрицы въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, сидя на золотыхъ треножникахъ, предсказывали будущее. Но не взирая на все это оживленіе, мнѣ было скучно и, въ одну прекрасную ночь, когда мать моя заливала все своимъ мягкимъ волшебнымъ свѣтомъ, я самовольно выкатилась изъ храма и поплыла по небесамъ, сверкая своимъ блестящимъ хвостомъ. Мать испугалась моей смѣлости и поспѣшила скрыться. Тогда я одна стала весело разгуливать по небосклону, гоняясь за звѣздами и сшибая ихъ хвостомъ. Между свѣтилами небесными произошелъ величайшій переполохъ, меня поснѣшили убраться на мѣсто и отецъ гнѣвно объявилъ мнѣ, что моя безумная выходка погубила его. Дѣйствительно, въ тотъ же день пришелъ и поселился на горѣ нищій монахъ. Заденъ приказалъ чудовищамъ спустить его съ избраннаго имъ жилища, но

старикъ какимъ-то чуднымъ знакомъ своей руки отнималъ у нихъ всякую силу. Многие богомольцы, приходившіе издалека съ дарами, чтобы поклониться Задену, завидя на высотѣ пришельца, мирно сидящаго между дикими звѣрями, восходили къ нему по крутизнѣ и не жалѣли трудовъ и усилій, чтобъ удовлетворить своему любопытству. Онъ же пользовался этимъ, чтобъ отвращать ихъ отъ вѣры отцовъ и поучать какой-то новой вѣрѣ, отличительною чертой которой было полное презрѣніе къ нашимъ древнимъ богамъ. Наконецъ, безпрестанныя нападенія чудовищъ наскучили монаху: онъ собралъ своихъ слушателей и вмѣстѣ съ ними загородилъ входъ въ храмъ и удалился. По неопытности своей, я сначала смѣялась надъ его усиліями: что стоило Задену, по своей волѣ распоряжающемуся громомъ и молніей, разметать ихъ сооруженіе во мгновение ока, но старецъ, уходя, осѣнилъ камни тѣмъ чуднымъ движеніемъ руки, которое отнимало силу у чудовищъ и Заденъ тотчасъ почувствовалъ, что божественныя свойства стали покидать его. Здѣсь гнѣвъ его обратился на меня. Въ наказаніе за мое глупое самовольство, онъ отнялъ у меня свѣтлый образъ кометы и обратилъ въ женщину, которую приказалъ стеречь адскимъ чудо-

вищамъ. Они посмѣшили заложить меня въ эту соляную стѣну, а Задень, который ежеминутно все болѣе и болѣе мертвѣлъ, въ послѣднемъ припадкѣ гнѣва изрекъ такое опредѣленіе: „Ты будешь во власти у этихъ чудовищъ, пока найдется смертный, который освободитъ тебя, тогда они снова покорятся тебѣ!“ Это было послѣднимъ проявленіемъ не только власти, но и жизни моего отца; съ тѣхъ поръ онъ обратился въ бездыханнаго истукана и сидѣлъ неподвижно на своемъ мраморномъ престолѣ нѣсколько вѣковъ. Сквозь расщелины обветшавшаго храма вода лила на его царственный вѣнецъ и смывала съ него драгоценныя украшенія. Ящерицы ползали по его лицу, летучія мыши безбоязненно садились на его могучія плечи и руки, змѣи обвивали его обнаженныя ноги! Онъ оставался безчувственъ ко всему и безсиленъ защищать себя. Мнѣ было страшно скучно. Дни, мѣсяцы, годы, самыя вѣка протекали и никто не являлся. Я уже начала отчаиваться, когда судьба привела тебя сюда. Теперь намъ надо непременно найти способъ выйти отсюда, я знаю, что изъ этого храма есть подземный ходъ къ многочисленнымъ пещерамъ, которыми преисполнена эта гора, а изъ нихъ можно выбраться и на волю.

— Но кто же покажетъ намъ этотъ ходъ? спросилъ Адеркъ.

— У меня есть другъ между чудовищами, это — медвѣдь съ журавлинымъ носомъ. Во всѣ долгіе годы моего заключенія, онъ ежедневно кормилъ меня. Длиннымъ клювомъ своимъ онъ пробилъ небольшое отверстіе въ моей темницѣ, разыскалъ улей дикихъ пчель, летавшихъ сюда въ расщелины и питалъ меня ихъ медомъ. Онъ прежде былъ человекомъ, той же вѣры, какъ и нашъ врагъ инокъ, и попалъ сюда за то, что посмѣялся надъ какимъ-то слугою своего Бога. Съ этими словами Айпина ударила въ ладоши; медвѣдь отвалилъ камень и вылѣзъ; тогда она сообщила ему въ чемъ дѣло, а онъ, предупредивъ ихъ, что путь будетъ долгій и утомительный, забрался въ ихъ пещеру и сталъ тщательно ощупывать клювомъ, гдѣ тоньше слой соли. Когда же такое мѣсто было найдено, онъ и Адеркъ навалились на него всею своею тяжестью и послѣ долгихъ усилій проломилъ небольшое отверстіе, въ которое и надлежало пройти.

Первый полѣзъ медвѣдь, за нимъ Айпина и Адеркъ. Проходъ былъ высѣченъ въ каменной части горы и былъ такъ тѣсенъ и малъ, что приходилось идти одному за другимъ и согнувшись. Пройдя немного, они очу-

тились на небольшой площадкѣ съ болѣе высокимъ куполообразнымъ потолкомъ. Сквозь небольшую щель проникалъ слабый лучъ свѣта.

Они сѣли отдохнуть и, оглядѣвшись немного, замѣтили что-то блестящее, горѣвшее какъ золото. Это оказался стеклянный сосудъ съ четырьмя ручками. Онъ былъ золотистаго цвѣта съ тонкими бѣлыми узорами и переполненъ древними греческими серебряными деньгами.

— Первая находка должна принадлежать тебѣ, — сказала Айпина.

И медвѣдь, нанизавъ сосудъ на свой длинный тонкій клювъ, снова собрался въ путь.

Предстояло слѣдовать такимъ же узкимъ и низкимъ проходомъ, но вдвое длиннѣйшимъ, чѣмъ первый. Онъ привелъ въ большую круглую пещеру, очень высокую.

Въ самомъ верху было довольно большое отверстие, чрезъ которое проникалъ свѣтъ. У одной стѣны стоялъ деревянный гробъ, безъ крышки и предъ нимъ древній свѣтильникъ изъ красной глины. Къ изумленію нашихъ путниковъ, на немъ колыхалось синее пламя догоравшей свѣтильни. Они подошли ближе и увидѣли, что въ гробу лежалъ иннокъ, вѣроятно праведный, потому что тлѣніе не касалось его.

— Отдохнемъ, — сказала усталая Айпина, опускаясь на полъ.

Медвѣдь медленно спустилъ свой ссудъ къ ея ногамъ, а самъ все не сводилъ глазъ съ мертвеца, какъ будто стараясь припомнить знакомыя черты, и вдругъ онъ вспомнилъ и съ какимъ-то страшнымъ ревомъ и воплемъ бросился на полъ предъ гробомъ.

— Прости меня, святой Божій, — вопилъ онъ, — прости мнѣ то оскорбленіе, которое я нанесъ тебѣ въ своемъ безуміи, и за которое такъ жестоко наказанъ.

И съ чистосердечнымъ раскаяніемъ молилъ онъ Бога и святого простить его грѣхъ.

Изумленно слушала его Айпина, но на Адерка слова его производили другое впечатлѣніе. Онъ понялъ, какъ глубоко онъ самъ оскорбилъ Бога, и его гордое сердце наполнилось раскаяніемъ. Онъ сталъ на колѣна рядомъ съ чудовищемъ и горько и много плакалъ о своемъ грѣхѣ и пламенно молился о помилованіи.

Господь милосердый внялъ слезамъ обоихъ грѣшниковъ и послалъ имъ избавленіе столь же дивное, какъ и наказаніе. Необычайный свѣтъ сверкнулъ въ пещерѣ и на мгновеніе ослѣпилъ молящихся; когда же они снова стали различать предметы, Айпины не было, а на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, сіяла ослѣпительно прекрасная комета.

Адеркъ взглянулъ на медвѣдя, — онъ превратился въ красиваго юношу, въ рукѣ его подъ лучами кометы горѣлъ и игралъ разноцвѣтными огнями старинный стеклянный сосудъ. Чрезъ мгновеніе комета медленно стала выходить къ отверстию въ потолокъ. Сверкающія нити ея длиннаго хвоста опутали обоихъ изумленныхъ людей и увлекали ихъ съ собой. Скоро пролетѣли они длинное и узкое отверстіе пещеры и стали подниматься все выше и выше, пока не достигли верха горы. Тогда комета спустилась къ дверямъ того самаго храма, который осквернилъ своимъ вѣздомъ Адеркъ.

Айпия снова преобразилась въ женщину и стала просить Адерка, чтобъ онъ сдѣлалъ ее рабыней могучаго Бога, творящаго такіа чудеса.

Между тѣмъ заря начинала заниматься и монахи стали выходить изъ своихъ келій, спѣша къ утрени. Раздался первый ударъ колокола. Адеркъ и его спутникъ сняли шапки и набожно перекрестились.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ монахъ, стоявшій у гроба святого, когда къ нему приютилась Салугвари. Онъ узналъ Адерка и сурово взглянулъ на него. Но смиренныя рѣчи раскаявшагося, вскорѣ его успокоили.

Айпина была крещена и сдѣлалась женой Адерка, а спутникъ его, употребившій свои деньги на пріобрѣтеніе обширнаго виноградника, близъ бѣдной сабли Салугвари, женился на ней и взялъ къ себѣ ея выздоровѣвшую мать. Всѣ трое жили долго и счастливо и часто посѣщали Адерка и Айпину, не уступавшихъ имъ въ счастіи и согласіи.

XV.

Ш Я У В ъ.

Л Е Г Е Н Д А.

Во времена царя Ашота по всей Грузіи разсыпались проповѣдники мусульманства и многихъ совратили въ новую вѣру. Благочестивый царь дѣятельно возставалъ противъ совратителей и, наконецъ, многихъ изгналъ изъ своего царства, чѣмъ навлекъ на себя ненависть новообращенныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ составили заговоръ и убили его въ церкви, за что сами были убиты вѣрными подданными Ашота, искренно его любившими. Разгнѣванные, они перенесли мщеніе свое и на неповинныя семьи убійцъ, которыя должны были спасаться бѣгствомъ, многія покинули отечество, другія прятались въ лѣсахъ и горахъ. Къ числу послѣднихъ принадлежала Абешура, которая вмѣстѣ со взрослою дочерью спаслась въ пещерѣ.

Пещера эта была очень обширна и составляла какъ бы двѣ большія залы. Она помѣщалась въ самомъ подножіи высокой горы, и узкій входъ ея былъ почти невидимъ отъ большаго букета вѣковѣчныхъ орѣшнич-

ковъ и множества мелкихъ кустарниковъ. У подножія горы на большое пространство раскинулся дремучій боръ. Въ немъ были и непроходимыя болота, и свѣтлыя ручейки, и даже небольшія озера съ рыбой. Много было и фруктовыхъ деревьевъ, было чѣмъ пропитаться бѣглянкамъ.

Абешура была еще не старая женщина, сильная, дѣятельная, умная. Не взирая на сильное огорченіе о смерти мужа, котораго она любила страстно, она вся отдалась попеченію о безопасности дочери и храбро принялась за работу.

Онѣ достигли пещеры въ самый полдень. Сквозь расщелины проникали ослѣпительныя лучи солнца и вполне освѣщали ихъ подземное жилище. Прежде всего она тщательно осмотрѣла всѣ углы и закоулки и убѣдившись, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ хищныхъ звѣрей, вздохнула свободно. Тогда она стала изучать также пристально стѣны и сводъ, но здѣсь не все обстояло благополучно. И тамъ, и сямъ по стѣнамъ сидѣли тарантулы и скорпіоны, а среди свода, уцѣпившись ногами за какую-то неровность, висѣли головой внизъ нѣсколько вампировъ. Отвратительныя животныя спали, а Абешура, не теряя времени, съ помощію дочери, набрала великое множество хворосту и, безстрашно

проходя подъ висящими вампирами, ната-скала цѣлый костеръ въ заднюю пещеру.

Съ помощью двухъ кремней и охапки сухихъ листьевъ ей вскорѣ удалось поджечь хворостъ. Обѣ женщины успѣли выйти изъ пещеры и скрыться въ кустарникахъ. Дымъ потянуло къ выходу, тѣ изъ обитателей пещеры, которые не успѣли задохнуться и сгорѣть, успѣли ее покинуть навсегда. Но въ пещерѣ не было двери, ночью могли забрести туда дикіе звѣри, змѣи и прежніе обитатели. Пришелицы снова принялись за работу. Натаскавъ еще большее количество хворосту, онѣ изнутри заложили имъ плотно входъ и снова подожгли. Костеръ горѣлъ, распугивая звѣрей и гадовъ, а дымъ относимый къ выходу не беспокоилъ новыхъ жилищъ, которыя удалились въ заднюю пещеру. Верхняя одежда матери замѣнила тюфякъ, а верхняя одежда дочери — одѣяло. Утомленные, онѣ скоро заснули, а луна заглянула въ самую верхнюю, довольно просторную расщелину и, казалось, залюбовалась ими.

И было на что заглядѣться: и та и другая были въ полномъ смыслѣ слова красавицы. Одна — черноволосая, другая — блонкурая. Одна — высокая, стройная, сильная, другая — маленькая, тоненькая, воздушная.

Во снѣ розовыя губки дочери зашевелились, изъ закрытыхъ глазъ полились слезы. „Теодозе, Теодозе“,—горестно шептала она.

Этотъ тихій шопоть прервалъ чуткій материнскій сонъ. Открывъ свои прекрасные черные глаза, которые подъ лучомъ мѣсяца горѣли какъ два брильянта, Абешура стала внимательно прислушиваться, и вдругъ выраженіе неизъяснимой боли исказило ея черты.

— О, это слишкомъ! прошептала она, —возможно ли, что она любитъ убійцу своего отца? и Абешура поднялась и нервно стала ходить по тому небольшому пространству, которое освѣщала луна. Мягкій свѣтъ подѣйствовалъ на нее успокоительно. Она прошла въ переднюю пещеру, поправила костеръ и, возвратясь къ дочери, снова легла рядомъ съ нею. Но сонъ не возвращался.

Отецъ снѣщей дѣвушки и Теодозе, о которомъ она бредила, принадлежали къ различнымъ партіямъ и, въ то время, когда одинъ считалъ своимъ долгомъ умертвить Ашота, другой считалъ такимъ же долгомъ служить Ашоту вѣрой и правдой и убивать каждаго, который посягнулъ бы на жизнь царя. Случилось, что, зная другъ друга съ давнихъ поръ, они, тѣмъ не менѣе, никогда не касались своихъ политическихъ убѣжденій. Теодозе

былъ слишкомъ открытаго характера, чтобы кто-либо изъ заговорщиковъ рѣшился посвятить его въ свои замыслы, для которыхъ необходима была скрытность. Между тѣмъ они были сосѣди. Одинокій Теодозе проводилъ большую часть своего времени въ гостеприимномъ домѣ Абешуры и ея мужа и вскорѣ привязался къ ихъ дочери Аннѣ.

Въ минуту убійства Ашота они уже были женихомъ и невѣстой. Теодозе былъ однимъ изъ заставшихъ убійцъ еще въ церкви, и своею рукой положилъ многихъ. За симъ онъ бросился къ Абешурѣ, объяснилъ ей обо всемъ случившемся и, убѣждая ее искать спасенія въ бѣгствѣ, просилъ отдать ему Анну сейчасъ же.

Но Абешура отказала наотрѣзъ.

— Какъ смѣешь ты предлагать ей свою руку, обогренную кровью ея отца! гнѣвно воскликнула она, и взявъ Анну за руку, повела ее вонъ изъ дома, запретивъ Теодозе за ними слѣдовать.

Можно предположить, что запрещеніе это не остановило предприимчиваго юноши, потому что луна, такъ недавно любовавшаяся на спящихъ женщинъ, теперь освѣщала ему путь въ глухомъ бору. Вскорѣ вниманіе Теодозе было привлечено какимъ-то мерцающимъ огнемъ; онъ пошелъ на него и такимъ

образомъ достигъ пылающаго костра, которымъ былъ загражденъ входъ въ пещеру. Онъ влѣзъ на высокое дерево и рѣшился сидѣть на немъ до тѣхъ поръ, пока разведшій костеръ не выйдетъ изъ пещеры и онъ убѣдится, нужно ли ему еще продолжать свои поиски.

На зарѣ Абешура вышла и поспѣшно пошла внутрь лѣса, тщательно оглядывая деревья. Теодозе догадался, что она хочетъ собрать фруктовъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобъ она скрылась изъ глазъ.

Какъ бѣлка слѣзъ онъ съ дерева и черезъ минуту былъ уже въ пещерѣ. Нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобъ убѣдить по уши влюбленную въ него дѣвушку бѣжать съ нимъ. Они уже покинули заднюю пещеру, уже приближаются къ выходу послѣдней, когда предъ ними является Абешура.

Съ негодованіемъ изгоняетъ она Теодозе и, выйдя изъ пещеры, ищетъ способъ заградить ея устье... Ей приходитъ въ голову сплести щитъ изъ прутьевъ и уходя привалить его снаружи тяжелымъ камнемъ. Надъ устьемъ, по горѣ, расбинулось множество гибкихъ кустовъ. Предпримчивая Абешура карабкается на почти отвѣсную гору, падаетъ, снова лѣзетъ, цѣпляясь за каждую

неровность почвы. Вотъ она уже надъ устьемъ пещеры, что-то со страшнымъ трескомъ вырывается изъ подъ ея ногъ, она цѣпляется за гигантскій кустъ, чтобы не слетѣть внизъ и смотреть: Боже мой! громадный камень свалился съ горы и закрылъ устье пещеры, а Анна тамъ!

Съ быстротой лани спускается бѣдная Абешура внизъ, всюю силой своего тѣла наваливается она на камень, но онъ не шевелится. Кровь стынетъ въ ея жилахъ отъ ужаса.

— Анна, Анна! кричитъ она, — помогай мнѣ оттуда! Но усилія воздушной молодой дѣвушки не помогаютъ.

Въ отчаяніи Абешура ломаетъ себѣ руки, рветъ на себѣ волосы, вопли ея устрашаютъ дикихъ звѣрей, проникаютъ вглубь лѣса, но нигдѣ вѣтъ души человѣческой, некому откликнуться на ея отчаянный призывъ. Съ утренней зари терзалась несчастная мать до глубокой ночи. Сумракъ, окружавшій ее, ничѣмъ не отличался отъ того мрака, который наполнялъ ея измученную душу. Она чувствовала нестерпимую боль въ сердцѣ и понимала, что оно готово разорваться.

Въ это мгновеніе блестящая звѣздочка показалась надъ ея головой. Точно небесный лучъ озарилъ ее.

— Святой мученикъ Ашотъ, прости меня! воскликнула она отъ всего сердца и испустила духъ.

А между тѣмъ, внутри, бѣдная Анна, такъ неожиданно заживо погребенная, не переставала молиться.

Она никогда не раздѣляла увлеченій отца своего къ новой вѣрѣ, то-есть къ мусульманству. Съ неудовольствіемъ видѣла она посѣщенія ученыхъ арабовъ, которые сбивали съ толку ея безхитрестнаго отца, и тѣмъ болѣе привязывалась къ Теодозе, чѣмъ открытѣе и прямодушнѣе онъ исповѣдывалъ свою непоколебимую вѣру въ единаго Бога христіанскаго. Тогда какъ Абешура, напротивъ, постоянно восхищавшаяся своимъ мужемъ, вскорѣ научилась отъ него ненавидѣть святого царя за его сопротивленіе мусульманамъ и за изгнаніе многихъ проповѣдниковъ новой вѣры, и надо было такое сильное потрясеніе, какъ погибель любимой дочери, по ея винѣ, чтобы заставить ее образумиться и познать свой грѣхъ.

Теодозе, изгнанный Абешурой и безуспѣшно истощившій свое краснорѣчіе, чтобы добиться хотя позволенія посѣщать ихъ изрѣдка, шель, повѣся голову, самъ не зная куда. Нѣсколько часовъ такой безцѣльной ходьбы утомили его, онъ сѣлъ чтобъ отдох-

нуть и оглянулся. Старинныя деревья окружали его со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже подломились отъ старости и лежали на землѣ, одинъ такой гигантъ висѣлъ на безчисленномъ множествѣ вьющихся растеній, которыя сплелись и переплелись между собою, образуя фантастическія вѣтви и гирлянды и не допуская его упасть. Вѣтки висящаго дерева касались земли, онѣ были покрыты листьями, но уже засохшими. Внезапно до слуха его дошло тихое пѣніе. Онъ прислушался. Старческій голосъ раздавался изъ за сухихъ вѣтокъ висящаго дерева и пѣлъ молитвы христіанскія.

— Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ! громко произнесъ Теодозе.

— Аминь, — отвѣтилъ пѣвецъ и вышелъ къ пришельцу.

Это былъ старецъ небольшого роста, едва прикрытый ветхимъ рубищемъ.

— Взойди ко мнѣ, братъ мой, и отдохни, — привѣтливо обратился онъ къ Теодозе; при этихъ словахъ онъ согнулся и подошелъ подъ нависшія вѣтки. Теодозе послѣдовалъ за нимъ и очутился въ небольшой пещеркѣ, входъ въ которую скрывало висящее дерево.

Горсть финиковъ и свѣжее козье молоко въ глиняной чашѣ подкрѣпили силы при-

шельца и показались ему вкусомъ многихъ роскошныхъ обѣдовъ. Слово за слово, онъ разсказалъ старцу свое горе.

— Какъ можетъ она такъ самонадѣянно отдалять отъ себя и дочери всякую чело-вѣческую помощь! съ упрекомъ говорилъ Теодозе.

— Другъ мой! прежде чѣмъ осуждать другихъ, подумай, не достоинъ ли и ты осужденія. Можно ли ожидать, чтобъ юноша, желавшій тайно увести молодую дѣвушку, возбуждалъ къ себѣ какое-нибудь довѣріе въ благоразумной матери этой дѣвушки? И какъ не боялся ты прогнѣвить Бога, научая свою невѣсту некорности родителямъ; развѣ ты не знаешь, что твоя обязанность руководить женой ко спасенію, взирая на нее какъ на немощнѣйшій сосудъ? Невозможное у людей — возможно у Бога и если бы ты, вмѣсто того, чтобы раздражать Абешуру, молилъ Бога обратить ея сердце къ тебѣ, быть-можетъ уже желаніе твое было бы исполнено.

Между тѣмъ вечерѣло, слухъ Теодозе былъ пораженъ близкимъ бляніемъ козъ. Онъ взглянулъ на старца, лицо котораго озарилось улыбкой.

— Это козочки принесли намъ ужинъ и сами ждуть угощенія! сказалъ онъ, взявъ

двѣ глиняныя чашки и пошелъ изъ пещеры. Теодозе послѣдовалъ за нимъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, они очутились среди множества финиковыхъ деревьевъ; подъ ними стояли дикія козочки съ дѣтенышами. Старецъ нагнулъ высокую вѣтку, осыпанную плодами, и козочки живо оцпнали ее; тогда онъ подоилъ двухъ изъ нихъ и, благословивъ своихъ кормилицъ, понесъ ужинъ къ пещерѣ.

— Такъ какъ обѣ мои руки заняты, — сказалъ онъ Теодозе, — то потрудись ты нарвать финиковъ для насъ.

Послѣ ужина, вмѣсто того, чтобы ложиться спать, они вышли изъ пещеры и подъ мягкими лучами звѣздъ и луны стали молиться Богу о соединеніи Теодозе и Анны.

Когда Анна услышала предсмертный вопль матери, она стала молиться еще пламениѣе, еще усердиѣе. Чрезъ нѣсколько мгновеній она окликнула мать, но отвѣта не было.

Изъ страха Анна зоветъ изо всей мочи, кричитъ, стучитъ. Отвѣта нѣтъ.

„Неужели ты покинула меня?“ восклицаетъ несчастная.

Отвѣта нѣтъ.

„Она вѣрно пошла за помощью“, думаетъ сирота и, опустясь на землю, близъ входа, терпѣливо ждетъ ея возвращенія. Проходитъ

часъ за часомъ, Анна засыпаетъ, но въ полночь сонъ ея прерывается ревомъ дикихъ звѣрей.

Она съ ужасомъ чувствуетъ, что чудовища приближаются и мысленно благодарить Бога, заградившаго устье ея жилища. Вдругъ радостный визгъ раздается у самаго входа. Звѣри увидѣли тѣло Абешуры и бросились на неожиданную добычу. Луна, такъ недавно любовавшаяся на красавицу, теперь видѣла, какъ безжалостно терзали ея бѣлое тѣло, высасывали ясныя очи, дрались за кости, пили кровь.

Услыхавъ, какъ хрустятъ кости, и понявъ въ чемъ дѣло, Анна съ воплемъ бросилась въ заднюю пещеру. Но крикъ ея долетѣлъ до слуха звѣрей и, фыркая и обнюхивая, они съ глухимъ ворчаніемъ принялись работать надъ тяжелымъ камнемъ.

Анна слышитъ, какъ отъ ихъ усилій каменная громада подается, вотъ она чуть отдѣлилась отъ пещеры и снова сѣла на мѣсто, придавивъ лапу одного изъ звѣрей, который жалобно завизжалъ.

Анна поднимаетъ глаза къ отверстию, изъ котораго свѣтитъ луна, и тихо молится.

Подъ яркимъ луннымъ освѣщеніемъ, она видитъ какъ маленькая черная точка отдѣляется отъ края отверстія и спускается

внизъ. Это небольшой паучекъ. Какими чудными цвѣтами играетъ его тоненькая паутинна подъ лучами небеснаго свѣтила. Анна вглядывается и какое-то неожиданное чувство надежды прокрадывается въ ея душу.

„Господи!“ съ дѣтскимъ довѣріемъ восклицаетъ она, — „Тебѣ все возможно! Укрѣпи эту паутинку, чтобъ я спаслась по ней?“ И она съ увѣренностью ожидаетъ исполненія, она не сводитъ глазъ съ паутинки, а звѣри все работаютъ и тяжелый камень все чаще и чаще отдѣляется на мгновение отъ пещеры и снова тяжело падаетъ на мѣсто. Вотъ паучекъ опять поднимается къверху, вмѣсто одной паутинки образовалось двѣ. Вотъ онъ опять спустился внизъ, прямо подъ ноги Аннѣ, она глядитъ и видитъ, что онъ растеть, что она стоитъ уже на немъ обѣими ногами. Невольно она беретъ въ каждую руку паутинку. Паукъ поднимается и доставляетъ ее на верхъ горы.

Анна опускается на колѣни и со слезами на глазахъ благодаритъ Бога, но чудеса не кончились. Паучекъ оплетаетъ ее какъ бы сѣткой паутинокъ и самъ входитъ въ эту легкую клѣтку, поднимается сильный вѣтеръ и несетъ и Анну, и ея маленькаго спасителя надъ макушками столѣтнихъ деревьевъ, надъ вершинами высокихъ скалъ, че-

резь рѣки и озера, прямо къ висящему дереву святого старца и осторожно спускаетъ свою ношу между молящимися. Недоумѣвающимъ Теодозе ничего не понимаетъ, но прозорливый старецъ разрываетъ паутину и подводитъ счастливую Анну къ еще болѣе счастливому Теодозе.

Поблагодаривъ Бога за Его милость, старецъ благословилъ ихъ бракъ.

— Чѣмъ можемъ мы помочь тебѣ, отче? спрашиваютъ молодые люди, — не откажи намъ принять отъ насъ хоть что-нибудь.

— Накормите побольше нищихъ! — сказалъ онъ.

— Это мы сдѣлаемъ, но намъ хочется что-нибудь для тебя самого сдѣлать.

— Для меня самого — задумался старецъ, — для меня... пришлите кусочекъ соли, чтобъ угощать добрыхъ козочекъ!

XVI.

ЦАРЬ-ТЯМАРА.

ЛЕГЕНДА.

Солнце чуть начинало показываться, окрашивая высокія горы блѣдно-розовыми пятнами. Точно огромные цвѣтники рѣдкихъ розъ раскинулись на горныхъ вершинахъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ліохва впадаетъ въ Куру, виднѣлась высокая остроконечная скала. Воды двухъ рѣкъ, соединяясь, казалось, боролись между собою. Кура спѣшила поглотить соперницу, а Ліохва отчаянно защищалась, волны пѣнились, сталкивались, плескались и, шумно ударяясь объ утесъ, разлетались въ дребезги и, высоко взлетая на воздухъ, крупными каплями осыпали утесъ, а солнце играло съ этими каплями, преобразая ихъ и въ алмазы, и въ опалы, и въ жемчугъ, и въ сапфиры, и въ изумруды, и въ топазы. Утесъ казался горой изъ чистаго золота со вдѣланными въ нее драгоценными камнями. Но вскорѣ и настоящее золото, и настоящіе камни стали заигрывать съ солнечными лучами. Явился караванъ, и одинъ верблюдъ за другимъ по-

слушно преклонялъ колѣни, пока нарядные слуги снимали съ него то парчевые шатры, то драгоценныя ковры, то рѣдкія шали, то золотую посуду, то шелковыя скатерти, съ бахромой изъ мелкихъ драгоценныхъ камешковъ. Безлюдное мѣсто оживилось и приняло видъ сказочнаго городка, неизреченно прекраснаго и баснословно богатаго.

Послышался конскій топотъ, и чрезъ мгновеніе въ городокъ вѣхали всадники, въ разнообразныхъ нарядахъ и съ роскошнымъ оружіемъ. Не только сами всадники, но даже кони ихъ горѣли дорогимъ убранствомъ; тутъ были и карталинцы, и кахи, и имеры, и мингрельцы, и гурійцы, и свацы. Всѣ они почтительно окружали дѣвицу, красоты необычайной, которая вѣхала на чистокровномъ арабскомъ конѣ, залитомъ драгоценными камнями; роскошный нарядъ и царскій вѣнецъ изобличали царицу. Двое старыхъ вельможъ вѣхали рядомъ съ ней и держали по золотому поводу отъ роскошной узды ея коня. Лучшій шатерь былъ поставленъ на возвышеніи, и къ нему направилась царица.

Тогда третій вельможа сталъ на одно колѣно возлѣ лошади царицы, два сопровождавшіе ее старика сошли и подали ей руки. Опираясь на нихъ, царица ступила сна-

чала на плечо колѣнопреклоненнаго, потомъ на колѣно и, наконецъ, на парчевый коверъ.

Откинули пологъ шатра и царица приказала начинать охоту.

Наперерывъ одинъ предъ другимъ цари, владѣтельные князья, ханы, мтавары, князья, вельможи, старались выказать свою удалъ, ловкость, храбрость; каждый горѣлъ усердіемъ къ юной и прекрасной царицѣ, каждый готовъ былъ пожертвовать жизнью, чтобы вызвать улыбку на коралловыхъ устахъ, чтобы привлечь на себя хоть на мгновение взглядъ этихъ чудныхъ черныхъ очей. Она сидѣла среди всей этой роскоши, не замѣчая, что сама она была самою драгоценною изъ драгоценностей. Ея дивная красота, величавыя движенія, обворожительный голосъ поражали каждого невиданнымъ совершенствомъ, а тѣ, которые знали, что подъ этою изящною оболочкой скрываюся рѣдкій умъ, доброе сердце и кроткій нравъ, конечно, искренно преклонялись предъ своею повелительницей.

Это была Тамара, та Тамара, которую наши историки называютъ *Царь-Тамара*, въ отличіе отъ другой Тамары, напоминавшей ее только именемъ и красотой. Это были первые дни ея царствованія, когда юный дѣвическій умъ еще учился премудрой на-

укѣ царской, такъ совершенно впоследствии ею постигнутой.

Одинъ за другимъ выѣзжали витязи и клали къ ногамъ красавицы кто козу, кто лань, кто кабана, кто оленя, и всѣхъ награждала Тамара кого словомъ, кого взглядомъ, кого улыбкой или движеніемъ царской руки.

Натѣшившись звѣриною охотой, витязи вспомнили о соколахъ и кречетахъ; спросила и царица своего любимаго ученаго ястреба. Но онъ, вмѣсто того, чтобы гнаться за фазаномъ, улетѣлъ на утесъ среди волнъ и не хотѣлъ возвратиться.

Опечалилась юная царица, трубитъ она въ золотую трубу и слетаются къ ней ея витязи. Завылъ вѣтеръ буйный, полилъ дождь непроглядный. Вздываются пуще прежняго волны въ рѣкѣ, разрывается жалостью сердце царицы. — Пропадетъ мой ястребъ легковкрыль, погибнетъ птичка любимая.

Скачутъ витязи къ быстрой рѣкѣ, хотятъ переплыть ее на борзыхъ коняхъ, да кони ихъ не слушаютъ, боятся кипучихъ волнъ, не идутъ въ рѣку бурную, а дождь все прибавляется, гроза приближается, и пуще боятся царица за ястреба.

— Достаньте моего ястреба, — говоритъ царица, — и я дамъ вамъ что попросите.

Брикъ пронесся по всему стану, и ра-

достью и отвагой звучалъ онъ. Изъ заднихъ рядовъ выскакалъ безбородый юноша и однимъ прыжкомъ очутился въ водѣ.

Обозлились волны пуще прежняго, высоко прыдаютъ они, обливая храбраго юношу, но добрый конь грудью разсѣкаетъ волны и несетъ его къ утесу. Вотъ подплылъ онъ вплотъ, и однимъ прыжкомъ вскочилъ на первый уступъ. Пошелъ юноша и поползъ къ намокшей птицѣ. Всѣ глядятъ, глазъ не сводятъ, у всѣхъ душа замираетъ, ну какъ сорвется онъ съ мокраго, скользкаго крутого утеса, а ястребъ сидитъ на самой вершинѣ и ничего не замѣчаетъ. Схватилъ его юноша въ мощныя руки, поднялъ высоко, и только одно слово крикнулъ: „Царица!“ и отъ этого единого слова сжалось сердце царское, поняла Тамара, чего будетъ просить юноша, поблѣднѣла какъ смерть, бросилась въ шатерьъ, своей рукой опустила она парчевый пологъ, и бросилась на землю въ горячей молитвѣ.

— Господи, заступи меня! взывала она со слезами.— Тебѣ все возможно! избавь меня отъ этой бѣды, сохрани честь моего царскаго слова и заступи мою честь дѣвичью. Покажи мнѣ исходъ изъ этой пучины, въ которую я сама себя ввергла, выведи меня изъ этого омута, ими же вѣси судьбами.

Страшнымъ громовымъ ударомъ отвѣтилъ Господь на эту молитву, царица задрожала всѣмъ тѣломъ, хотѣла встать, но раздирающій душу крикъ толпы заставилъ ее унасть на землю. Съ трудомъ вышла она изъ шатра.

— Что случилось? — со страхомъ спросила она.

Сванъ не далъ отдохнуть своему коню и пустился въ обратный путь съ ястребомъ. Съ трудомъ плылъ конь противъ теченія, гроза усиливала волны, съ послѣднимъ ударомъ грома они перешли въ бурю и потопили коня и всадника.

Царица всплеснула руками и упала замертво. Когда она открыла глаза, предъ ней стоялъ священникъ въ рубищѣ, около нея хлопотали врачъ и придворные. Отъ взгляда Тамары всѣ лица освѣтились радостью, посыпались привѣтетія и поздравленія, только лицо нищаго старца было мрачно, и большіе глаза его гнѣвно смотрѣли на юную царицу. Этотъ взглядъ какъ мечомъ пронзилъ ее сердце.

— Уйдите всѣ! приказала она, — и оставьте меня одну со священникомъ.

— Что сдѣлала ты, дочь Царя-Псалмопѣвца? — гнѣвно спросилъ онъ ее, какъ только всѣ вышли.

Тамара залилась слезами.

— Господь ввѣрилъ попеченію твоему души и счастье столькихъ народовъ, неужели ты такъ скоро исполнила всѣ свои обязанности, что у тебя нашлось время для развлеченій? Не на пирь, а на трудъ выбираетъ Господь царей. Убивая бездушныхъ звѣрей, ты ожесточаешь свое сердце, то сердце, въ которомъ должны искать утѣшенія милліоны несчастныхъ! Но что же у тебя остается для твоихъ подданныхъ, когда ты всю свою любовь обращаешь на кровожадную птицу? Чтобы потѣшить тебя, здѣсь собрался цвѣтъ всего царства. Думала ли ты, что у каждаго изъ тѣхъ, кого ты такъ настойчиво приглашала пожертвовать своею жизнію для спасенія ястреба есть или мать, или жена, или сестры, или дочь, слезы которыхъ составили бы потокъ болѣе бурный, чѣмъ тотъ, въ которомъ утонулъ молодой сванъ, и какъ переплыла бы его твоя душа, по разлученіи отъ тѣла? А сванъ? Неужели не чувствуешь ты, что погубила его не только въ этой жизни, но и въ будущей. Господь далъ тебѣ красоту ангельскую не затѣмъ, чтобы ты обращала ее на служеніе бѣсу. Ты ужаснулась тѣхъ чувствъ, которыя сама возбудила въ юношѣ, а онъ съ этими нечистыми помыслами и чувствами предсталъ на судъ Божій.

Царица лежала на землѣ и судорожно рыдала.

— Я воздвигну монастырь на этой скалѣ, и въ немъ день и ночь будутъ поминать несчастнаго, — сказала она.

— Я надѣюсь, что этотъ монастырь будетъ напоминать тебѣ, какъ мало ты оказалась достойною того высокаго званія, которымъ Господь тебя украсилъ. Я еще ничего не сказалъ о самомъ важномъ изъ твоихъ проступковъ: объ опрометчивомъ обѣщаніи исполнить все, что свань захочетъ. Скажу, что это еще счастье, что ты попала на юнаго, пылкаго человѣка, у котораго были, сравнительно, не особенно злостные замыслы. Благодаря своей опрометчивости, ты могла погубить себя навсегда, но это, надѣюсь, тебя менѣе бы огорчило, чѣмъ если бы обѣщаніемъ твоимъ воспользовался какой-нибудь опытный хитрецъ для несчастія цѣлаго народа или цѣлой области, и какое право имѣешь ты такъ безразсудно располагать тѣмъ, что ты приобрѣтала не куплей, и не трудомъ? Господь поставилъ тебя домоправителемъ Своимъ, онъ довѣрилъ тебѣ *Своихъ* дѣтей и Свое богатство, въ которомъ спросить строгій отчетъ. Царь не обладатель царства въ глазахъ Божіихъ, но опекунъ Его дѣтей, которому Онъ ввѣрилъ ихъ судьбу и ихъ состояніе!

Старець умолкъ, царица смиренно облобызала ему ноги. Онъ поднялъ ее, и она съ изумленіемъ увидѣла, что живые очи его теперь были преисполнены неизреченной доброты.

— Что мнѣ дѣлать?—спросила она.

— Наложь на себя ность и покаяніе, — отвѣтилъ онъ, — и Господь вразумить тебя! Ихъ же люблю — наказую.

— Не забуду этого наказанія, — отвѣтила юная царица, и сдержала свое слово, сдѣлавъ изъ словъ старца руководство для своего царствованія.

А Господь благословилъ ее чистосердечное раскаяніе и прославилъ ее далеко за предѣлами ея царства. Подданные благословляли ее, а чужіе народы дивились ей, враги боялись ее, друзья гордились ею, и отдаленнѣйшіе потомки не перестаютъ прославлять ея имя.

XVII.

Ж С М Ч У Ж Н О С

О Ж С Р С А Ъ С.

Л Е Г Е Н Д А.

Это было 22 декабря, день святой Анастасіи Узорѣшительницы. Въ бѣдной саклѣ, недалеко отъ дороги, ведущей въ городъ, сидѣла молодая, красивая дѣвушка, окруженная дѣтьми и горько плакала. Въ этотъ день умеръ, въ тюрьмѣ, отецъ этой семьи, а въ тотъ день, когда его посадили въ неволю, скончалась мать. За что его лишили свободы, дѣти не знали. Они любили своего отца и дѣтскому ихъ воображенію казалось, что онъ не можетъ быть виноватъ ни въ чемъ. Послѣдній разъ, когда они его видѣли, онъ имъ сказалъ, что его будутъ казнить до праздника, и они усердно молились объ его избавленіи святой мученицѣ Анастасіи, и вотъ, въ день ея чествованія, она разрѣшила его узы и освободила его на вѣки и отъ тюрьмы, и отъ казни.

„Зеноби!“ замѣтилъ одинъ изъ дѣтей, — „я хочу ѣсть!“

— Садитесь всѣ, — отвѣтила молодая дѣвушка, вставая и утирая слезы.

Она постлала на столъ простую синюю скатерть съ бѣлыми разводами и поставила на нее звѣздообразное блюдо, на которомъ возвышалась гора рису.

„Помолитесь сначала, а потомъ кушайте на здоровье“, — сказала она.

— А ты что же? спросилъ старшій изъ мальчиковъ.

„Я послѣ, теперь мнѣ некогда, я съѣмъ всѣ ваши остатки!“

Зеноби принудила себя улыбнуться, хотя слезы душили ее, это было все съдобное, что у нихъ осталось, денегъ не было, чѣмъ будетъ кормить дѣтей завтра? Вотъ вопросъ, который безпрестанно вертѣлся у нея въ головѣ и не давалъ ей покоя. Желая скрыть свою заботу, она вышла, а братъ воспользовался ея отсутствіемъ, чтобы умѣрить аппетитъ дѣтей:

„Оставьте что-нибудь Зеноби“, — говорилъ онъ. — „вѣдь она ничего не ѣла съ утра, весь хлѣбъ она раздѣлила вамъ, не оставивъ себѣ ни кусочка.“ Видя же, что рису остается уже весьма немного, онъ перешелъ на болѣе рѣшительный тонъ. — „Довольно!“ сказалъ онъ вдругъ, вставая, — „молитесь Богу и ступайте поиграть на улицу, солнышко сіяетъ во всей славу, не теряйте времени, пока тепло!“ и, взявъ меньшого изъ дѣтей

на руки, онъ прочелъ послѣобѣденную молитву и вышелъ.

„Зеноби!“ крикнулъ онъ, выходя, — „мы всѣ кончили“.

Молодая дѣвушка вошла въ комнату, поспѣшно перекрестилась и съ жадностью принялась за рисъ, но она не успѣла еще проглотить перваго глотка, какъ дверь въ саклю отворилась и вошелъ нищій старикъ.

— Во имя младенца Іисуса дай мнѣ отдохнуть, погрѣться и поѣсть! — сказалъ онъ.

Зеноби немедленно встала, голодъ мучилъ ее, но она не поколебалась ни минуты уступить ему свой скудный обѣдъ.

„Да будетъ благословенъ Богъ, пославшій гости и въ нашу бѣдную саклю для такого большого праздника!“ отвѣтила она, — „покушай, пока я приготовлю тебѣ постель“, и, сдѣлавъ все возможное для успокоенія странника, она вышла на улицу, чтобы удержать дѣтей внѣ сакли во все время сна старика.

Часа черезъ два онъ вышелъ, сѣлъ возлѣ сакли на огромномъ камнѣ, служившемъ вмѣсто скамейки, и подождалъ дѣтей.

Его ласковый голосъ и добрые глаза сразу расположили къ нему ребятишекъ, они весело подбѣжали къ нему, а онъ досталъ изъ кармана маленькое яблоко и небольшой ситцевый платокъ.

— Если вы мнѣ принесете четыре иглы съ этого терноваго куста, — сказалъ онъ, указывая на большой кустъ, растущій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ савли, — я вамъ сдѣлаю хорошенькую игрушку.

Черезъ минуту дѣти стояли передъ нимъ съ полными рученками иглъ. Старикъ взялъ четыре и прикрѣпилъ ими углы платка къ яблоку, потомъ замоталъ кругомъ него платокъ и бросилъ его такъ высоко, что онъ показался маленькою черною точкой. Дѣти не сводили глазъ съ этой точки и вскорѣ увидѣли, что къ нимъ спускается небольшой балончикъ; воздухъ наполнилъ платокъ, придавъ ему видъ маленькаго аэростата, который плавно колыхаясь по вѣтру, медленно спускался на землю. Восторгу дѣтей не было конца, каждый изъ нихъ хотѣлъ забросить милую игрушку выше другого.

Пока они суетились, бѣгали и шумѣли, Зеноби подсѣла къ гостю и стала спрашивать его, откуда онъ идетъ.

— Я иду изъ столицы, — сказалъ онъ, — тамъ сегодня необычайное оживленіе. Глашатаи объявили на площадяхъ, что государь не пожалѣетъ никакой награды тому, кто доставитъ во дворецъ лучшее жемчужное ожерелье къ празднику Обрѣзанія Господня. Въ народѣ ходитъ слухъ, что един-

ственная дочь вдоваго царя заболѣла какимъ-то страннымъ недугомъ, котораго никто изъ врачей не можетъ ни опредѣлить, ни вылѣчить. Какія-то невидимыя, тяжелыя узы связали маленькую царевну по рукамъ и по ногамъ и лишили ее свободы движеній, такъ что она скорѣе походить на трупъ, чѣмъ на живое существо. Этою ночью ей приснился сонъ, будто какой-то могучій голосъ обѣщалъ ей обрѣзать ея узы въ день Обрѣзанія Господня, если она до этого дня успѣетъ надѣть на шею жемчужное ожерелье, которое красотою своею превосходило бы всѣ доселѣ виданныя украшенія такого рода.

Съ этими словами старикъ всталъ.

— Мнѣ хочется сегодня же дойти до дому — сказалъ онъ, — пора отправляться въ вѣ, путь; но чѣмъ возблагодарить тебя за твое гостепріимство, дочь моя? Не побрезгай принять эти лавашки (тонкія хлѣбныя лепешки), и да умножить Господь всякую пищу въ гостепріимномъ домѣ вашемъ.

„Аминь!“ отъ всего сердца сказала Зеноби, взявъ лавашки и глядя вслѣдъ уходящему старцу.

Немного спустя, она стала собирать дѣтей домой.

„Благодаря нашему гостю, вамъ будутъ

вкусные лавашы сегодня на ужинъ“, — сказала она имъ входя въ саклю.

Но каково же было ея удивленіе, когда, среди стола, она увидѣла свое звѣздообразное блюдо переполненное рисомъ. Его оставалось такъ мало, когда она уступила свой обѣдъ страннику, откуда же взялась эта гора? она взглянула на старшаго брата и ихъ изумленные глаза встрѣтились.

— Какъ скоро исполнилось благословеніе святого старца! — сказалъ онъ, и, ставъ на колѣни, вся семья усердно помолилась и весело сѣла за сытный ужинъ.

Передъ каждымъ лежалъ свѣжій лавашъ, на который Зеноби наложила высокую грудку рису. Съѣвъ рисъ, всякій сѣлъ и лавашъ, всѣ насытились, а рису и лавашей еще осталось. Зеноби убрала остатки, а на утро блюдо опять было полно верхомъ и лавашей хватило на всѣхъ. Такъ повторялось восемь дней сряду, но наканунѣ Обрѣзанія Господня блюдо оказалось точно въ такомъ видѣ, какъ его сняли со стола, ни рису, ни лавашей не умножилось. Зеноби рѣшила приберечь что есть къ обѣду и выпустила дѣтей гулять безъ завтрака; чтобы разсѣять ихъ мрачное настроеніе, она напомнила имъ объ игрушкѣ, оставленной странникомъ. Побѣждали отыскивать платокъ

и долго не могли его найти; наконецъ, Зеноби сама отправилась на поиски и въ какомъ-то темномъ уголкѣ нашла его; онъ былъ наполненъ чѣмъ-то тяжелымъ и она вообразила, что это долженъ быть рись.

Обрадованная этою мыслию, она быстро положила платокъ на столъ и развязала его, — въ немъ было великолѣпное, ослѣпительно прекрасное жемчужное ожерелье! Дѣти стояли кругомъ, разинувъ свои маленькіе ротыки.

— Бѣжимъ скорѣе въ городъ! воскликнулъ старшій мальчикъ, — бѣжимъ, Зеноби, мы еще успѣемъ доставить ожерелье во дворецъ до полночи!

И взявшись за руки, братъ и сестра бѣгомъ пустились со своей находкой по дорогѣ. Городъ былъ недалеко, къ полудню они уже были на дворцовой площади, среди которой поставленъ былъ длинный столъ. На немъ раскладывали и разсматривали приносимыя ожерелья, и царскіе чиновники записывали въ большую книгу имена принесшихъ. Этихъ послѣднихъ было великое множество и наши знакомцы едва дождались своей очереди. Чиновникъ недовѣрчиво взглянулъ на ихъ скромную одежду и потертый платокъ.

Положивъ принесенное на столъ, онъ, тѣмъ

не менѣе, развязалъ платокъ. Крикъ изумленія вырвался изъ устъ окружающихъ, и прежде чѣмъ сироты успѣли опомниться, они уже стояли въ комнатѣ больной царевны и видѣли какъ царь, трепетною рукой, надѣлъ ожерелье на шею дочери. Потомъ, обратившись къ нимъ, спросилъ, кто они и откуда взяли такое невиданное сокровище. Зеноби съ дѣтскою простотою рассказала все, и царь слушалъ ея безыскусственную рѣчь, въ которой такъ ярво проявлялась и ея теплая вѣра въ Бога, и ея благодарное благоговѣніе къ святой мученицѣ Анастасіи, умилялся душой, и сладкія слезы надежды лились изъ его глазъ.

— Возьмите моихъ гостей, — сказалъ онъ приближеннымъ, указывая на Зеноби и ея брата, — накормите, напоите и успокойте ихъ, а когда они отдохнутъ, одѣньте ихъ въ лучшія одежды и приведите сюда.

Затѣмъ онъ приказалъ принести икону святой Узорѣшительницы, поставить ее у изголовья маленькой царевны и начать молитвы объ ея выздоровленіи.

По приказанію царя, двери дворца были открыты и всѣ желающіе помолиться могли входить въ обширную опочивальню. Число молящихся росло ежечасно; незадолго до полночи приближенные царя ввели нашихъ

знакомцевъ въ роскошныхъ одеждахъ, которыя придали еще болѣе прелести ихъ природной красотѣ и граціи. Царь сдѣлалъ знакъ, чтобы ихъ поставили рядомъ съ нимъ; всѣ взоры обратились на Зеноби, которая ничего не замѣчая, опустилась на колѣна и стала пламенно молиться. Ровно въ полночь царица подняла голову и весело взглянула на окружающихъ, потомъ перекрестилась и сѣла. Царь бросился къ ней и взялъ ее на руки. Ребенокъ обвилъ руками шею отца и сладкія слезы полились изъ глазъ того и другого, и какъ искренно они воспѣли вмѣстѣ съ присутствующими хвалебную пѣснь святой мученицѣ!

По окончаніи молитвы, царь подвелъ царицу къ Зеноби и сказалъ:

— Послѣ Бога и Его Угодницы, надо поблагодарить ту, которую Онъ избралъ быть орудіемъ твоего возрожденія, да замѣнитъ она тебѣ твою умершую мать!

Всѣ присутствующіе поспѣшили принести поздравленія царю и его невѣстѣ, а маленькая царица осыпала Зеноби ласками и поцѣлуями. Тотчасъ посланы были вельможи за ея братьями и сестрами, которые съ тѣхъ поръ жили во дворцѣ и воспитывались вмѣстѣ съ маленькою царицей. Зеноби же, сдѣлавшись царицей, никогда не забывала

нищихъ, убогихъ и странныхъ, и Господь благословилъ ее рожденіемъ сына, который сдѣлался наслѣдникомъ престола. Царствованіе мужа ея было мирное и счастливое, и, проживъ до глубокой старости въ примѣрномъ согласіи между собою, царственные супруги скончались въ одинъ день, завѣщая сыну своему не забывать братію Христову.

XVIII.

**ПАВЪЛЪ,
ЦАРЬ ГРУЗИНСКІЙ.**

Р А З С К А З Ъ.

Бакаръ I наследовалъ престолъ отца своего Миріана-просвѣтителя. Помня завѣтъ отца, онъ приложилъ всѣ свои усилія на просвѣщеніе тѣхъ горцевъ, которые не покорились приказанію Миріана и не явились для крещенія съ остальнымъ народомъ. Благочестивый, кроткій, терпѣливый Бакаръ сумѣлъ достигъ желаннаго обращенія невѣрныхъ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Услыхавъ о его миролюбіи, армянскій царь задумалъ отнять у него престолъ въ пользу Трдата, сына умершаго царевича Рева и армянской царицы Саломе. Но Бакаръ соединялъ всѣ качества хорошаго военачальника съ достоинствами миролюбиваго царя. Онъ вступилъ въ союзъ съ племянникомъ своимъ царемъ персидскимъ, Хосровомъ II и, вмѣстѣ съ нимъ, въ упорной битвѣ въ Джавахетѣ, совершенно разбилъ войско армянское и обратилъ его въ бѣгство. Испуганная царица Саломе просила императора греческаго объяснить Бакару, что

царь армянскій дѣйствовалъ не по ея наущенію. Доступный каждому изъ своихъ подданныхъ, Бакаръ не считалъ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ вмѣшательство сосѣднихъ государей въ его семейныя дѣла и потому отвѣтилъ греческому императору такъ:

„Пока въ родѣ царя грузинскаго Бакара I не изсякнетъ могущій царствовать, престолъ будетъ принадлежать ему и дѣти Рева не должны заявлять никакихъ претензій.“

Союзнику же своему Хосрову II, онъ сообщилъ, что нападеніе царя армянскаго застало его въ заботахъ объ обезпеченіи дѣтей своего брата и сестры, выданной Мирианомъ за Пхероза. Дѣйствительно, по окончаніи войны, первымъ дѣломъ Бакара было опредѣленіе владѣній Пхероза. Вмѣсто Рана отъ Бардава, даннаго Пхерозу Мирианомъ, онъ просилъ Бакара дать ему Самшвильде, на что царь согласился, проведя прямую линію до входа въ христавство Аботць. Тронутый великодушіемъ царя, Пхерозъ крестился со всѣмъ народомъ своимъ, а Бакаръ занялся устройствомъ вдовы и дѣтей своего брата Рева. Онъ повезъ ихъ въ Кукхетхъ и водворивъ въ Руставѣ, отдалъ эту страну во владѣніе племянникамъ своимъ Трдату и Бакуріусу, съ званіемъ

христавовъ и при нихъ водворилъ мать ихъ Саломе. Этотъ государь посвятилъ всю свою жизнь на благоустройство своего государства и, отличаясь ревностнымъ благочестіемъ, умножилъ церкви и церковно-служителей. Имъ основанъ великолѣпный соборъ Цилканскій. Онъ скончался въ 364 г. и похороненъ рядомъ съ отцомъ своимъ Миріаномъ. Предъ смертію онъ такъ же, какъ Миріанъ, повѣсилъ свой царскій вѣнецъ на крестъ святой Нины, осѣнилъ имъ сына и наследника своего Мирдата II, и затѣмъ, надѣлъ на голову сына вѣнецъ и объявилъ его своимъ преемникомъ. Этотъ обычай соблюдался всѣми царями грузинскими. Хотя Бакаръ не сдѣлалъ никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, но мудрое и кроткое правленіе его сплотило воедино всѣ разрозненныя и недружелюбныя части его государства и утвердило окончательно господство христіанства надъ другими религіями, а потому царствованіе его считается однимъ изъ благотворнѣйшихъ.

IX.

СРАТОЙ
МУРЯНОСЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Мурванось былъ первый святой въ нашей благочестивой царской семьѣ, столь обильной въ послѣдствіи мучениками, подвижниками и угодниками. Въ 393 году по Р. Х. у грузинскаго царя Варазъ (овень) Бакара родился сынъ Мурванось, рожденіе котораго было предвозвѣщено матери его ангелами. Эта мать была внучка Рева, сына Миріанова и дочь Трдата, стало-быть троюродная сестра своего мужа, царя Варазъ-Бакара, внука Бакара I, и сына Мирдата III. Бакаръ I весьма любилъ своихъ племянниковъ, въ особенности меньшого изъ нихъ, Бакуріуса. Сынъ Бакара I, Мирдатель, былъ почти однихъ лѣтъ съ Трдатомъ и двоюродные братья часто проводили время вмѣстѣ, дѣти ихъ выросли подъ покровомъ этой дружбы и незамѣтили, какъ дѣтская дружба ихъ перешла въ любовь. Хотя родители и не препятствовали ихъ браку, но молодая царевна всегда мучилась мыслью, что они поступили не согласно съ законами церкви, запре-

щающей супружество между троюродными братьями. Благочестивая, добрая, кроткая, милостивая, доступная каждому въ нуждѣ или несчастіи, она будучи царицею все продолжала мучиться сознаниемъ своего грѣха, и вотъ Господь восхотѣлъ утѣшить се и, въ знакъ прощенія, послалъ ангеловъ, которые объявили ей, что Онъ благословляетъ ея бракъ рожденіемъ святого младенца.

Еще будучи у груди матери, Мурваносъ соблюдалъ посты, отказываясь отъ принятія груди по средамъ и пятницамъ. Едва научившись говорить, онъ сталъ затверждать наизусть слышанное имъ въ церкви и по мѣрѣ возраста все болѣе и болѣе просвѣщался въ святомъ писаніи. Когда умеръ Варазъ-Бакаръ, то Мурваносъ и сестры, и братья его были дѣтьми, а оцекуномъ надъ ними выбрали ихъ дѣдушку Трдата, поручивъ ему же и царство до возраста дѣтей Варазъ-Бакаровыхъ и его дочери, уже умершей; меньшой же сынъ Варазъ-Бакара, Фареманъ, отъ второй жены, воспитывался у христава Самшвильда. Не взирая на свои преклонныя лѣта Трдатъ царствовалъ мудро; онъ былъ чело-вѣкъ богобоязненный, благоразумный и осторожный.

Благодаря его мудрости персы были усмиренны, благочестіе прочно водворено въ стра-

нѣ и многія церкви возобновлены и вновь построены. При немъ скончался епископъ Іовъ и былъ замѣненъ Іліей. Хотя онъ и платилъ дань персамъ, но сумѣлъ возвратить отъ нихъ Руставъ, гдѣ и выстроилъ церковь. Онъ же возстановилъ Некрези. Мурваносу уже шелъ 15-й годъ, когда воцарился греческій императоръ Θεодосій Юпѣйшій и отношенія между Греціей и Персіей обострились. Императоръ боясь, чтобы другіе не присоединились къ его врагамъ, предложилъ союзъ Трдату, въ обезпеченіе котораго потребовалъ кого-либо изъ дѣтей Варазъ - Бакаровыхъ въ заложники. Добрый Трдатъ, одинаково любившій всѣхъ своихъ внуковъ, былъ въ большомъ затрудненіи, кого изъ нихъ выбрать, когда къ нему явился Мурваносъ и рѣшительно объявилъ, что онъ пойдетъ въ Грецію, куда его влечетъ давно, какъ къ средоточію христіанскаго свѣта и, съ общаго согласія, отправился въ Константинополь. Тамъ предался онъ посту, молитвѣ и подвигамъ, презирая земное величіе, которымъ окружилъ его императоръ.

Для умерщвленія плоти, онъ облекся во власяницу, изъ грубыхъ козьихъ волосъ. Къ общему удивленію, онъ скоро усвоилъ себѣ въ совершенствѣ греческій и сирійскій языки

и изучилъ философію. А Господь наградилъ его даромъ цѣлить недужныхъ. Благодаря его ходатайству мощи мучениковъ, пострадавшихъ въ Персіи, были перенесены въ Грузію. Разъ, наканунѣ Крещенія Господня, намѣреваясь провести всю ночь во бдѣніи и молитвѣ, Мурваносъ приказалъ служителю своему принести масла для лампы. Но онъ съ грубостью отвѣтилъ ему: „Ты сынъ царскій, и вмѣсто того, чтобы царствовать, живешь какъ монахъ, не вкушая отъ воскресенья до воскресенья“ — и не пошелъ за масломъ. А царевичъ наполнилъ лампаду водою, вмѣсто масла и возжегши, совершалъ, при этомъ чудномъ свѣтѣ, свои святыя молитвы. Семь сутокъ не угасалъ чудный свѣтъ, и въ это время Господь нашъ Іисусъ Христосъ явился святому и обѣщалъ всюду невидимо ему сопутствовать. Благодатию Божію царевичъ совершилъ много чудесъ, пользуя больныхъ водою своей лампы. У императора былъ евнухъ, который приходилъ молиться со святымъ. Царевичъ задумалъ покинуть дворъ императорскій вмѣстѣ съ евнухомъ, но Θεодосій, узнавъ объ этомъ, приставилъ къ нимъ стражу. Однако, милостию Божіею, они укрылись отъ ихъ бдительности и ночью бѣжали. Свѣтозарный столпъ шествовалъ передъ ними, указывая

и освѣщая ихъ путь. При появленіи столпа изъ него изшелъ голосъ: „Кто послѣдуетъ мнѣ, тотъ не обрѣтется во мракѣ!“ Найдя корабль, они, послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, прибыли въ неизвѣстный имъ городъ, гдѣ ихъ заключили въ тюрьму. Но въ ту же ночь тамъ произошло страшное землетрясеніе съ сильнымъ шумомъ и погубило множество людей. Начальнику города явился неизвѣстный мужъ, гласъ котораго напоминалъ раскаты грома. „Отпусти служителей Божіихъ!“ — изрекъ онъ — „или городъ погибнетъ“. Устрашенный сановникъ тотчасъ освободилъ заключенныхъ, которые направились въ Іерусалимъ, гдѣ въ то время жилъ, бѣжавшій изъ Рима плѣнный царь Пипиносъ, съ женою своею Маленіосъ. Они пренебрегли всѣми утѣхами мірскими, приняли монашество и жили въ Іерусалимѣ въ двухъ монастыряхъ, ими самими воздвигнутыхъ.

Они ласково приняли пришельцевъ. Отдохнувъ немного, святые ушли ко гробу Господню, гдѣ приняли монашество. Мурваноса нарекли Петромъ, а евиуха Іоанномъ. Кто опишетъ ихъ добродѣтели! Какъ свѣточі сияли они, просвѣщая всѣхъ и все красотою житія своего! Они построили два монастыря и при нихъ страннопріимницу для грузинъ и грековъ, гдѣ царевичъ смиренно прислужи-

валъ пришельцамъ и въ этомъ занятіи достигъ 25-лѣтняго возраста. Монастырь этотъ былъ во имя Пресвятой Богородицы. Въ это время діаволь ополчился на него и, явившись въ видѣ странника, сталъ поносить святого за то, что онъ отрекшись отъ царства, прислуживалъ своимъ слугамъ, но кроткій инокъ Петръ позналъ съ бѣмъ имѣлъ дѣло и гнѣвно выгналъ его изъ страннопріимницы. Тогда Господь нашъ Іисусъ Христосъ вторично ему явился и указалъ ему на небо, гдѣ святой увидѣлъ храмъ, въ которомъ пятьдесятъ царей, красоты неизреченной, пѣли гимны во славу Божию. Къ числу этихъ праведниковъ Господь обѣщаль сопричислить и царевича Мурваноса.

Ему было 65 лѣтъ, когда патріархъ Іерусалимскій Анастасій рукоположилъ его во священники. Онъ ушелъ въ пустыню, гдѣ, на берегу Іордана основалъ еще монастырь. Іоаннъ всюду ему сопутствовалъ. Здѣсь исцѣлилъ онъ бѣсноватаго и избавилъ Іоанна отъ рака, который у него образовался на лицѣ и грозилъ лишить его зрѣнія. Когда же Іоаннъ вторично заболѣлъ, какимъ-то смертнымъ недугомъ, святой испросилъ продленія его жизни еще на двѣнадцать лѣтъ. Онъ обошелъ всѣ пустыни египетскія и скиѣскія и вернулся въ свой монастырь со

страннопріимницею. Во время голода, онъ силою своихъ праведныхъ молитвъ наполнилъ житницу монастырскую хлѣбомъ и бобами; а подвалъ масломъ и виномъ. Въ этотъ годъ скончался Іоаннъ и былъ погребенъ въ монастырѣ Пресвятой Богородицы, который и понынѣ извѣстенъ подъ именемъ „Монастыря Грузина“. Вскорѣ послѣ того скончался епископъ Майумскій и, жители, собравшись, избрали на его мѣсто Петра Грузина, патріархъ одобрилъ ихъ выборъ, а смиренный Петръ, не зная какъ избѣжать такой чести, задумалъ броситься съ возвышеннаго мѣста, чтобы сломавъ руку или ногу, оказаться не годнымъ къ избранію, если невозможно будетъ укрыться бѣгствомъ. Тогда Господь нашъ въ третій разъ явился къ нему, со множествомъ ангеловъ и приказалъ принять епископство.

Много разъ богобоязненные люди въ Майумѣ слышали голосъ, свыше вѣщавшій святому. Во время засухи святые молитвы епископа низводили дождь и творили безчисленные чудеса. Бесплодные супруги утѣшались рожденіемъ дѣтей; больные выздоравливали; бесплодные деревья покрывались плодами; рыбаки, не имѣвшіе удачи, вынимали полныя сѣти. Господь сверхъ того удостоилъ его дара пророческаго и сподобилъ его ви-

дѣтъ души праведныхъ въ рай. Епископу Петру былъ уже 81-й годъ, когда скончались преподобные отцы Исаія и Зенонъ, и блаженный епископъ видѣлъ души ихъ восходящія къ небу. Преподобный Петръ въ своей жизни много потерялъ отъ монофизитовъ, ухищреніями которыхъ одно время лишенъ былъ кафедры, къ великому огорченію вѣрныхъ. Императоръ Леонъ аракійскій, едва вступилъ на престолъ, поспѣшилъ возвратить Майумскаго епископа его паствѣ. Но не надолго занялъ онъ престолъ свой, вскорѣ онъ почувствовалъ приближеніе своей кончины и сообщилъ объ этомъ возлюбленной паствѣ своей. Въ то же время отецъ Аѳанасій сподобился видѣнія: святые молили Господа приказать привести къ нимъ епископа Петра, много потрудившагося надъ умерщвленіемъ плоти, и черезъ десять дней моленіе святыхъ было исполнено. Святой провелъ эти десять дней въ постоянной молитвѣ, на десятый день онъ служилъ обѣдню, приобщился самъ и приобщилъ многихъ вѣрныхъ, благословилъ присутствующихъ и простившись со всѣми, возвратился въ свою келію, гдѣ и опочилъ о Господѣ, 2 декабря. Многіе праведные видѣли его душу, несомную святыми, въ предшествіи святого мученика Петра Александрійскаго и слышали

ихъ хвалы и славословія Богу. Многіе неисцѣлимые больные были исцѣлены прикосновеніемъ къ его святому тѣлу. Святой папа Римскій Григорій Діологъ написалъ ему великолѣпное хвалебное слово въ своей извѣстной книгѣ.

XX.

СИЛА СЯИРСНА.

Л Е Г Е Н Д А.

При приближеніи къ Кавказскому хребту, непривычный путникъ не можетъ отвести глазъ отъ свѣтлой точки на горизонтѣ, она отражаетъ лучи солнца, играя чудными переливами и кажется то какимъ-то небеснымъ метеоромъ, то легкимъ облакомъ, то исполинскимъ алмазомъ. По мѣрѣ приближенія къ хребту, эта точка все растетъ и вырастаетъ наконецъ въ исполинскую гору, которую предки наши называли Іалбуць, то-есть „ледяная грива“, а теперь именуютъ Эльборусомъ. Кажется, ничего не можетъ быть неизмѣннѣе этой громады, увѣнчанной петающими льдами, а между тѣмъ, какъ часто измѣняется ея видъ. Во время восхода солнца, вершина ея свѣтится нѣжнымъ румянцемъ, какъ щеки стыдливыхъ красавиць грузинскихъ. Этотъ румянецъ то всыхиваетъ, то угасаетъ и, наконецъ, исчезаетъ во-все, чтобы преобразить вѣнецъ Эльборуса въ громадное зеркало, въ которое смотрятся солнечные лучи, окрашивая его всеми цвѣ-

тами радуги. Когда же спадетъ жара, то взору представляется огромная снѣговая шапка, увѣнчанная льдомъ, хладнымъ, неподвижнымъ, вѣчнымъ.

Въ то отдаленное время, о которомъ я собираюсь рассказывать, все подножіе Эльборуса было обитаемо. Множество ауловъ было разбросано среди цвѣтущихъ садовъ, а надъ ними тамъ и сямъ на высотѣ, словно орлиныя гнѣзда, чернѣли одинокія сакли, или отверстія небольшихъ пещеръ. Въ однихъ жили удальцы разбойники, въ другихъ — святыя подвижники и сосѣди не беспокоили другъ друга. Разбойники—потому, что нечего было взять у отшельниковъ, а подвижники—потому, что проводили время въ молитвахъ и подвигахъ, почти никогда не выходя изъ своихъ келій. А въ концѣ-концовъ побѣда все-таки оставалась за скромными старцами. Многіе хищники послѣдовали ихъ ученію и сдѣлались великими подвижниками, но ни одинъ пустынный не совратился на путь разбойниковъ.

Неподалеку отъ Эльборуса видно пять горъ, изобилующихъ цѣлебными источниками, изъ которыхъ славнѣйшій называется Нарзанъ, то-есть „напитокъ богатырей“. Теперь это городъ Пятигорскъ, но въ то время и тамъ, какъ на Эльборусѣ, были

аулы съ хорошо воздѣланными садами, между которыми шумно бѣжали и искрились благодѣтельные источники.

Въ лучшемъ аулѣ Эльборуса былъ праздникъ. Много съѣхалось гостей изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ, гостепріимство лилось рѣкой и всеелія пляски не переставали. Особеннымъ оживленіемъ отличался домъ старшины, у котораго нировалъ сосѣдній вельможа Амалать-Бекъ. Въ той мѣстности, гдѣ теперь городъ Кисловодскъ, лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ, еще были видны развалины величественнаго замка Амалатовъ. Когда Амалать поднялся, хозяинъ и почетнѣйшіе гости поѣхали его провожать, джигитуя во все время пути. Рядомъ со стремениемъ Амалата, ѣхалъ любимый нукеръ (стремянной) его семнадцатилѣтній мальчикъ, Раасъ.

Едва удалились провожавшіе, какъ Раасъ вошелъ въ комнату Бека и, преклонивъ колѣно, почтительно поцѣловалъ подолъ его платья.

— Прошу твоего заступничества, господинъ, — сказалъ онъ, — прикажи говорить.

— Я тебя слушаю, — отвѣтилъ Амалать.

— Братъ мой любитъ дѣвицу изъ того аула, гдѣ мы сейчасъ были, она согласна быть его женою, но отецъ ея рѣшилъ ны-

нѣшнюю же ночью выдать ея за другого. Такъ какъ это будетъ безчестье для всего нашего рода, я прошу тебя запретить отцу это дѣлать.

— Ты знаешь, что это племя мнѣ неподвластно и что я могу запрещать и разрѣшать, чтобы то ни было только въ моемъ, а никакъ не въ чужомъ тавадствѣ, — отвѣтилъ Амалать-Бекъ. — Почему же ты ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ прежде? Когда мы были въ аулѣ, я могъ бы потолковать со старшиной и добиться хотя отсрочки?

— Конечно, теперь уже поздно! — спокойно отвѣтилъ юноша и вышелъ.

На другое утро Раась опять явился къ своему господину.

— Вчера ночью я ѣздилъ въ аулъ, — сказалъ онъ, — и узналъ, что свадьбу отпраздновали тотчасъ послѣ нашего отъѣзда: я пришелъ спросить у тебя, господинъ мой, позволеніе убить ея мужа.

— Ты знаешь, что я христіанинъ и по моей вѣрѣ, не имѣю права позволять одному человѣку убивать другого, кромѣ войны, гдѣ убиваютъ не своихъ враговъ, а враговъ отечества.

— Я все это знаю, — отвѣтилъ Раась, — но принадлежа тебѣ и будучи тобою доволенъ, мнѣ слѣдовало предупредить тебя, что

убивъ его, я уже не могу служить тебѣ, а долженъ бѣжать за Кубань въ абреки.

— Не сманилъ ли тебя султанъ Абазеховъ, съ которымъ я былъ въ ссорѣ, и который такъ любовался твоей ловкостью, когда, послѣ болѣзни, я разрѣшилъ ему ежедневно присылать ко мнѣ за водою Нарзана. Я помню, какъ онъ расхваливалъ тебя, когда пріѣзжалъ благодарить меня за исцѣленіе.

— Ни бывшій, ни настоящій врагъ твой никогда и ничѣмъ не могутъ сманить меня, — гордо отвѣтилъ юноша, — если судьба заставитъ жить меня у твоихъ враговъ, я все же останусь тебѣ вѣренъ. Ты знаешь, что наши адаты также непоколебимы, какъ твоя вѣра. Кровь на нашей семьѣ, если я не убью недруга, всѣ будутъ смѣяться надо мною и никто не отдастъ ни за меня, ни за брата свою дочь или сестру!

— Я знаю, что ты добровольно не покинулъ бы меня, — поспѣшилъ успокоить Рааса, растроганный господинъ, — вѣроятно и султанъ понимаетъ, что нельзя предложить тебѣ ничего подобнаго, а потому и устроилъ всю эту исторію, чтобы заставить тебя меня бросить.

При этомъ на глазахъ старика навернулись слезы.

— Я привязался къ тебѣ, какъ къ сыну, — сказалъ онъ, — и надѣялся, со временемъ, сдѣлать тебя христіаниномъ, но мнѣ не хотѣлось убѣждать тебя, пока ты не достигнешь полного разума, чтобы обращеніе твое было вполнѣ добровольно. Надѣюсь, что Господь какимъ-нибудь другимъ путемъ приведетъ тебя къ познанію истины, между тѣмъ, судьба твоя меня сильно беспокоитъ. Семья твоихъ недруговъ многочисленна и богата, а вы съ братомъ — только двое на свѣтѣ, сироты круглыя, безъ родныхъ, безъ средствъ, безъ покровительства и теперь судьба, сверхъ того, воздвигаетъ непреодолимую преграду между вами и мною!

При этихъ словахъ Амалатъ открылъ одинъ ящикъ, затѣйливаго индійскаго шкафа, украшавшаго уголь его комнаты и, доставъ оттуда кожаный поясъ, туго набитый золотомъ, опоясалъ имъ Мурата.

Старикъ и юноша обнялись для прощальнаго поцѣлуя и лица ихъ омочились слезами. Выйдя отъ Амалата, Раасъ окончательно потерялъ самообладаніе, слезы все чаще и чаще капали съ его длинныхъ рѣсницъ, онъ поспѣшно направился въ уединенную виноградную бесѣдку и тамъ, бросившись на землю, разразился рыданіями.

Бѣдный мальчикъ былъ искренно привя-

занъ къ своему господину и его супругѣ; они были его опекунами, воспитателями и благодѣтелями, но разлука съ ними, не была единственной причиной его безутѣшнаго горя.

Отець его былъ однимъ изъ лучшихъ азнауровъ, то-есть дворянъ Амалать-Бека, который былъ тавадъ (что-то въ родѣ средневѣковаго графа или барона). Разъ, какъ-то, во время жаркаго сраженія, Амалать увлекся слишкомъ далеко и былъ окруженъ врагами. Вѣрный азнауръ, ни на шагъ не отстававшій отъ своего господина, рубился вмѣстѣ съ нимъ и когда имъ удалось соединиться со своими, оба они были покрыты ранами. Смерть того и другого казалась неизбѣжною, но богатырское тѣлосложеніе тавада восторжествовало, а азнауръ умеръ, оставивъ двухъ сиротъ, изъ которыхъ меньшому, Раасу, едва исполнился годъ. Мать ихъ умерла въ день рожденія меньшаго мальчика и Амалать взялъ ихъ къ себѣ, гдѣ его добрая жена замѣнила имъ мать. Особеннымъ баловнемъ ея сдѣлался Раасъ.

Никакое доброе дѣло не остается безъ вознагражденія и вотъ Господь далъ такую награду княгинѣ, которую, конечно, никто изъ людей дать не могъ. Со дня замужества самымъ пламеннымъ желаніемъ княгини и

ея мужа было имѣть дѣтей, но прошло семь лѣтъ, а дѣтей не было. Когда же они призрѣли двухъ сиротъ, едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ у княгини явилась надежда быть матерью. Казалось, что Господь ждалъ только, чтобы они покорились Его волѣ и призрѣли чужихъ дѣтей, чтобы исполнить ихъ желаніе. У нихъ родилась дочь Пепилезъ. Старшій мальчикъ, на три года опередившій Рааса, болѣе находился подъ руководствомъ Амалата и, съ первою возможностью, онъ отправилъ его въ небольшое помѣстье, доставшееся обоимъ братьямъ отъ отца, въ сопутствіи вѣрнаго человѣка.

Раасъ же, любимецъ княгини, росъ вмѣстѣ съ маленькою княжной, раздѣлялъ ея игры и уроки, и нѣжную заботливость матери. Только на пятнадцатомъ году взялъ его Амалатъ на свою половину, назвавъ нукеромъ и тогда сношенія съ княгиней и княжной сдѣлались болѣе рѣдки и подчинились строгому азіатскому этикету.

Тутъ только бѣдный Раасъ понялъ, что Пепилезъ также необходима ему, какъ воздухъ и рѣшился совершить какой-нибудь безпримѣрный геройскій подвигъ, чтобы прославиться и тѣмъ уничтожить разность ихъ положеній, непозволяющую ему открыть княжнѣ свои чувства.

Между тѣмъ Пенилезъ почему то отказывала одному блестящему жениху за другимъ.

Наплакавшись досыта, Раасъ вышелъ изъ усадьбы, гдѣ протекло его счастливое дѣтство и побрелъ пустынною дорогою къ родной деревнѣ, гдѣ жилъ братъ. На берегу ручья, который кипѣлъ и бурлилъ по каменному ложу, его нагналъ посланный отъ Амалата, съ великолѣпнымъ конемъ и, сказавъ, что господинъ приказалъ передать ему этотъ роскошный прощальный подарокъ, посланный пожелалъ ему счастливаго пути и скрылся. Конь этотъ былъ хорошо извѣстенъ Раасу, его отбили въ послѣдней стычкѣ съ врагомъ и долго не употребляли, залѣчивая легкую рану на ногѣ. Пока онъ пасся на усадьбѣ Амалата, красота его возбуждала общую зависть сосѣдей. Теперь къ красотѣ прибавились здоровье и сила. Вскочивъ на него, Раасъ скоро перенялъ кипучій ручей. Немного спустя, онъ увидѣлъ двѣ каменные скалы. Онѣ стояли такъ близко одна къ другой, что между ними бурля и сверкая, едва находилъ себѣ мѣсто быстрый потокъ небольшой, но бурный, онъ искрился на солнцѣ, пѣнился, прыдалъ на камни и бѣшено спадалъ изъ пропасти въ пропасть. Въ одномъ мѣстѣ видѣлся зыбкій мостикъ, черезъ который путнику предсто-

яль переѣздъ домой. Съ этого мѣста уже виднѣлся отчій домъ. Какъ птичье гнѣздо приросъ онъ къ высокому утесу, нависшему надъ бездной. Нѣсколько ниже, вокругъ древней церкви, расположено было селеніе и всѣхъ ближе къ храму стоялъ домъ священника. Существовало преданіе, будто церковь эта была воздвигнута на могилѣ святого отшельника, по имени Датуна (Давидъ) и потому старшій сынъ помѣщичьей семьи всегда носилъ это ветхозавѣтное имя, одинаково чтимое и мусульманами и христианами. Слѣдуя этому семейному обычаю и старшаго брата Рааса звали Давидомъ. Мурать подъѣхалъ къ храму, по-мусульманскому обычаю, онъ вошелъ въ него, не снимая шапки. Древній храмъ, видимо давно не поправляемый, однако, сохранилъ еще слѣды прекраснаго письма на потолкѣ и на стѣнахъ. Особенно выдѣлялись изображенія Спасителя и Божіей Матери. Раасъ вынулъ первый золотой изъ пояса и положилъ его къ ногамъ Спасителя. „Боже христіанскій“, — сказалъ онъ, — „если Ты поможешь мнѣ отмстить обиду, я пожертвую Тебѣ вдвое!“ и вышелъ, весьма довольный своимъ поступкомъ, вовсе не подозревая, что прошеніе его изъ числа тѣхъ, о которыхъ Господь сказалъ: не послушаю!

Домъ, казавшійся такъ близко, оказался за три съ половиною версты. Необычайный видъ представлялся съ церковной площадки, казалось, что земля разверзлась подъ ногами и пытливый взоръ напрасно искалъ дна у бездны. Юноша залюбовался дивною картиной, но не на пропасть смотрѣлъ онъ, обернувшись лицомъ къ востоку, онъ силился сквозь облачный туманъ проникнуть вдаль, по изгибамъ долины. Внезапно мелькнули предъ нимъ очаровательно мягкіе тоны горъ и долинъ, и красавица Грузія напомнила ему красавицу Пешилезъ. Сердце его болѣзненно сжалось и онъ поспѣшилъ къ отцовскому дому.

Въ сѣняхъ встрѣтили его старые слуги и тотчасъ узнали по сходству съ ихъ покойнымъ господиномъ. Старшій изъ нихъ подалъ ему письмо отъ Датуны, въ которомъ онъ умолялъ его остаться цѣлый годъ въ родительскомъ домѣ и заниматься хозяйствомъ.

— Я хладнокровно все обдумалъ, — писалъ онъ, — намъ мало надежды на успѣхъ, но чтобы не погибнуть безцѣльно, необходимо развѣхаться. Я, какъ старшій и лично понесшій обиду, начну. Если въ теченіе года врагъ не будетъ убитъ, настанетъ твоя очередь! Но не спѣши мстить за меня, помни,

что на ихъ сторонѣ сила, пусть на нашей будетъ ловкость и хитрость. Весьма сожалѣю, что благодаря нашему сиротству, тебѣ трудно будетъ найти себѣ опытнаго наставника. Увы, увy! въ тебѣ нѣтъ и тѣни лукавства!

— Лукавства? — повторилъ Раасъ, складывая письмо, — меня некому научить лукавству. Какой вздоръ! Да вѣдь для этого есть извѣстный учитель Иблисъ, котораго христіане зовутъ лукавымъ!

И, улыбнувшись, онъ принялся за осмотръ своего родного дома. Скоро обошелъ онъ всѣ комнаты и вышелъ полюбоваться фронтономъ.

Нарядныя арабески изъ змѣиныхъ головъ и виноградныхъ лозъ составляли виѣшнее украшеніе стѣнъ. Одна изъ этихъ головъ привлекла вниманіе молодого человѣка, въ мысляхъ котораго еще вертѣлся совѣтъ брата.

„Недаромъ предки наши украшали свои жилища змѣиными головками, — подумалъ онъ, — вѣдь это символъ лукаваго!“ и сталъ пристальнѣе всматриваться въ орнаментъ.

Чѣмъ больше онъ глядѣлъ на прелестное изображеніе, тѣмъ привлекательнѣе оно казалось. И подлинно, художникъ, украшавшій зданіе, былъ не изъ дюжинныхъ. Не взирая на единообразіе сюжета, каждая головка и каждая лоза отличалась отъ другой и вс-

личной, и цвѣтомъ, и положеніемъ, такъ, что все вмѣстѣ производило впечатлѣніе крайняго разнообразія. Если прибавить къ этому, что каждая змѣиная головка имѣла своеобразное выраженіе, то нельзя не подивиться богатству творчества, которое не стѣснила даже столь тѣсная рамка.

Вдругъ Раасу почудилось, что онъ слышитъ дѣвичій шопотъ, сладко твердящій его имя. Онъ оглянулся во все стороны, но нигдѣ никого не было.

„Видно Пенилезъ думаетъ обо мнѣ!“ — вырвалось у него довольно громко, — и сердце мое слышитъ ея мысли!“

— Нѣтъ, не Пенилезъ, а я, Тинатина, зову тебя! — снова услышалъ онъ и смутился луце прежняго.

Между всеми знакомыми ему дѣвушками не было ни одной Тинатины, а эта невѣдомая Тинатина, которая такъ лукаво выпытала изъ него ея тайну и такъ настойчиво призывала его къ себѣ, гдѣ же она, наконецъ, скрывалась? Онъ опять оглядѣлся и опять нигдѣ никого не было. Взглядъ его упалъ на змѣиную головку, такъ долго его занимавшую и онъ понялся отъ изумленія, вмѣсто одной головки, теперь видна была часть длиннаго, гибкаго тѣла змѣи и притомъ змѣя эта была не

безжизненная, высѣченная изъ камня, а живая, извивающаяся.

— Не бойся! — слышался тотъ же голосъ. — я не ужалю тебя Раасъ, я люблю тебя!

Теперь не оставалось болѣе сомнѣнiя, голосъ этотъ исходилъ отъ змѣи, которая, изгибаясь и вытягиваясь, старалась всѣми силами дотянуться до Рааса.

„Ты Иблисъ? — спросилъ онъ, думая, что желанiе его начинаетъ исполняться.

— Нѣтъ, — отвѣтила змѣя, — я дочь его. Во времена Фарнаоза, здѣсь жилъ Ханжалъ-ханъ въ великолѣпномъ и обширномъ замкѣ. У него была единственная дочь, которую Иблисъ соблазнилъ. Это мои родители. Въ день моего рожденiя, разгнѣванный Ханжалъ-ханъ заперъ и ихъ и меня въ своемъ замкѣ, обложилъ его дровами и поджегъ. Иблисъ улетѣлъ, унеся съ собой душу моей матери, тѣло сгорѣло вмѣстѣ съ домомъ, а я, обращенная отцомъ въ змѣю, уползла въ глубокий подвалъ, бывший подъ замкомъ и спряталась въ расщелинѣ фундамента. Самъ Ханжалъ-ханъ принималъ участiе въ войнѣ противъ Фарнаоза и погибъ въ первомъ сраженiи. Когда же Фарнаозъ, побѣдивъ враговъ, воцарился и принялъ въ подданство протатосовъ, онъ задумалъ создать изъ нихъ

азнауровъ, приписать ихъ къ тавадамъ и пожаловать землями. Такимъ образомъ земля эта досталась твоему родоначальнику Октавію. Онъ привелъ зодчаго и началась постройка дома, въ которомъ ты живешь. Я часто выползала изъ своей норы и, грѣясь на солнцѣ, любовалась на быстрый ходъ работъ.

Никто не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, пока не началось наружное убранство. Тогда явился новый художникъ и ему поручили высѣкать украшенія изъ камня. Обойдя гору, на которой тамъ и сямъ еще остались слѣды прежнихъ роскошныхъ виноградниковъ, онъ, видимо, былъ пораженъ красотою гроздей, на которыхъ играло наше могучее солнце и сталъ изображать ихъ. Подстрекаемая любопытствомъ, я подползла къ лозѣ и, обвивъ ее, просунула голову между гроздей и стала слѣдить за рѣзцомъ художника, воображая, что онъ не замѣтитъ меня. Съ неописаннымъ изумленіемъ видѣла я, какъ на простомъ камнѣ мало-по-малу воспроизводились то ягоды, то цѣлая гроздь, то самая лоза, на которой я находилась. Но изумленіе это превратилось въ восторгъ, когда я увидѣла, что художникъ изображаетъ и мою голову. Это очень польстило моему самолюбію и я приняла

самый веселый видъ. Выраженіе это отразилось въ произведеніи художника, который былъ родомъ еврей и звали его Симъ. Вечеромъ, когда я отправилась спать въ свою пору, явился отецъ и запретилъ мнѣ всякія сношенія съ человѣкомъ изъ ненавистнаго ему племени почитателей Иеговы.

Запрещеніе это показалось мнѣ очень несправедливымъ. Наконецъ-то я дождалась развлеченія въ своей скучной, уединенной жизни, и отецъ, никогда ничего для меня не сдѣлавшій, хочетъ лишить меня его. Я рѣшила не повиноваться и, съ первыми же лучами солнца, выползла наружу и быстро направилась къ тому мѣсту, гдѣ вчера работалъ Симъ. Черезъ минуту онъ явился и я начала извиваться предъ нимъ, принимая самыя разнообразныя формы и щеголяя своею разноцвѣтною чешуей, на которой весело играло солнце. Симъ залюбовался на меня и сталъ изображать меня чуть не между каждой лозой. Я была въ высшей степени польщена этимъ вниманіемъ и осталась съ Симономъ до захода солнца. Такъ продолжалось ежедневно, до окончанія работъ. Когда послѣдній камень былъ высѣченъ и вложенъ и я, по обыкновенію, отправилась на ночь въ свою пору, мнѣ снова явился отецъ.

— Ты не послушала меня, — сказалъ онъ, — и въ наказаніе, вмѣсто того, чтобы возвратить тебѣ сегодня человѣческой образъ, я возвращу тебѣ только человѣческую рѣчь, ибо я знаю, что и этотъ даръ послужитъ къ твоему несчастію!

„Отъ меня зависитъ заставить его послужить моему счастію!“ — промелькнуло въ моей самонадѣянной головѣ. — „Доверши же мое наказаніе!“ — громко сказала я отцу, — „и возврати мнѣ образъ человѣческой!“

— Цѣть, — отвѣтилъ онъ съ злобнымъ смѣхомъ, — человѣческой образъ возвратится къ тебѣ только тогда, когда кто-либо изъ владѣльцевъ этого дома пожелаетъ на тебѣ жениться.

„Я найду себѣ жениха и безъ нихъ!“ — подумала я, и съ восходомъ солнца поползла къ обычному мѣсту.

Симъ съ счастливою улыбкой обходилъ зданіе кругомъ, любуясь своимъ произведеніемъ. Освѣщенная розовымъ свѣтомъ восхода, работа его казалась еще очаровательнѣе. Я подползла вплотъ къ нему и назвала его по имени. Онъ вздрогнулъ и сталъ изумленно оглядываться, тогда я обвинилась кругомъ его ногъ и, поднявъ голову до его лица, сказала, что люблю его, и хочу всюду слѣдовать за нимъ. Но вмѣсто радости, какой-то ужасъ изобразился на лицѣ его.

„Боже Авраамовъ, Исааковъ и Израилевъ“, возопилъ онъ, — „прикажи искусителю рода человѣческаго снова возвратиться въ его каменное изображеніе и не покидать его на смущеніе людей! Изображая змѣю, я забылъ, что это есть его символъ!“

Въ ту же минуту, какая-то невидимая сила, отторгла меня отъ Сима и втиснула въ мое каменное изображеніе.

Съ тѣхъ поръ я могу только вытягиваться на извѣстное разстояніе, но уже не въ силахъ отдѣлиться отъ своего жилища. Сжался надо мною, добрый юноша, женись на мнѣ и тѣмъ возврати мнѣ свободу и образъ человѣческій! Повѣрь! ты не будешь жалѣть объ этомъ, я пригожусь тебѣ на многое!“

— Почему же ты, столько лѣтъ видя ежедневно моего брата, не обратилась къ нему съ такою же просьбой? — отвѣтилъ ей Раасъ вопросомъ.

„Ты знаешь, что онъ пріѣхалъ сюда еще ребенкомъ и прежде, чѣмъ я рѣшилась ему отереться, едва придя въ возрастъ, сердце его уже плѣнилось молодою черкешенкой, предлести которой онъ приходилъ воспѣвать подъ этою стѣною, то-есть какъ разъ подъ моимъ жилищемъ.“

Въ честь своей возлюбленной онъ слагалъ

стихи и пѣсни и съ чувствомъ распѣвалъ ихъ цѣлыми часами. Чего же мнѣ было надѣяться? я молчала и рѣшила не мѣшкать такъ долго съ другимъ владѣльцемъ!“

Раасъ призадумался.

— Теперь обстоятельства перемѣнились, — сказалъ онъ, — твое счастье въ твоихъ рукахъ, если ты только сумѣешь воспользоваться случаемъ.

И Раасъ разсказалъ змѣйкѣ въ короткихъ словахъ печальный конецъ привязанности Датуны и лежащую на нихъ обоихъ обязанность мести. Змѣйка отвѣтила, что посоветуется съ отцомъ и завтра дастъ отвѣтъ, а Раасъ, утомленный всеѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, пошелъ искать отдохновенія во снѣ. Едва сомкнулъ онъ очи, какъ ему представился кроткій и очаровательный образъ Пенилезъ. Казалось, она стоитъ гдѣ-то очень высоко надъ нимъ и просить его о чемъ-то съ большимъ усердіемъ.

Онъ дѣластъ неимовѣрныя усилія, чтобы разслыхать ея тихія рѣчи и наконецъ до напряженнаго слуха его долетаютъ отрывистыя слова:

„Остороженъ!.. Будь остороженъ!.. Остерегись!“

Онъ хочетъ броситься къ ней и просыпается. Всю ночь просидѣлъ Раасъ въ раз-

думы и наконецъ пришелъ къ такому заключенію:

— Возвратиться къ Амалать-Беку мнѣ невозможно, пока на мнѣ лежитъ неудовлетворенная обязанность мести. Удовлетворить эту обязанность безъ помощи лукаваго невозможно; стало быть необходимо воспользоваться услугами лукаваго, но употребить всю свою бдительность, чтобы этими услугами не создать какого-нибудь препятствія къ соединенію съ Пепилезь. Заря уже начала заниматься, когда Раась подошелъ къ жилищу змѣйки. Она радостно высунула голову къ нему на встрѣчу.

„Какія извѣстія?“ нетерпѣливо спросилъ онъ.

— Хорошія, — отвѣтила она. — Отецъ предлагаетъ слѣдующее: если твой братъ согласится жениться на мнѣ, то ты долженъ сейчасъ же выписать его сюда, а самъ отправиться для выполненія обязательства мести. Я не желаю, чтобы мой женихъ подвергался какой-либо опасности, а такъ какъ жениться ему нельзя, прежде, чѣмъ онъ кровью смоетъ нанесенное ему оскорбленіе, то ты повѣришь, что я очень спѣшу окончаніемъ мести и поэтому выхлопотала тебѣ у отца необычайный даръ. Съ той минуты, какъ ты изъявишь согласіе на его условія, всѣ

желанія твои будутъ немедленно исполняться, но, съ каждымъ изъ нихъ, одинъ волосъ на твоей головѣ сдѣлается огненнымъ.

„Согласенъ“, — быстро отвѣтилъ Раасъ, который былъ увѣренъ, что условіе это не можетъ помѣшать его соединенію съ Пеннелезъ.

— Хорошо! — сказала Тинатина, но я еще не все досказала. Тебѣ разрѣшается желать чего-либо для себя только тогда, когда долгъ мести будетъ удовлетворенъ и, засимъ, знай, что никакія желанія уже не въ силѣ измѣнить цвѣтъ волоска, разъ сдѣлавшагося огненнымъ.

„Согласенъ на все!“ снова повторилъ юноша, и опрометью побѣжалъ отправлять гонимъ къ брату.

Отправивъ письмо, Раасъ сталъ беспокоиться, что Датуна не убѣдится его доводами и не пріѣдетъ тотчасъ же. Черезъ два часа, то-есть именно въ ту минуту, когда Датуна дочитывалъ его письмо, первый волосокъ на головѣ Рааса порыжѣлъ; это значило, что Датуна убѣдился и съ этой минуты никакое самое пустячное желаніе не проходило даромъ, даже простое удовлетвореніе жажды. Голова бѣдняка рыжѣла съ ужасающею быстротою. Устрашенный Раасъ едва завидѣлъ брата, какъ потащилъ его къ

змѣйкѣ и, предоставивъ ся краснорѣчію убѣждать его, самъ побѣждалъ собираться въ путь. Скоро возвратился онъ къ разговаривавшимъ и къ ужасу своему услышалъ, что Датуна еще упорствуетъ, не желая предоставить змѣйкѣ роль первой жены.

„Великій Аллахъ!“ — внутренно восклицаетъ онъ, — „пусть до него достигнетъ хоть ложный слухъ о смерти его возлюбленной“.

Въ это время подходитъ странникъ и проситъ гостепріимства.

— Откуда ты? — спрашиваетъ Датуна, вводя гостя въ домъ.

„Изъ аула А.“ — отвѣчаетъ пришлецъ, — „гдѣ недавняя радость обратилась въ горе, Кубать овдовѣлъ и бросивъ родной аулъ, направился въ Имеретію“.

Раасъ взглянулъ на стѣну, гдѣ висѣла этшлифованная серебряная доска, вмѣсто оеркала, еще одинъ волосъ порыжѣлъ, онъ взглянулъ на брата. Датуна блѣдный прирлонился къ стѣнѣ и, казалось, боролся внутсенно. Страстное желаніе, чтобы онъ согласился сдѣлать Тинатину первою женою, загорѣлось въ душѣ Рааса, онъ снова взглянулъ въ зеркало, опять одинъ волосъ порыжѣлъ, въ то же время слышались слова Датуны:

— Займи нашего гостя, я сейчасъ приду.

Раась принялся за обязанности гостеприимства, а между тѣмъ въ головѣ его вертѣлась мысль:

„Не обидѣлась ли змѣйка? Не отказала бы она теперь ему?“

И опять явилось новое желаніе, и опять волосокъ порыжѣлъ. Такимъ образомъ хитрый Иблись каждое желаніе дробилъ на множество мелкихъ подробностей, и обезображиваніе бѣднаго Рааса шло быстрыми шагами. Преданіе не сохранило намъ всѣхъ подробностей его поисковъ за врагами. Извѣстно только, что онъ не зналъ Кубата въ ту минуту, когда тотъ, спѣшившись, пролѣзаль сквозь отверстіе въ знаменитомъ камнѣ Стодугоръ.

Не желая пользоваться невыгодностію его положенія; Раась далъ ему выйти къ сторонѣ рѣки Уруха, и тогда, послѣдовавъ за нимъ, столкнулъ его съ вершины горы въ шумящую стремнину. Отъ этого мѣста зигзагами идетъ тропинка къ каменистой равнинѣ, близъ которой расположено осетинское селеніе Нары, и Раась, взявъ лошадь въ поводъ, съ величайшею опасностію сталъ спускаться, въ намѣреніи переночевать въ деревнѣ. Достигнувъ равнины, онъ взглянулъ на Урухъ, который мчался съ обычнымъ своимъ ревомъ и гуломъ, пѣнясь и высоко

плеская брызгами, когда волны его налетали на камни. Отъ тѣла врага уже ничего не осталось. Раасъ постучалъ у первой сакли, но онъ былъ не первымъ путникомъ, нашедшимъ здѣсь гостепріимство, часомъ раньше сюда же пришелъ отецъ бывшей невѣсты Датуны и также расположился на ночлегъ.

Враги узнали другъ друга. Старикъ отозвалъ юношу въ сторону и сказалъ ему, что имъ неприлично обагрять кровью очагъ, предложившій имъ гостепріимство, но что, съ разсвѣтомъ, они могутъ вмѣстѣ покинуть своего хозяина и исполнить требованія чести. И такъ, весело поужинавъ, они мирно улеглись рядомъ и беззаботно проспали всю ночь. Распростившись съ гостепріимнымъ осетиномъ, они отѣхали на агачъ (около семи верстъ), спѣшили и разошлись шаговъ на пятьдесятъ. Тогда, обнаживъ кинжалы, съ дикимъ крикомъ бросились они другъ на друга и черезъ мгновеніе, крѣпко обнявъ одинъ другого лѣвою рукою, уже барахтались на землѣ, нанося другъ другу удары правою. Побѣда, однако, осталась за Раасомъ. Онъ поспѣшно отрубилъ голову своего врага, привязалъ ее къ своему сѣдлу и помчался опрометью домой. Проѣзжая черезъ ручей, онъ заглянулъ въ воду и вскрикнулъ. Изъ

воды на него смотрѣлъ какой то уродъ съ косматыми, огненными волосами, что-то дикое было въ этомъ цвѣтѣ и невольно производило отталкивающее впечатлѣніе. Раасъ остановилъ коня, снялъ шапку и пристально сталъ вглядываться не остался ли у него хоть одинъ черный волосокъ, но такового нигдѣ не оказывалось. Смущеніе его было безгранично. Показаться такъ къ Амалату было немыслимо, а талисманъ, силою котораго творились чудеса, исполнялись всѣ желанія и на который возлагались всѣ надежды для снисканія любви Пепилезъ и согласія ея родителей — изсякъ, исчезъ, уничтожился, исчерпался до дна. Тихо выѣхалъ онъ на противоположный берегъ ручья и шагомъ поѣхалъ далѣе. Куда было спѣшить теперь. Иблисъ, такъ пунктуально исполнившій свое обѣщаніе, жестоко надругался и надъ нимъ и надъ Датунной. И тотъ и другой были теперь лишены возможности соединиться со своею возлюбленною, хотя оба вошли въ соглашеніе съ нимъ только подъ давленіемъ страсти. Возвращеніе его теперь принесетъ радость одной змѣйкѣ. Въ этихъ грустныхъ мысляхъ, Раасъ разсѣянно смотрѣлъ, какъ вѣрный конь его шагомъ взбирался по отлогому склону, украшенному множествомъ благоухающихъ цвѣтовъ.

„Вотъ картина моего дѣтства!“ — подумалъ Раасъ — „съ множествомъ свѣтлыхъ радостей, которыя, какъ эти цвѣты, украшали каждый счастливый день!“

Въ это время онъ уже поднялся довольно высоко въ гору и картина измѣнилась. Путь сталъ затрудняться, поднимаясь и опускаясь по грязнымъ пригоркамъ, на которыхъ лошадь скользила и спотыкалась. Мѣстами исполинскія деревья, свалившись съ горы, легли поперекъ дороги совершенно преграждая ее. Гдѣ было по просторнѣе, лошадь перепрыгивала, но въ тѣсныхъ мѣстахъ приходилось сиѣшиваться съ неимоверными усилями, перелѣзать черезъ преграды и переводить лошадь, для которой подобные переходы были еще затруднительнѣе, чѣмъ для человѣка. Наконецъ дремучій боръ обступилъ его со всѣхъ сторонъ.

„А вотъ и образъ настоящаго моего положенія!“ — съ горестью замѣтилъ Раасъ — „все мрачно и сурово, ни одинъ цвѣтокъ не веселитъ взора! Какъ скоро заблудился я, однако, на пути жизни, безъ моего путевода и благодѣтеля! О Амалать! когда я вернусь къ тебѣ?“

И невозможность показаться Пепилезъ съ адскими, огненными волосами, не взирая на то, что месть уже совершена, такъ удруча-

юще подѣйствовала на бѣднаго юношу, что онъ бросилъ поводья, закрылъ лицо руками и предоставивъ лошади идти куда знаетъ, совсѣмъ погрузился въ свои мрачныя думы. Онѣ были прерваны неожиданной остановкой коня. Раасъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою старца въ рубищѣ, но съ чамою на головѣ. Догадавшись, что видитъ передъ собою одного изъ отшельниковъ мусульманскихъ, которыми въ то время изобиловали горы вокругъ камня Стодугора, и притомъ не простого, а побывавшаго въ Меккѣ, Раасъ поспѣшилъ сойти съ коня и оказать ему всѣ тѣ знаки уваженія, которые обязательно долженъ исполнить въ подобномъ случаѣ каждый правовѣрный. Старецъ предложилъ гостепріимство неожиданному гостю, сѣлъ на его лошадь, предоставивъ Раасу вести ее въ поводу и скоро они достигли его скромнаго жилища.

Оно убрано было простыми осетинскими коврами, плетеными изъ соломы. По зову хозяина вышелъ молодой человѣкъ и взялъ лошадь, а старецъ ввелъ Рааса въ домъ и пригласивъ его отдохнуть, вскорѣ вернулся съ огромнымъ деревяннымъ блюдомъ, наполненнымъ хорошо развареною бараниной. По краямъ блюда, составляя красивую кайму, лежали треугольники изъ осетинскаго хлѣ-

ба и на каждомъ изъ нихъ кусокъ овечьяго, печенаго сыра. Поставивъ принесенное на небольшой деревянный треножникъ, хозяинъ благословилъ кушанье и пригласилъ Рааса раздѣлить его ужинъ. Въ этотъ вечеръ онъ не сдѣлалъ своему гостю никакого вопроса, но по окончаніи трапезы, совершилъ молитву и легъ спать, пригласивъ Рааса послѣдовать его примѣру. Раасъ рѣшилъ встать пораньше, чтобы съ зарею выѣхать къ брату, но вмѣсто того, выѣхалъ едва ли не къ полудню. Во-первыхъ онъ проспалъ гораздо дольше чѣмъ предполагалъ, а потомъ, хозяинъ сумѣлъ заставить его разговориться и повѣдать ему свое горе.

Печальный рассказъ свой бѣдный Раасъ закончилъ отчаяннымъ воплемъ, что теперь ему остается только убить себя, такъ какъ онъ не можетъ терпѣть даже мысли, что надъ нимъ будутъ смѣяться, хотя бы насмѣшникомъ явился самъ Иблисъ. Старикъ, слушавшій его все время съ величайшимъ участіемъ, удивилъ его спокойнымъ отвѣтомъ:

— Надо тебѣ, въ свою очередь насмѣяться надъ Иблисомъ.

„Но вѣдь это невозможно!“ — воскликнулъ пылкій юноша, — „и мнѣ остается только умертвить себя, когда я сообщу брату, что месть удовлетворена“.

— Совсѣмъ незачѣмъ убиваться — отвѣтилъ старикъ.

„Да какъ же я покажусь такимъ уродомъ Цепилезь?“

— Надо явиться къ ней не уродомъ, а джигитомъ!

„Что же мнѣ дѣлать съ этими проклятыми волосами?“

— Сбрить ихъ! — просто сказалъ хозяинъ дома.

Раасъ даже ротъ открылъ отъ удивленія.

Надо сказать, что магометане раздѣляются на двѣ секты: Шитовъ и Сунитовъ. Одни считаютъ за грѣхъ брить бороды, другіе за грѣхъ не брить ихъ.

Нашъ герой принадлежалъ къ первымъ. Нѣсколько словъ старца убѣдили его, что эта пустая разница не мѣшаетъ и тѣмъ и другимъ быть добрыми мусульманами и, что даже есть святые съ бритыми и не бритыми головами, которые одинаково почитаются всѣми послѣдователями Магомета. Когда же, для вящаго доказательства, старикъ снялъ чалму и показалъ свою чисто выбритую голову, Раасъ поспѣшилъ причислиться въ число послѣдователей его ученія и послѣ небольшого религіознаго обряда, съ чисто выбритую головою, веселый, счастливый, помчался къ Датунѣ. Пріятное извѣстіе о по-

бѣдѣ надъ отцомъ и мужемъ привели въ неописанный восторгъ змѣйку, но Датупа совсѣмъ не раздѣлялъ этого восторга. Онъ былъ радъ, что мечь удовлетворена блистательно, но смерть Кубата усилила его горе о потерѣ любимой женщины, къ соединенію съ которой теперь уже не было бы препятствій. А тутъ еще такой скорый бракъ съ постылой Тинатиной! О это было тяжелое обязательство, но дѣлать было нечего.

Онъ постарался принять веселый видъ и пошелъ къ змѣйкѣ.

— Мечь удовлетворена, — сказалъ онъ, — мы можемъ жениться.

Стремительно вытянулась змѣйка и обвинилась кругомъ его шеи и, въ ту же минуту преобразилась въ столь очаровательную женщину, что Датупа забылъ свое горе и былъ вполне счастливъ. Раасъ торопился свадьбой едва ли не больше брата, такъ что рѣшили праздновать ее на другой день, остатокъ же настоящаго проведенъ былъ въ приготовленіяхъ къ празднеству, при чемъ Датупа, Тинатина, Раасъ и всѣ обитатели ихъ дома хлопотали и суетились до упаду. Поздно вечеромъ пришелъ Раасъ въ свою комнату. О ужасъ! взглянувъ въ зеркало, онъ увидѣлъ, что волосы его, эти невозможные рыжіе волосы уже выросли настолько, что выгля-

дывали безобразною огненною каймой изъ подъ ермолки.

Онъ поспѣшно схватилъ бритву и сбрилъ всё до одинаго. Видъ чистой головы, нѣсколько его успокоилъ. Однако, онъ понялъ, что Иблисъ не побѣжденъ. Благодаря хитрости мудраго старца, нашлось средство отчасти скрывать свое несчастье, но не устранить его. Тоска снова овладѣла сердцемъ несчастнаго юноши, онъ попробовалъ лечь. но сонъ бѣжалъ отъ него, невзирая на сильную усталость. Мрачныя мысли одна другой чернѣе тѣснились въ его голову, онъ отчаялся когда-либо быть любимымъ и не находя покоя въ отдохновеніи, вышелъ подышать воздухомъ. Все было тихо, точно сама природа, вмѣстѣ съ людьми и животными, утомилась знойнымъ днемъ и отдыхала отъ трудовъ. Раасъ сѣлъ на большой камень у спуска съ горы и сталъ смотрѣть внизъ. На полугорѣ расположено было селеніе, но за темнотою ничего нельзя было различить.

Вдругъ показался огонекъ, другой, третій, вскорѣ освѣтилась внутренность древней сельской церкви, и къ ней со всего селенія потянулись огоньки. Въ этотъ день былъ какой-то христіанскій праздникъ и поселяне шли къ заутрени.

„Я обѣщаль христіанскому Богу два золотыхъ, по окончаніи мести, пойду отдамъ,“ — сказалъ Раасъ и сталъ тихо спускаться съ горы. Селеніе было слишкомъ на полагача отъ барскаго дома и спускаться по крутой тропинкѣ съ почти отвѣсной горы невозможно было скоро, да Раасу и незачѣмъ было спѣшить. Онъ пошелъ оттого, что не зналъ куда дѣваться отъ внутренняго безпокойства, не дававшаго ему сидѣть на мѣстѣ и надо было какъ-нибудь убить время до утра. Тропинка, по которой шелъ не спѣша Раасъ, спускалась въ селеніе и надо было пройти его изъ конца въ конецъ, чтобы добратъся до церкви. Ему встрѣтились нѣсколько крестьянъ, возвращавшихся отъ утрени и оживленно о чемъ-то бесѣдовавшихъ.

Раасъ сталъ вслушиваться и его поразили слѣдующія слова:

„Правду говоритъ батюшка, что для Бога нашего нѣтъ ничего невозможнаго!“

Увидавъ своего господина, крестьяне стали къ сторонѣ, давая ему дорогу и почтительно его привѣтствовали. Ласково отвѣчалъ имъ Раасъ и, подойдя къ говорившему, спросилъ, о чемъ шла рѣчь.

„Не во гнѣвъ будь сказано господину“, — смѣло, хотя почтительно, отвѣтилъ спрошенный, — „въ эту минуту въ церкви совер-

шается крещеніе магометанки. Это дочь Али, который такъ извѣстенъ, какъ ревностный гонитель христіанъ!“

— Какъ дочь Али? Развѣ она не умерла? — воскликнулъ изумленный Раасъ, такъ неожиданно услыхавшій, что бывшая не-вѣста брата здравствуетъ.

„Нѣтъ, господинъ, ее насильно выдали замужъ за постылаго ей Кубата и она, обманувъ бдительность отца и мужа, бѣжала. Судьба привела ее къ нашему священнику, который укрылъ ее у себя въ домѣ и убѣдилъ сдѣлаться христіанкою“.

— И она такъ скоро рѣшилась оставить вѣру отцевъ? — продолжалъ спрашивать Раасъ.

„Она пришла къ намъ, убитая горемъ, сердечная тоска ея не давала ей покоя ни днемъ, ни ночью и вотъ батюшка повелъ ее въ храмъ, гдѣ на одной изъ стѣнъ еще сохранилось изображеніе Спасителя, въ рукѣ котораго открытая книга съ словами: „Придите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы“. Она стала молить нашего Бога, чтобы онъ благоволилъ исполнить на ней эти слова и Господь послушалъ ее, облегчилъ ея горе. Теперь она пожелала креститься и сегодня уже будетъ христіанкой“.

— Золотой тому, кто дастъ мнѣ лошадь, чтобы скорѣе доѣхать домой! — перебилъ Раасъ рассказчика.

Крестьяне переглянулись. Старшій изъ нихъ поспѣшно подошелъ къ своему господину, преклонилъ колѣно и почтительно цѣлуя подолъ его чохы, сказалъ:

„Лучшій конь къ услугамъ господина бесплатно, но прежде чѣмъ онъ вставитъ ногу въ стремя да услышимъ мы его барское слово, что не на вредъ новокрещаемой будетъ эта поѣздка!“

— О нѣтъ, нѣтъ! не бойтесь! — нетерпѣливо вскричалъ Раасъ, — даю вамъ слово, что не буду мстить ей за перемѣну вѣры. У насъ законы гостеприимства соблюдаются строже, чѣмъ у христіанъ и я, конечно, не пожелаю, чтобы пострадала беззащитная женщина, искавшая вашего гостеприимства.

Съ этими словами они всѣ отиравились къ дому старосты, гдѣ уже сѣдлали коня. Черезъ мгновеніе Раасъ летѣлъ какъ птица на привычномъ конѣ, которому крутизна горы была не въ диво. Нѣсколько словъ, сказанныхъ на ухо Датунѣ, сдѣлали такой переворотъ, что онъ забылъ и Тинатину и помчался вмѣстѣ съ братомъ къ церкви.

Въ нѣсколько минутъ испытанные кони совершили опасный спускъ, ибо неренрыги-

вали множество препятствій, которыя пѣшеходамъ приходилось обходить очень далеко. Тѣмъ не менѣе братья подѣхали къ церкви лишь тогда, когда ранняя обѣдня уже кончилась и шелъ благодарственный молебенъ. По древнему обычаю новокрещенная была вся въ бѣломъ и держала зажженую свѣчу. Она горячо молилась передъ иконою Спасителя и не замѣтила вошедшихъ, которые остановились у двери и внимательно слушали пѣніе. Раасъ молился внутренно, чтобы Богъ, облегчившій горе новообращенной, призрѣлъ и на его горе. Въ эту простосердечную молитву онъ вложилъ всю свою безхитростную, любящую душу. Въ это время подошелъ къ нимъ дьячекъ и съ низкимъ поклономъ сказалъ, что батюшка покорнѣе просить господъ къ себѣ въ домъ, куда и самъ сейчасъ явится. Думая, что, быть можетъ, мусульманамъ нельзя присутствовать при послѣдующемъ богослуженіи, молодые люди поспѣшили исполнить желаніе священника.

Однако этого кратковременнаго пребыванія въ церкви было достаточно, чтобы возродить въ сердцѣ Рааса желаніе сдѣлаться христіаниномъ. Изъ окна священническаго дома они видѣли, какъ новообращенная, въ сопровожденіи обоихъ воспріемниковъ, про-

шла во внутренніе покои священническаго дома, не взглянувъ даже на то окно, изъ котораго жадно смотрѣлъ на нее Датуна. Ему показалось, что никогда онъ не видалъ ее столь прекрасною. Вскорѣ вошелъ священникъ и послѣ обычнаго привѣтствія, предложилъ имъ раздѣлить съ нимъ его трапезу. Она состояла изъ кофе и хлѣба. Священникъ повѣдалъ имъ, что новокрещенная, которую онъ нарекъ Дареджаною, на духу должна была открыть ему всѣ тайны и потому онъ считаетъ долгомъ своимъ просить Датуну не искать съ нею видѣться. Али и Кубать, считая ея побѣгъ величайшимъ для себя безчестьемъ и желая скрыть свой позоръ, распустили слухъ о ея смерти, а сами пустились на поиски, съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствительно убить бѣгланку, поэтому, — добавилъ священникъ, обращаясь къ Датунѣ, — хотя я и нахожу, что для вашего обоюднаго спокойствія лучше вамъ невидаться, но я, тѣмъ не менѣе, прошу для нея вашего могущественнаго покровительства, господинъ, въ случаѣ, если бы отецъ или мужъ пожелали отнять ее у меня силою.

— Они этого не сдѣлаютъ, святой отецъ, — поспѣшилъ отвѣтить Раасъ, — ибо и тотъ и другой убиты мною два дня тому назадъ,

Священникъ громко воздалъ хвалу Богу, въ защиту беззащитной, даровавшему побѣду юношѣ надъ двумя столь прославленными бойцами.

Тогда Датуна рѣшился открыть доброму старцу свое горе и горе брата. Услыхавъ о козняхъ діавольскихъ, священникъ объяснилъ имъ, что съ этой силой можетъ справиться лишь высшая сила Христова, а какъ ожидать ея содѣйствія въ пользу враговъ христіанства:

„Но я хочу быть христіаниномъ и слугою того Бога, который облегчаетъ страданія своихъ рабовъ!“ — воскликнулъ Раасъ.

Датуна изъявилъ то же желаніе. Послали гонца къ Тинатинѣ съ объясненіемъ, что для совершеннаго окончанія мести, братья уѣзжаютъ на двое сутокъ и свадьба отлагается до ихъ возвращенія. Между тѣмъ священникъ поучалъ ихъ вѣрѣ Христовой весь этотъ день, а на другой счастливые крестьяне присутствовали при крещеніи обоихъ молодыхъ господъ. Давидъ сохранилъ свое имя, а Рааса назвали Ревомъ. Послѣ крещенія, новообращенные присутствовали за обѣдней и причастились Святыхъ Таинъ, такъ же какъ Дареджанъ, а послѣ обѣдни въ присутствіи священника разрѣшено было повидаться влюбленнымъ.

Результатомъ этого свиданія было слѣдующее рѣшеніе: Свадьба Давида дѣйствительно состоится завтра не по магометанскому, а по христіанскому обряду и не съ Тинатиной, а съ Дареджаною. Ревъ, глядя на нихъ, старался радоваться ихъ радостью и не думать о своемъ погибшемъ счастьи, принимая свое горе, какъ заслуженную кару за союзъ съ діаволомъ. Пламенная и чистая душа его вся наполнена была любовью и благоговѣніемъ ко Христу и онъ горько упрекалъ себя, что соединился съ Его врагомъ.

Порѣшили съ разсвѣтомъ идти крестнымъ ходомъ на гору и въ домъ. Съ первыми лучами солнца шествіе тронулось съ пѣніемъ: „Да воскреснетъ Богъ“, впереди шель священникъ со крестомъ, несли святую воду и иконы. Между тѣмъ Дареджанъ со всеми женщинами и дѣтьми собрались въ церковь и усердно молили Бога объ успѣхѣ предпріятія. Едва приблизилось шествіе къ дому, какъ изъ него выбѣжала на встрѣчу разъяренная Тинатина, но окропленная святою водою, превратилась въ страшнаго дракона, который на глазахъ у всѣхъ взлетѣлъ выше дома и, кружась надъ нимъ, ронялъ огненную пѣну, возжигавшую все, на что она попадала. Ничѣмъ не смущаясь, свя-

щенникъ, а за нимъ и весь крестный ходъ обходилъ зданіе съ громкимъ пѣснопѣніемъ, и по мѣрѣ того, какъ подвигалось это побѣдоносное шествіе, рушились нечистыя стѣны. Когда же оставшюся груду камней священникъ осѣнилъ крестомъ, страшный ударъ грома низвергъ дракона на пылающія развалины: взвилось смрадное пламя и съ ужаснымъ трескомъ земля разверзлась и поглотила и дракона и остатки зданія.

Съ торжествующею пѣснію „Тебя Бога хвалимъ!“ возвращались счастливые христіане. Еще издали слышали благодарственную пѣснь молящіяся въ церкви и вышли на встрѣчу съ тою же пѣснію. Своды церкви огласились благодарственнымъ молебномъ, послѣ котораго совершилось вѣнчаніе Давида и Дареджаны, во время котораго Ревъ съ обнаженною головою совершалъ обязанности шафера.

Посыпались поздравленія новобрачнымъ.

„Поздравляю!“ — весело сказалъ священникъ Реву.

Юноша подумалъ, что его поздравляютъ съ новобрачными.

„Господь нашъ и тебя не оставилъ своею милостію!“ — пояснилъ священникъ съ счастливою улыбкою, указывая на его бритую

голову, по которой кой-гдѣ пробивался чер-
ный пушокъ.

Ревъ понялъ и обезумѣлъ отъ радости. Стремительно бросился онъ къ иконѣ Спасителя и высыпалъ передъ нею всѣ золотые изъ пояса. Съ благодарными слезами облобызавъ икону, онъ не остался пировать на свадьбѣ, а прямо изъ церкви помчался къ Амалать-Беку. Побѣдителю Али и Кубата не страшно было просить руки Пепилезъ. Амалать съ радостію далъ свое согласіе, тѣмъ болѣе, что въ отсутствіи Рева привязанность къ нему Пепилезъ стала извѣстна родителямъ. Послѣ свадьбы Ревъ поселился у Амалата, а Давидъ съ женой временно поселились у священника и ревностно занялись сооруженіемъ себѣ новаго жилища, поближе къ церкви и къ селенію.

Такимъ образомъ ни храбрость, ни сила, ни ловкость, ни хитрость не побѣдили козней діавольскихъ, сдѣлавшихся безсильными только со смиреннымъ признаніемъ своего безсилія и покорностью волѣ Божіей.

XXI.

Э Т С Р Я И И.

Л Е Г Е Н Д А.

Въ бѣдной саклѣ сидѣлъ крестьянинъ Фарнаозъ и качалъ плачущаго младенца. Молодой отецъ плакалъ и надъ своей не-ловкостью, и надъ ребенкомъ, и надъ горемъ его поразившемъ такъ неожиданно, такъ внезапно. Давно ли во всей деревнѣ не было четы счастливѣе и дружиѣе Фарнаоза и Этери и какъ они радовались надеждѣ имѣть ребенка, какъ нетерпѣливо ждали своего первенца, а теперь каждый крикъ маленькой дочери, которую онъ называлъ Этери, вызывалъ передъ его воображеніемъ образъ другой Этери красивой, цвѣтущей здоровьемъ, съ похоронъ которой онъ только что вернулся. Теперь сакля его казалась ему еще мрачнѣе, чѣмъ въ день рожденія маленькой Этери, когда стоны ея матери перешли въ предсмертную агонію и онъ впервые созналъ, что пришла минута разстаться съ любимой женой. Черезъ нѣсколько дней онъ понялъ, что ему не выходить ребенка, разстаться же съ нимъ, отдавъ его на воспитаніе кор-

милицѣ, онъ ни за что нехотѣлъ. И вотъ Фарнаозъ переходитъ изъ сакли въ саклю, изъ селенія въ селеніе ища кормилицу, которая пошла бы жить къ нему, но никто не шелъ къ молодому вдовцу и необходимость заставила его подумать о женитьбѣ.

Мысль взять другую жену, такъ скоро послѣ смерти любящей и любимой Этери, воспоминаніе о которой всюду его преслѣдовало, возмущала его. Любовь къ умершей женѣ и любовь къ новорожденной дочери наполняли его сердце, но мало-по-малу привязанность къ живой Этери усиливалась и, наконецъ, вытѣснила образъ умершей матери. Въ его селеніи жила молодая и красивая крестьянка Маріамъ, при всякой встрѣчѣ съ нимъ, заботливо его спрашивающая о маленькой Этери.

„Чего же я жду?“ — подумалъ Фарнаозъ, — вотъ будетъ настоящая мать для моей бѣдной крошки, и женился.

Но Маріамъ была столь же лукава и зла, сколько прекрасна. Подъ видомъ страстной любви къ падчерицѣ, она скрывала полнѣйшее равнодушіе, перешедшее въ ненависть, когда у нея родился сынъ Темурханъ.

Ежедневныя ссоры между мужемъ и женою воцарились тамъ, гдѣ при первой женѣ слышны были только слова любви и

счастья. Добросердечный Фарнаозъ кручинился объ дочери и ежечасно проклиналъ свою непроницательность, а Маріамъ все болѣе и болѣе ожесточалась и, наконецъ, безпрерывнымъ рядомъ огорченій свела Фарнаоза въ могилу. Тогда бѣдная Этери осталась уже совсѣмъ беззащитною въ ея власти. Желая извести ребенка, Маріамъ посылала ее пасти боровъ, давая ей одинъ „кути“ (непропеченый маленькій хлѣбецъ) и большой клубокъ пряжи съ веретенкомъ. Только пересучивъ всю эту пряжу въ нитки, смѣла являться Этери за новымъ запасомъ кути. Семилѣтняя дѣвочка безпрекословно исполняла жестокія приказанія мачехи. Отъ отца научилась Этери любить Бога и молиться Ему всѣмъ сердцемъ. Крѣпко вѣруя, что для Него нѣтъ ничего невозможнаго, она осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ и храбро принималась за огромный клубокъ, который скоро превращался въ прекрасныя нитки.

Напрасно злая мачеха прибавляла клубки и уменьшала кути. Скудное пропитаніе, по милости Божіей, вполне насыщало юную труженицу. Она росла и разцвѣтала въ прекрасную, цвѣтущую здоровьемъ и силою дѣвицу. Такъ прошло пять лѣтъ. Ненависть мачехи неуменьшалась, а при видѣ

дружбы Темурхана и Этери еще пуще возгоралась. Этери же все росла и хорошѣла, неуязвимая никакими ухищреніями. Почти въ то же время у царя той страны родились сынъ и дочь, которую звали Марехъ. Она была почти однихъ лѣтъ съ Этери, а братъ ея Абесаломъ, нѣсколько старше. Такая же нѣжная дружба соединяла брата и сестру. Но царь, потерявъ жену, не женился вторично, а поручилъ надзоръ за дѣтьми одному знатному и богатому вельможѣ, по имени Мурману. Многіе находили весьма страннымъ, что выборъ царя палъ на молодого и холостого человѣка и такъ много, долго и громко объ этомъ разсуждали, что слухи эти дошли до царя.

„Мурманъ мой лучший другъ“, — сказалъ царь, — „жены и дѣтей у него нѣтъ и, любя меня такъ искренно, онъ всѣмъ сердцемъ привяжется къ моимъ дѣтямъ, которыхъ мои царскія обязанности лишаютъ моего пристального надзора“.

Казалось сама мудрость вѣщала устами царя. Мурманъ отказался отъ брака и совершенно отдался возложеннымъ на него обязанностямъ. Когда Марехи исполнилось двѣнадцать лѣтъ, отецъ ея почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ позвалъ Абесалома и Мурмана. При всѣхъ вельможахъ, окру-

жавшихъ его смертный одръ, благодариль онъ послѣдняго и сказалъ сыну, что теперь роли ихъ переменятся и, что, принявъ престоль по смерти отца, Абесаломъ долженъ принять на свое царское попеченіе какъ сестру, такъ вѣрнаго слугу своего отца и своего воспитателя. Много дней Абесаломъ и Марехъ провели въ слезахъ и рыданіяхъ, наконецъ, по совѣту Мурмана, юный царь пошелъ искать развлеченія на охотѣ и забрелъ въ тотъ лѣсъ, куда отъ жары укрывалась ежедневно Этери со своимъ стадомъ.

Дѣло было къ вечеру. Лѣсъ оканчивался долиной, которую съ противоположной стороны окаймляли горы. Основанія этихъ горъ казались высѣченными изъ сафира, между тѣмъ какъ вершुшки подъ лучами заходящаго солнца горѣли нѣжно-розовымъ огнемъ, который ниже переходилъ въ блѣдно-лиловый, сгущаясь постепенно въ темно-фіолетовый и сливаясь, наконецъ, съ густою синевою подножья. А надъ всѣмъ этимъ золотое небо сыпало искры и ослѣпляло своимъ великолѣпіемъ. Абесаломъ залюбовался прелестнымъ видомъ, который вскорѣ сталъ оживляться появленіемъ красивыхъ коровъ. Онѣ выходили одна за другою изъ лѣса и ложились на сочной травѣ, располагаясь на ночлегъ. За ними появилась молодая дѣ-

вушка съ большимъ клубкомъ недосученыхъ нитовъ. Она бросила изорванную бурку, на плоскій камень, виднѣвшійся среди долины, и сѣла на него.

Перекрестясь она усердно принялась оканчивать работу. И юный царь, незамѣченный ею, долго любовался на нее, и цвѣты, которыми изобиловала долина, издавали свое опьяняющее благоуханіе, и вечерняя роса брильянтами висѣла на нихъ, а угасающіе лучи солнца серебромъ и золотомъ играли въ капляхъ; царь все смотрѣлъ и пьянѣлъ отъ восторга. Окончивъ работу, Этери помолилась Богу, завернулась въ лохмотья бурки и легла спать на томъ камнѣ, на которомъ за минуту передъ тѣмъ работала и молилась. Рядомъ съ камнемъ росло развѣсистое дерево, вѣтви котораго составляли шатеръ надъ лежащею. Передъ сномъ Этери проговорила:

„Господи! Тебѣ все возможно! прикажи, чтобъ этотъ лиственный кровъ, силою Твоею, покрывалъ меня отъ всякаго зла!“

И съ этими словами она заснула. Царь осторожно приблизился.

Пораженный ангельскимъ выраженіемъ ея лица, онъ опустился на колѣни и долго не сводилъ съ нея восхищеннаго взора, и любовь окончательно завладѣла его серд-

цемъ. Этери открыла глаза и быстро вскочила.

„Не бойся, красавица“, сказалъ царь, — „я не обижу тебя, я царь твой Абесаломъ и хочу сдѣлать тебя царицею“.

Этери опустила глаза и яркій румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ.

— Прости меня, государь, — отвѣтила она — не мнѣ тебя учить, но подумай о томъ, что ты могущественный царь, а я нищая крестьянка! Негожусь я тебѣ въ жены, а если ты смѣешься надо мною, то пусть накажетъ тебя Богъ!

И съ этими словами она быстро удалилась. Когда она достигла дома, мачеха уже спала, она тихонько пробралась къ Темурхану и рассказала ему о всемъ случившемся.

Братъ и сестра рѣшили соединить свои усилия, чтобы убѣдить мачеху не посылать молодую дѣвушку въ стадо. Но мачеха не одобрила этого рѣшенія. Чѣмъ свѣтъ поднялась она и, увидавъ нитки ссучеными, дала новый клубокъ пряжи и кути падчерицѣ и приказала идти, по обыкновенію, въ стадо.

— „Уволь меня сегодня, матушка, я нездорова“, — сказала трепещущая Этери.

Какъ взрывъ вулкана полилась ядовитая рѣчь Маріамъ. Напрасно Темурханъ, разбу-

женный крикомъ, старался успокоить мать. Никакія убѣжденія не дѣйствовали. Оскорбительные упреки, незаслуженныя подозрѣнія ядовитымъ потокомъ льются изъ разъяренныхъ устъ ея, и въ то время, когда она уже поднимала руку на дѣтей, внезапно является царь. Смущенная Маріамъ скрывается, а царь, въ присутствіи Темурхана, повторяетъ свою просьбу и увѣренія.

Какъ иѣсь звучать эти увѣренія въ устахъ влюбленнаго юноши:

„Если съ неба посыпятся на меня огненные стрѣлы, сожигая меня, я не откажусь отъ тебя, Этери!

„Если во время сраженія, невидимою силою, поднятая шашка моя опустится въ ножны по рукоятку, оставивъ меня беззащитнаго, я не отрекнусь отъ тебя, красавица!

„Если на скачущемъ конѣ разстегнетея подпруга и меня окружаютъ враги, я не измѣню тебѣ, дѣвица!

„Если море изсякнетъ и я буду погибать отъ жажды въ безводномъ пространствѣ, я не забуду тебя, царица!

„Если у меня истощится провіантъ во время долгаго семилѣтняго странствованія, я умру голодомъ, благословляя тебя, невѣста!“

Этими словами онъ убѣждаетъ ее и, уда-

ляясь, вручаетъ ей свой охотничій ножъ, въ защиту отъ мачехи. Но послѣдняя не успѣла еще опомниться отъ всего происшедшаго, какъ явились жены и дочери вельможъ съ драгоценными възвѣчными одеждами, въ которыя собственноручно облекли Этери и увезли съ собою.

Кто опишетъ пышность брачнаго пира и безчисленное множество дорогихъ подарковъ, полученныхъ Этери, отъ царя и приближенныхъ: красивыя рабыни, сильные негры, крошечныя карлицы, арабскіе кони, заморскія птички, драгоценныя камни и рѣдкія ткани сыпались къ ея ногамъ. Мурманъ, какъ старшій изъ вельможъ, имѣлъ право поднести скатерть для царскаго стола и воспользовался этимъ правомъ, чтобы показать свое несмѣтное богатство. Изъ чистаго золота были спучены нити, послужившія для ткани, а бахрома сннзана изъ жемчуга и драгоценныхъ камней. Царь, желая почтить своего воспитателя, посадилъ его во главѣ стола, такъ что онъ пришелся напротивъ царицы, дивная красота которой затмѣвала всѣ окружающія ее сокровища. Едва взглянулъ на нее Мурманъ и вздрогнулъ. Подъ предлогомъ нездоровья поспѣшно оставилъ онъ брачный пиръ и придя къ матери своей, бросился на полъ, сталъ кататься,

метаться изъ угла въ уголь, произносить несвязныя слова и стонать. Мать, испуганная столь необычайными дѣйствіями, думала сначала, что онъ лишился разсудка, но разобравъ изъ словъ его, что онъ безнадежно влюбленъ въ царицу, приказала ему идти на поиски за лѣкарствомъ любви.

Какъ безумный всталъ Мурманъ и пошелъ невѣдомо куда. Скоро встрѣтился съ нимъ діаволь, въ видѣ странствующаго врача. Онъ несъ корзину, покрытую нестрою скатертью и предлагалъ всякія лѣкарства прохожимъ. Мурманъ остановилъ его вопросомъ, нѣтъ ли у него лѣкарства любви.

— Есть, — отвѣтилъ лѣкаръ, — но я не возьму за него никакой платы, кромѣ души твоей матери.

Испуганный неожиданностью предложенія, Мурманъ вернулся домой, гдѣ любящая мать не остановилась предъ подобной жертвой для спасенія своего дѣтища, а сынъ, обезумѣвшій отъ любви, злоупотребилъ ея привязанностью и великодушіемъ и совершилъ постыдный торгъ. Діаволь вручилъ ему чашу проса.

— Обсыпь этимъ Этери и она будетъ твою, — сказалъ онъ.

Долго искалъ Мурманъ удобнаго случая, но онъ все не представлялся. Наконецъ

царица изъ своихъ рукъ пожелала накормить заморскихъ птичекъ, распѣвавшихъ въ золотыхъ клѣткахъ. Мурманъ поспѣшилъ поднести просо въ дьявольской чашѣ и, какъ бы споткнувшись, обсыпалъ имъ Этери, которая къ вечеру съ головы до ногъ покрылась вшами. Незная чему приписать столь внезапный недугъ, Абесаломъ созвалъ всѣхъ знахарей своего царства, но никто не облегчилъ страданій царицы. Пышныя посольства отправлены были въ сосѣднія царства съ просьбой выслать лучшихъ врачей. Отовсюду стали стекаться знаменитѣйшіе знахари, но и ихъ искусство оказалось безсильнымъ. Глашатаи объявили по всѣмъ городамъ и весямъ, что царь не пожалѣетъ никакой награды тому, кто исцѣлитъ царицу, но никто не откликнулся на призывъ царскій. А между тѣмъ злыя насѣкомыя источили нѣжную кожу Этери и покрыли тѣло ея ранами.

Истощилось терпѣніе царя, онъ рѣшился разстаться съ супругою, но ему не хотѣлось оскорбить ее, онъ послалъ за своимъ воспитателемъ и просилъ его совѣта. Хитрый ученикъ дьявола увѣрилъ царя, что онъ не остановится ни предъ какою жертвою для его спокойствія. Чтобы смягчить ударъ для любящаго сердца Этери, онъ ви-

доть только одно средство, царь долженъ не просто удалить ее, а отдать въ супруги Мурману.

„Быть можетъ, ея женское самолюбіе найдетъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что не всѣ ею брезгають!“ завершилъ воспитатель.

Царь согласился. Едва Этери переступила порогъ Мурмана, какъ вши исчезли и тѣло ея стало быстро заживать. Прошло двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ Абесаломъ тосковалъ непомѣрно и, наконецъ, по совѣту знахарей, рѣшился прокатиться верхомъ.

Невольнo направилъ онъ коня къ дому Мурмана, гдѣ выздоровѣвшая Этери не осушала глазъ. Услыхавъ топотъ его коня, она быстро выбѣжала къ двери и изъ усть ея вылилась чудная пѣснь, полная тоски, любви и укора. Абесаломъ вернулся печальнѣе, чѣмъ выѣхалъ. Пришелъ Мурманъ, царь не выдержалъ и спросилъ, какъ поживаетъ Этери.

„Хотя не слѣдуетъ хвалиться своею женою, — отвѣтилъ наглець, — но я скажу, что Этери гордо сидитъ въ высокой башнѣ. Талія ея тонка, какъ стебель нѣжной розы; плечи широки, какъ крылья лебединой матки; бедра ниспадаютъ, какъ пышная шерсть дикихъ козь; лобъ широкъ, какъ свѣтлая

луна, брови дугообразны, какъ радуга; а виски такъ красивы, что заставляютъ биться самыя нечувствительныя сердца! На золотой самопрялкѣ придетъ она шелкъ-сырецъ.

Девять золовокъ робко ей прислуживаютъ, свекровь покорно сидитъ за ея спиною и плететъ ея длинныя черныя косы; девять деверей, съ алмазными глазами, стерегутъ ея дверь, а свекоръ лежитъ на крышѣ, готовый сразиться съ людьми, звѣрьми и драконами!“

Абесаломъ затесковалъ пуще прежняго, но, несмотря на все его могущество, ему и въ голову не приходило нарушить свое царское слово и отнять любящую и любимую женщину, ревность снѣдала его, онъ слегъ въ постель и жизнь его угасала. Придворные, подъ видомъ заботы о здоровьѣ царскомъ, а въ сущности, чтобы угодить его страстямъ, собрали совѣтъ и рѣшили, что одному изъ нихъ слѣдуетъ отправиться на добычу живой воды для царя. Жребій искусно вынули на Мурмана. Извѣщенный объ этомъ, Мурманъ провелъ всю ночь въ напрасныхъ стараніяхъ склонить къ себѣ сердце Этери, но она ни разу не улыбнулась Мурману и не переставала плакать объ Абесаломѣ. На разсвѣтѣ Мурманъ отправился въ путь.

Надо было обойти горы Коджорскія и подняться на такую высоту, гдѣ витаютъ орлы. А между тѣмъ сестра царя Марехъ и братъ Этери Темурханъ составили свой заговоръ. Тотчасъ по уходѣ Мурмана, Марехъ явилась къ Этери, съ приглашеніемъ вмѣстѣ посвятить Темурхана, чтобы полюбоваться на рѣдкій атласъ, полученный имъ изъ Индіи. По дорогѣ, царевна убѣдила Этери зайти на минутку къ Абесалому, чтобы исцѣлить его своимъ взглядомъ. Этери согласилась. Марехъ бросилась впередъ, чтобы обрадовать умирающаго. Но онъ уже услыхалъ шаги Этери и приказалъ привести своего лучшаго коня съ сѣдломъ и уздою, осыпанными брильянтами.

— Благодарюзаприходъ, — сказалъ царь, — но теперь уже ничто не можетъ спасти меня отъ могилы. Да будетъ воля Господня! Возьми того коня, на которомъ ты видѣла меня въ послѣдній разъ, на память обо мнѣ.

— Не нуженъ мнѣ ни конь, ни сѣдло драгоценное! — отвѣтила Этери, — есть у меня твой подарокъ, который мнѣ дороже и полезнѣе всего этого. Это — острый ножъ, подаренный мнѣ тобою, въ домѣ мачехи; его вонжу я по рукоятку въ свою правую грудь, чтобы умереть съ тобою и раздѣлить твою могилу!

Абесаломъ умеръ, съ счастливою улыбкою на устахъ, а Этери немедленно исполнила свое намѣреніе и ихъ вмѣстѣ погребла у проѣзжей дороги. На ихъ могилѣ выросли роза и фіалка, утренняя и вечерняя роса освѣжала ихъ, изъ могилы вытекалъ ручей чистой прозрачной воды, въ которомъ плавала золотая чаша. Путники отдыхали у освѣжающаго источника, утоляли свою жажду изъ золотой чаши, любовались на прекрасныя цвѣты и наслаждались ихъ благоуханіемъ, каждый благословлялъ умершихъ и завидовалъ ихъ участи.

Когда Мурманъ вернулся и узналъ о случившемся, имъ овладѣло не раскаяніе, а какое-то остервененіе.

Онъ зарылъ себя живымъ въ землю, возлѣ могилы царской. На могилѣ самоубійцы выросъ тернъ, изъ-подъ котораго народились щенята и, въ то время, когда фіалка и роза наклонялись другъ къ другу для поцѣлуя, тернъ всѣми силами тянулся къ нимъ, чтобы разъединить ихъ, злые щенята наполняли воздухъ зловоніемъ и кусали путниковъ, тернъ рвалъ ихъ одежды и проклятія сыпались на могилу ученика дьявола отдавшаго душу матери на мученье, для удовлетворенія своихъ страстей.

XXII.

З Б З Р Я.

(Тушинская боевая пѣсня).

Л Е Г Е Н Д А.

Два всадника гнались за дикими козами. Быстро мчались ихъ удалые кони, но еще быстрѣе спасались отъ нихъ легкія козочки, перепрыгивая узкія расщелины, однимъ прыжкомъ вскакивая на небольшіе пригорки и, словно на крыльяхъ, перелетая чрезъ кустики и низкія деревца. Теперь бросились они на высокую гору, покрытую кустарникомъ и лѣсомъ и быстро мелькали между зелеными вѣтвями и цвѣтущими деревьями, поднимаясь все выше и выше. Погоня всадниковъ значительно замедлилась, частая растительность затрудняла ихъ преслѣдованіе и пока маленькія козы перепрыгивали чрезъ кусты, находя достаточно мѣста въ тѣсныхъ промежуткахъ, чтобы коснуться земли и снова прыгнуть, сравнительно крупныя лошади должны были объѣзжать свалившіяся деревья, медленно пробираясь по чащѣ, и всадникамъ не разъ приходилось ломать, срубать вѣтки, преграждавшія имъ путь. Когда они, послѣ долгихъ усилій, взобра-

лись наверхъ горы, козъ уже не было видно и, озираясь туда и сюда, чтобы найти ихъ, взоръ всадниковъ упалъ на ту сторону горы, у подошвы которой разстилалась баснословно прекрасная Алазанская долина. И какъ хороша она была въ этотъ чудный солнечный день, вся залитая мягкими лучами, переливаясь множествомъ разнообразныхъ тѣней, одна другой нѣжнѣе и прелестнѣе. То утопая въ блѣдно-розовыхъ волнахъ какого-то чуднаго сіянія, то ослѣпляя золотомъ, то сверкая изумрудами и топазами своихъ безчисленныхъ виноградниковъ. Тамъ и сямъ море гроздей, пересѣкалось небольшимъ фруктовымъ садомъ, которые, какъ исполинскіе цвѣтники, соединяли въ себѣ изумительное разнообразіе цвѣтовъ, отъ самыхъ яркихъ до самыхъ темныхъ и блѣдныхъ. Въ изумленіи остановились охотники. До сихъ поръ никто изъ тушинъ не зналъ о существованіи благословенной Кахетіи. Развернувшись вдругъ, во всей ослѣпительной красотѣ своей, она показала имъ раемъ и приковала къ себѣ ихъ восхищенные взоры.

И охота, и погоня, и козы, все было забыто. Они стояли въ восторженномъ созерцаніи этого совершенства красоты, и безсознательно покоряясь ей притягательной силѣ,

стали спускаться въ Панкисское ущелье. На рѣкѣ Бацарисъ-Цкали наткнулись они на отрядъ сторожевыхъ татаръ, который сейчасъ же окружилъ пришельцевъ и, надругавшись надъ ними самымъ позорнымъ образомъ, снова прогналъ ихъ на гору, съ которой они къ нимъ спустились. Придя домой, обиженные остановились близъ той рѣчки, гдѣ обыкновенно собирался народъ для рѣшенія важныхъ дѣлъ. Здѣсь сообщили они о своемъ приключеніи и требовали мести. Вскорѣ по зову старшины, собрались не только тушины, но и пшавы и хевсуры, приглашенные на совѣтъ. Рѣшили единодушно — жестоко отомстить за оскорбленіе. Пшавы и хевсуры обѣщали свое содѣйствіе и, съ общаго согласія, все войско раздѣлилось на двѣ части.

Одна часть должна была скрыться въ Панкисскомъ ущельи, а другая — направиться къ Бахтріонской крѣпости, лежащей къ востоку отъ Алазани, и въ то время считавшейся весьма сильнымъ укрѣпленіемъ. Нынѣ можно судить о ней только по развалинамъ, все еще свидѣтельствующимъ о ея минувшихъ величіи и силѣ. Черезъ рѣку нельзя было переправиться иначе, какъ по мосту, который хитрые татары усыпали золой, чтобы всегда по слѣдамъ знать о количествѣ и

направленіи переѣзжавшихъ. Но не скрылась эта хитрость отъ зоркаго глаза Зезвы, предводителя отряда. Онъ велѣлъ перековать лошадей на выворотъ и, быстро перейдя мостъ, успѣлъ скрыться въ долину, прежде появленія татаръ. Эти послѣдніе сообразуясь съ направлениемъ слѣдовъ, помчались въ погоню, съ каждымъ шагомъ удаляясь все далѣе и далѣе отъ тѣхъ, кого стремились нагнать. Между тѣмъ наступила ночь и въ темнотѣ, тушины, никѣмъ не замѣченные, подошли подъ самую крѣпость.

Приказавъ воинамъ отдохнуть, Зезва, не нарушая тишины, взялъ молотъ, обернулъ его войлокомъ, снялъ съ коня большое мапраша (пара мѣшковъ, надѣваемая на лошадь), наполненное крѣпкими желѣзными кольями и вбилъ первый колъ въ стѣну крѣпости и на высоту своего пояса, вставъ на него, онъ вбилъ другой и, такимъ образомъ продолжалъ взбираться до верха высокой стѣны, откуда спрыгнувъ, быстро открылъ ворота. Какъ потокъ ворвались тушины въ крѣпость, вмѣстѣ съ первыми лучами восходящаго солнца. Полусонные татары выбѣжали въ поле, а навстрѣчу къ нимъ уже неслись ишавы и хевсуры изъ Панкисскаго ущелья. Обруженные татары вскорѣ были перебиты до единаго, а Алван-

ское поле, на которомъ происходило побоище, съ тѣхъ поръ называлось „Гацветила“ (отъ слова „гацвета“ — истреблять). Всю богатую добычу этого дня, великодушный Зезва отдалъ союзникамъ, то-есть, пшавамъ и хевсурамъ, а Гацветила стала собственностью всѣхъ тушинъ.

Теперь мѣсто это извѣстно подъ названіемъ „Алванскаго поля“. Нѣкоторые производятъ это названіе отъ грузинскаго слова „али“ то-есть пламя, такъ какъ на полѣ этомъ послѣ пламени сраженія, долго дымилась кровь татарская; другіе производятъ это названіе отъ кштинскихъ словъ „ал“ владыко и „ва“ здѣсь. Это послѣднее толкованіе, мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ Алвани былъ однимъ изъ загородныхъ дворцовъ Тамары, развалины коего не сохранились, но преданіе воздвигаетъ дворецъ на Алванскомъ полѣ.

XXIII.

С О Я Я Г Ъ.

(Разказъ Миха *).

Л Е Г Е Н Д А.

---

*) Миха одно изъ племень Кавказа. Этотъ разказъ есть переводъ героической пѣсни.

Пышный приемъ готовился при турецкомъ дворѣ. Султанъ хотѣлъ блистательно угостить знаменитаго богатыря Солага, миха родомъ, прибывшаго въ его предѣлы. У дверей визирь встрѣтилъ гостя съ распростертыми объятіями и освѣдомился о томъ, какое счастливое стеченіе обстоятельствъ доставило Турціи счастье видѣть его въ своихъ предѣлахъ.

Солагъ хотѣлъ отвѣтить, но визирь, не слушая его, продолжалъ рѣчь и тѣмъ заставилъ гостя замолчать.

Отъ султана было приказано визирю изыскать способъ, подъ видомъ дружбы и уваженія погубить знаменитаго героя и онъ послѣшилъ предложить ему поединокъ съ арабомъ-великаномъ и силачемъ, обѣщая въ награду за побѣду званіе паши Ахалцихскаго.

Солагъ отказался отъ награды, не желая покинуть маленькую Михію, на служеніе которой посвятилъ свою жизнь, но поеди-

нокъ принялъ, и визирь подвелъ ему дорогого коня подъ золотымъ уборомъ, со словами:

„Вотъ конь достойный будущаго наши Ахалцихскаго“. Въ пятницу весь городъ собрался на площадь. Гордо примчался арабъ на борзомъ конѣ. Солагъ учтиво ему поклонился, но онъ вмѣсто отвѣта бросилъ въ него копьемъ. Несмотря на неожиданность нападена, Солагъ успѣлъ отвернуться, но другое и третье копые летятъ вслѣдъ за первымъ. Отъ всѣхъ нихъ увертывается ловкій мишь и быстро переходитъ въ наступленіе. Какъ вихрь мчится онъ прямо на противника и на всемъ скаку пускаетъ въ него копьемъ. Онъ пронизываетъ араба насквозь и пригвождаетъ его къ землѣ. Желая возбудить смущеніе въ народѣ, муллы окружаютъ трупъ, читаютъ коранъ и наполняютъ воздухъ печальными возгласами. Но народъ восхищенный подвигомъ Солага остается равнодушнымъ къ ихъ плачу.

Солага съ честію ведутъ во дворець, гдѣ султанъ послѣ благосклоннаго приема и любезнаго поздравленія, награждаетъ его золотомъ и драгоценными камнями и предлагаетъ мѣсто паша Ахалцихскаго. Солагъ вторично отказывается.

„Подумай о той силѣ и о томъ могуществѣ, которыми ты будешь обладать!“ — говоритъ султанъ.

— Государь, — отвѣчаетъ богатырь, — благодарю за честь и довѣріе, но обладая, по милости Божіей, той силой, которая привлекла на меня ваше высокое вниманіе я не ощущаю нужды ни въ какой другой и не хочу другого могущества, кромѣ того, которое даетъ мнѣ любовь моихъ согражданъ!

И всю жизнь прожилъ Солагъ въ бѣдной Михіи, защищая обиженныхъ, барая беззаконныхъ и никогда не умеръ, ибо, даже до нашихъ дней живетъ со славою въ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ, благословляемый всѣми поколѣніями, какъ свѣтлый образъ мужества и безкорыстной любви къ родинѣ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.....	I—II
I. Дождь. Легенда XI вѣка.....	1
II. Тритино. Легенда.....	15
III. Фарнаозъ. Страницка изъ исторіи Грузин.....	29
IV. Несгорасмый тюльпанъ. Легенда.....	51
V. Святая Ница. Разсказъ.....	85
VI. Царь Миріанъ. Разсказъ.....	157
VII. Брильянтъ. Легенда.....	179
VIII. Счастье впу́трь васъ есть. Легенда.....	199
IX. Жемчужина. Легенда.....	219
Стихи князи А. II. Кугушева.....	235
X. Дань розъ. Легенда.....	237
XI. Заколдованный шкафъ. Легенда.....	251
XII. Жребій Божіей Матери. Преданіе.....	287
XIII. Камбечіанъ. Легенда.....	303
XIV. Комета. Легенда.....	317
XV. Паукъ. Легенда.....	337
XVI. Царь-Тамара. Легенда.....	353
XVII. Жемчужное ожерелье. Легенда.....	365
XVIII. Бакаръ I, царь грузинскій. Разсказъ.....	377
XIX. Святой Мурваносъ. Разсказъ.....	383
XX. Сила смиренія. Легенда.....	395
XXI. Этеріани. Легенда.....	437
XXII. Зезва. (Тушинская боевая пѣсня). Легенда..	455
XXIII. Солагъ. (Разсказъ миха). Легенда.....	463

